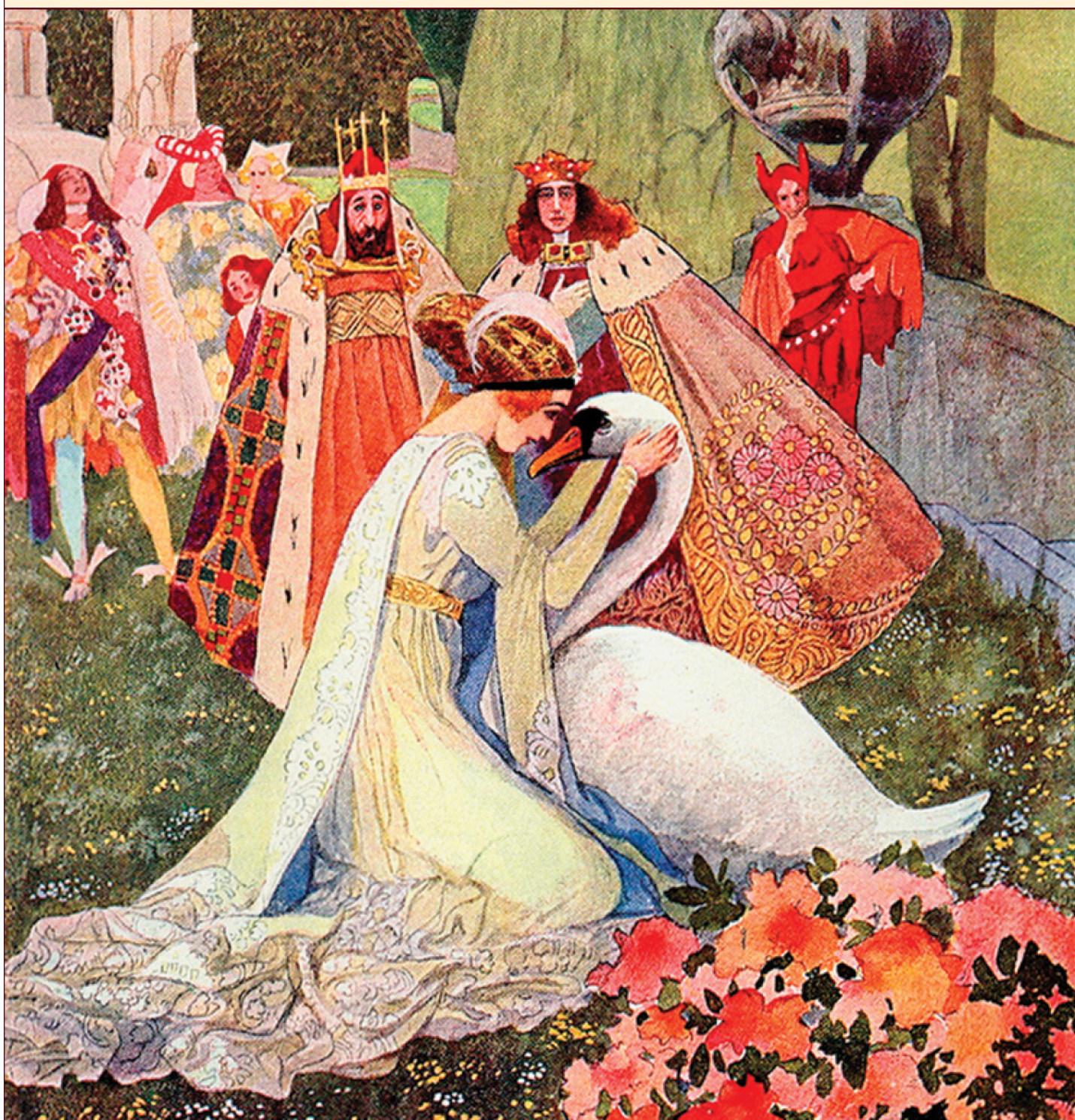

Предания, сказки и мифы западных славян

Библиотека Всемирной Литературы

Народное творчество (Фольклор)

**Предания, сказки и
мифы западных славян**

«ЭКСМО»

УДК 398(=16)
ББК 82.3(0)-6

Народное творчество (Фольклор)

Предания, сказки и мифы западных славян / Народное творчество (Фольклор) — «Эксмо», — (Библиотека Всемирной Литературы)

ISBN 978-5-04-118611-1

Эта книга — второе и дополненное издание собрания преданий, мифов и сказок западных славян 2018 г. В сборник вошел весь цикл известного чешского поэта, писателя и переводчика К. Я. Эрбена «Букет». Также в сборник вошли самые известные сказки и предания западных славян: польские, чешские, словацкие, сказки русинов и других западнославянских народов. Переводчик и составитель сборника — кандидат филологических наук, современный писатель, литератор — Галина Марковна Артемьева. Она уделила особое внимание формам общественного и государственного устройства, рассчитывая оказать этим помощь в изучении не только общей истории западных славян, но и истории их права. Наиболее полно показана историческая связь западнославянских народов с Российским государством. Для широкого круга читателей.

УДК 398(=16)
ББК 82.3(0)-6

ISBN 978-5-04-118611-1

© Народное творчество (Фольклор)
© Эксмо

Содержание

С молитвой о мире славянском	6
Карел Яромир Эрбен	14
Биографическая справка	14
К истории издания «Букета» К. Я. Эрбена в русском переводе	16
Букет	17
Букет	17
Клад	17
Свадебные рубашки	29
Полудница[2]	37
Золотая прялка	39
Сочельник	47
Голубок	52
Загоржево ложе	54
Водяной	65
Верба	72
Лилия	75
Дочернее проклятье	77
Вестница	79
Чешские сказки	86
Златовласка	86
Три золотых волоса Деда Всеведа	89
Живая вода	94
Повесть о Литошском роднике	99
Разум и счастье	99
Так хорошо, что есть смерть на свете	102
Горшочек, вари!	104
Длинный, Широкий и Остроглазый	105
Водяной	110
Черт и цыган	111
Полешко	113
Близнецы	115
Школа богатства	119
Король Хорек	120
Верхнелужицкие сказки	122
Еник и Ганичка	122
Все-таки право останется правом	123
Золотой клад	125
Жена водяного	126
Нижнелужицкие сказки	128
Красная Шапочка	128
Конец ознакомительного фрагмента.	129

Народное творчество

Предания, сказки и мифы западных славян

© Лифшиц-Артемьева Г.М., перевод на русский язык, 2021

© Лифшиц-Артемьева Г.М., составление, 2021

© Лифшиц-Артемьева Г.М., предисловие, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

С молитвой о мире славянском

Дорогой читатель! Сейчас вы попадете в волшебное царство древних народных преданий, созданных и сохраненных народами, относящимися к нашей общей, огромной и разноликой, славянской семье. Задумывались ли вы когда-нибудь о том, что славяне – самая большая в Европе группа родственных народов? По приблизительным подсчетам, численность славян сейчас составляет от 300 до 350 миллионов человек.

Существует несколько версий происхождения слова «славяне», например, предполагается, что в основу легло «слово», то есть СЛОВѢНЕ – люди, владеющие словом, говорящие на понятном языке, что отличало их от НЕМЦЕВ, – «немых», «не владеющих словом» – чужаков. Кроме того, возможно, в основу легло и слово «слава». Тогда славяне – означает «славные».

В «Повести временных лет» летописец говорит о событиях после Потопа так: «...по разделении народов взяли сыновья Сима восточные страны, а сыновья Хама – южные страны, Иафетовы же взяли запад и северные страны. От этих же 70 и 2 язык произошел и народ славянский (...).

Спустя много времени сели славяне по Дунаю, где теперь земля Венгерская и Болгарская. От тех славян разошлись славяне по земле и прозвались именами своими от мест, на которых сели. Так, одни, придя, сели на реке именем Морава и прозвались моравы, а другие назвались чехи. А вот еще те же славяне: белые хорваты, и сербы, и хорутане. Когда волохи напали на славян дунайских, и поселились среди них, и притесняли их, то славяне эти пришли и сели на Висле и прозвались ляхами, а от тех ляхов пошли поляки, другие ляхи – лутичи, иные – мазовшане, иные – поморяне, иные – ободриты.

Также и эти славяне пришли и сели по Днепру и назвались полянами, а другие – древлянами, потому что сели в лесах, а другие сели между Припятью и Двиною и назвались дреговичами, иные сели по Двине и назвались полочанами, по речке, впадающей в Двину, именуемой Полота, от нее и назвались полочане. Те же славяне, которые сели около озера Ильменя, назывались своим именем – славянами, и построили город, и назвали его Новгородом. А другие сели по Десне, и по Сейму, и по Суле, и назвались северянами. И так разошелся славянский народ...»

В настоящее время многочисленная и многоликая семья славян делится по языковым и географическим признакам на три группы: восточные славяне (к которым относимся и мы с вами, русские, и наши ближайшие соседи – украинцы и белорусы), южные славяне и западные славяне. История каждого славянского народа драматична, богата подвигами, победами, поражениями. У каждого народа есть свои герои, которых помнят из-за того, что они подают пример – из поколения в поколение – величия духа и любви к своей родине. А каждый народ силен прежде всего духом и чистотой помыслов лучших своих сынов. И собранные в этой книге сказания – тоже свидетельство подвига каждого отдельного человека, собравшего сокровища, созданные когда-то давно славянскими братьями и сокровищами не считавшимися.

Но сначала о западных славянах. К ним относятся сорбы, или лужичане (верхние и нижние), поляки, силезцы, кашубы, словаки, чехи. Общее число этих народов – около 80 миллионов человек.

Современные лужичане – это остатки лужицких сербов (на нижнелужицком – Serby, на верхнелужицком – Serbja, на немецком – Sorben). Когда-то они входили в союз полабских (то есть живущих вдоль реки Лабы (Эльбы) славян. Они заселяли не менее трети (север, северо-запад, восток) территории современной Германии. В XII–XIII веках в ходе немецкой экспансии на восток полабские славяне были вытеснены со своих земель и онемечены (так, лютичи и ободриты полностью ассимилировались). Только лужичане сохранили свой язык и культуру. Современный лужицкий язык разделяют на верхнелужицкий и нижнелужицкий. Сейчас их

всего 50–60 тысяч человек. Живут они в основном в Германии, где признаны национальным меньшинством. Небольшие общины лужицких славян есть в Польше и Чехии.

Кашубы – западнославянский народ, проживающий в основном на севере Польши (около 300 тысяч человек). Кашубы – прямые потомки древнеславянского племени поморян. В начале XIX века бедность гнала кашубов в другие края в поисках заработка. Началась эмиграция, принявшая к концу XIX века массовый характер. Кашубы уезжали в Германию, США, Канаду. В канадской провинции Онтарио было основано поселение Вильно, жителям которого удалось сохранить свои исконные традиции и родной язык. В США в конце XIX века оказалось примерно 90 тысяч кашубов, в Канаде – 25 тысяч, в Бразилии – 15 тысяч.

Поляки – самый многочисленный западнославянский народ, давший миру большое количество ученых, поэтов, писателей, музыкантов, государственных деятелей (всем известны имена Николая Коперника, Адама Мицкевича, Фредерика Шопена – славных сыновей Польши). На сегодняшний день в Польше живет 36 миллионов поляков. Всего в мире их насчитывается около 60 миллионов.

Силезцы – западнославянский народ, который живет в Польше (817 тысяч человек), в Чехии (более 12 тысяч человек) и небольшое количество – в Германии. Предками силезцев были племена слензан.

Словаки – западнославянский народ, в Словакии их численность составляет 4,5 миллиона, в США – 800 тысяч, в Чехии – около 200 тысяч, большие группы словаков живут в Сербии, Канаде, Ирландии, Германии, Венгрии, Австрии, Латинской Америке. Некоторые слависты высказывают мнение, что словацкий язык развился непосредственно из праславянского.

Чехи – второй по численности (после поляков) западнославянский народ, общая численность которого составляет более 12 миллионов человек. В Чехии живет около 10 миллионов чехов, в США – более 1,5 миллиона, в Великобритании – около 90 тысяч, в Канаде – около 80 тысяч, в Германии – около 50 тысяч. Большие группы чехов живут также в Словакии, Аргентине, Австралии, Швейцарии и других странах. Весь мир знает великих сынов Чехии – Яна Амоса Коменского, Карла IV, Антонина Дворжака, Бедржиха Сметану, Карела Чапека, Ярослава Гашека, Франца Кафку и многих других. Чешский язык близок к словацкому и верхнелужицкому.

В 622 году в Моравии (сейчас это часть Чешской Республики) было основано первое в истории славянское государство Само. Основной частью ядра населения державы Само были предки словаков и чехов. Не сохранилось точных данных о границах этого государства, но остались хроники (летописи), из которых и черпают историки сведения об основателе государства и его истории. Так, Хроника Фредегара (основной источник по истории государства Само) сообщает, что создано было оно франкским торговцем по имени Само, который возглавил восстание славян против Аварского каганата, выиграл войну и в результате был избран королем. Есть и другая версия, которая содержится в «Обращении баваров и хорутан», написанном, правда, спустя два века после образования державы Само. В «Обращении» говорится: «Во времена славного короля франков Дагоберта славянин некий, именем Само, проживавший у хорутан, был вождем этого племени».

К IX – началу X века относится существование сильного государства Великая Моравия, которое сыграло огромную роль в развитии общеславянской культуры. В период наивысшего расцвета Великой Моравии в нее входили Моравия, Словакия, Чехия, а также Лужицы, часть Словении и малой Польши.

В столице Великой Моравии Оломоуце в 863 году началась великая просветительская деятельность двух братьев из Салоник – Константина (Кирилла) и Мефодия. Именно там, в Оломоуце, Константин разработал первый славянский алфавит – глаголицу. Для моравской миссии Константин избрал так называемый старославянский язык, на который они с Мефодием перевели литургические и библейские тексты. Во время пребывания в Моравии бра-

тя перевели всю Библию на старославянский язык. Благодаря миссии в Моравии Константин (Кирилл) и Мефодий считаются основателями всей славянской литературы.

В марте 868 года старославянский язык был допущен римским папой (Адрианом II) в качестве четвертого литургического языка западной церкви наряду с латынью, греческим и еврейским языком. Ни один папа не повторял подобного для другого языка вплоть до XX века. В Великой Моравии старославянский язык использовался наряду с латинским. На нем говорили при дворе и в образованных кругах.

В IX веке происходил бурный процесс христианизации славян. В результате церковного раскола начала XI века большинство южных славян и все восточные оказались в греко-православной церкви, а западные славяне и некоторые южные (хорваты, словенцы) стали исповедовать католицизм.

К X веку на берегах Влтавы закладываются крепости Вышеград, а чуть позже, на противоположном берегу, – Пражский град. Козьма Пражский, первый чешский летописец, в начале XII века писал о том, как была основана Чехия, пользуясь исключительно народными преданиями, передававшимися из уст в уста. Благодаря его записям дошло до нас имя первого князя чехов – Крок. Его дочь, Либуше, вышла замуж за Пржемысла – простого пахаря из села Стадице. Потомков их называют Пржемысловичами. Из этого рода был и среднечешский князь Борживой. Его и его супругу Людмилу крестил по православному обряду архиепископ Мефодий. За крещение без согласия чешского сейма Борживой был низложен, но через год он одержал над сеймом победу и на старом сеймовом поле поставил свою крепость, в ней появился и первый христианский храм. Эта крепость и стала основой современного Пражского града. Сыновья Борживоя, стремясь избавиться от моравской зависимости, отправились в Регенсбург (совр. Германия), принесли местному князю вассальную грамоту. Они обязывались платить дань и соглашались на подчинение Чехии церковной власти регенсбургского епископа. Так в Чехию стал проникать латинский церковный обряд. Славянский же обряд богослужения сохранялся в Чехии еще на протяжении двух веков, постепенно теряя свои позиции.

В начале X века вторжение мадьярских племен положило конец Великоморавской державе. Православие в Великой Моравии было разгромлено. Просветительская деятельность, начатая Константином (Кириллом) и Мефодием в Оломоуце, была продолжена их учениками в Болгарии.

В 988 году Древнерусское государство принимает православие. Письменность всех восточных славян – кириллица – и по сей день остается нашим средством письма. Она открывает нам мир, привычная и родная. Но кто из нас имеет представление о том, какому месту на земле обязаны мы нашей азбукой? Лишь единицы знают об Оломоуце, западнославянском моравском городе, где македонцы Константин (Кирилл) и Мефодий создали глаголицу. Вот какой разноцветный венок, вот чудеса высшего промысла: сами западные славяне ныне пользуются латиницей, приняв католический обряд христианства. А кириллица вошла в нашу плоть и кровь. Но от этого раздела мы не перестаем быть братьями. И в этом правда и улыбка истории человечества. Пусть ветки могучего дерева и смотрят в разные стороны, растут они из одного ствола и корни у них одни.

Сейчас мы пристально взглянем в одну из ветвей нашего общего генеалогического древа. Книга сказаний западных славян переведена с чешского, и вся она – красноречивое свидетельство того, чем живут и благодаря чему выживают те или иные народы, почему одни уходят с исторической сцены бесследно, а другие, какие бы испытания ни выпали на их долю, возрождаются после, казалось бы, полного разрушения. Яркий тому пример – история Чехии и драматическая судьба чешского языка.

С XI века на протяжении трех веков Чехия находилась под властью германских императоров. Под мощной защитой страна процветала. Особо благоприятным временем для развития Чехии стал период правления императора Карла I (или Карла IV – как императора Германии)

(1346–1378). Именно Карл основал в Праге в 1348 году первый в Средней и Восточной Европе университет – знаменитый Карлов университет.

Не будем подробно рассматривать кровавые междоусобицы, религиозные войны, битвы за власть, происходившие в Чехии на протяжении многих веков. Одна война следовала за другой, пока бедствия Тридцатилетней войны (1618–1648 гг.), начавшейся как религиозное столкновение между протестантами и католиками и переросшей в борьбу против доминирования в Европе Габсбургов, не привели к разорению Чехии, уничтожению в результате боевых действий, голода и эпидемий тысяч поселений и трех четвертей чешского населения (из 2,5 миллиона жителей после войны осталось менее 700 тысяч). Давайте задумаемся в эту цифру: 700 тысяч оставшегося в живых чешского населения! Это по нынешним меркам небольшой город (для сравнения – население современной Риги как раз составляет 700 тысяч человек). А тут – целая страна, причем обнищавшая и изнуренная многолетними разорениями. Что ее ожидало? Что ожидало чешскую культуру и самую основу народного существования – чешский язык? Прямо скажем: в этом отношении ничего хорошего ожидать было нельзя. После Тридцатилетней войны усилилась немецкая колонизация чешских земель. В Чехии активно распространялось лютеранство. Много земель пустовало. Земли эти переходили в руки иностранцев, заселялись выходцами из Германии, естественно, говорившими на немецком языке. Центральные органы управления страной находились в те времена в Вене, и все официальные документы составлялись на немецком языке, вся деловая переписка велась на немецком. Те, кто хотел сделать карьеру при дворе, занять мало-мальски важный пост на государственной службе, должны были свободно владеть немецким языком. Как следствие этого – образование стало вестись на немецком языке. Некоторые чешские дворяне полностью онемечивались, забывали родной язык.

Впрочем, история вполне нам знакомая и понятная. То же, хотя и по иным причинам, происходило и в Российской империи. После прорубленного Петром Великим окна в Европу какие только языки не считались в высшем обществе приличнее, чем родной русский! Вспомним: на каком языке писала милая нашему сердцу Татьяна Ларина письмо Евгению Онегину? На французском! Потому что по-русски грамотно писать не умела. А начало романа Л. Н. Толстого «Война и мир», которое так трудно бывает одолеть читателю из-за того, что написано оно частично на французском? Лев Толстой совершенно реалистично передал атмосферу великосветского столичного салона начала XIX века. Русский язык – язык дворни, аристократам на нем изъясняться было неприлично. При этом русскому языку исчезновение не грозило – многочисленным был этот славянский народ.

Для чешского же народа онемечивание грозило исчезновением! Распространение иезуитов в Чехии тоже способствовало упадку чешского языка. Они, как и другие миссионеры, не были принципиальными противниками непонятого им языка, но, по собственному невежеству и религиозному фанатизму, истребляли чешские рукописи и книги, причисляя их к еретическим. К концу XVIII века (в 1784 году) на немецком языке преподавали в гимназиях и Карловом университете в Праге. Все правительственные и государственные учреждения использовали исключительно немецкий язык.

К началу XIX века Чехия была преимущественно аграрной страной и находилась в составе Австрийской империи. Политическая стабильность в стране способствовала благополучию граждан, население чешских земель постоянно увеличивалось и к 40-м годам XIX столетия составило уже 6,7 миллиона человек. Австрия не поддерживала в Чехии народное образование, имперская политика базировалась на централизации и германизации (в отношении языка), что вызывало протесты в народе, который стремился сохранить родной язык и культуру. Без свободного владения немецким невозможно было сделать достойную карьеру. Чешский же был языком народа, считался языком малокультурных слоев и использовался в приватном семейном общении. На защиту возможностей и красоты родного языка постепенно

вставали просветители, старавшиеся шире распространить чешский язык, доказать его великолепное прошлое и современные возможности. Старания их почти не приносили плодов, потому что многие чехи уже едва говорили по-чешски. Однако среди дворянства возникло движение за сохранение родного языка, которое называли «земский (т. е. областной, провинциальный) патриотизм». Патриотизм постепенно пробуждался. Ядро народа составляли жители деревень и местечек (маленьких городков), мелкие ремесленники, крестьяне, как зажиточные, так и батраки, и некоторое количество интеллигенции. В глубинке всюду сохранялся чешский язык, пусть и небогатый, грамматически не оформленный, но именно в нем, родном языке, жило народное сознание, хранимое из поколения в поколение. После освобождения в 1781 году от рабской привязанности к определенному месту проживания (крепостного права, распространенного в Чехии с середины XVII века) жители чешских деревень могли перемещаться по стране свободнее. Возникла социальная мотивация для распространения чешского языка. Однако уравнивать чешский язык в правах было невероятно трудно и стоило огромных затрат сил и энергии.

Первая чешская программа охраны родного языка была представлена Йозефом Добровским в докладе перед императором Леопольдом II на заседании Общества чешских наук 25 сентября 1791 года. Тема доклада звучала так: «О преданности и расположении славянских народов императорскому австрийскому дому». Добровский говорил об отношении чехов к Габсбургской монархии и напоминал об их заслугах перед ней, прося не лишать чешский народ наследия и дать возможность развивать родной язык.

Медленно, но неуклонно народное движение развивалось, а с ним появлялись поэты, писатели, ученые, пишущие на родном языке. С развитием литературы стал расширяться и круг читателей. Литераторы черпали вдохновение в произведениях устного народного творчества, собирали народные песни и сказания, которыми так богата была Чешская земля. И вот уже в 1834 году впервые зазвучала песня «Где дом родной?», музыку которой сложил Франтишек Шкroup на слова Йозефа Каэтана Тыла:

Где дом родной,
где дом родной?
Журчат воды по долинам,
шумят боры по скалинам,
а в садах – весенний цвет,
рай земной – и краше нет!
Это все земля родная,
земля чехов – вот мой дом,
земля чехов – вот мой дом!

Со временем песня эта стала «общей песней всех чехов» и была принята как народный гимн, который позднее стал государственным гимном. Им он остается и по сей день.

И все же борьба за место чешского языка, за его равноправие длилась долго. Борьба эта была невидимой, но ей подчинялись судьбы людские, потому что требовала она героических решений. Яркий тому пример – судьба Яна Неруды, крупнейшего чешского поэта XIX столетия. Именно языковой барьер способствовал тому, что он не был провозглашен великим европейским поэтом. Он, как каждый образованный чех того времени, свободно владел немецким языком, но когда один из друзей посоветовал ему писать стихи по-немецки, Неруда отказался, решив остаться в народных «красно-белых красках». Отказался от большей славы во имя любви к родному языку.

В начале XIX века вместе со стремлением к возрождению национального языка возник интерес к народному поэтическому творчеству. При чем тенденция эта наблюдалась у всех

европейских народов. Что искали энтузиасты, записывая сказки своего народа, к которым принято было относиться пренебрежительно, как к пустой болтовне примитивных неграмотных бабок? Что они хотели в них обнаружить? На этот вопрос мы все можем ответить строками А. С. Пушкина, которые давно стали частью нашего народного сознания:

У лукоморья дуб зеленый;
Златая цепь на дубе том:
И днем и ночью кот ученый
Все ходит по цепи кругом;
Идет направо – песнь заводит,
Налево – сказку говорит.
Там чудеса: там леший бродит,
Русалка на ветвях сидит;
Там на неведомых дорожках
Следы невиданных зверей;
Избушка там на курьих ножках
Стоит без окон, без дверей;
Там лес и дол видений полны;
Там о заре прихлынут волны
На брег песчаный и пустой,
И тридцать витязей прекрасных
Чредой из вод выходят ясных,
И с ними дядька их морской;
Там королевич мимоходом
Пленяет грозного царя;
Там в облаках перед народом
Через леса, через моря
Колдун несет богатыря;
В темнице там царевна тужит,
А бурый волк ей верно служит;
Там ступа с Бабою Ягой
Идет-бредет сама собой;
Там царь Кащей над златом чахнет;
Там русский дух... там Русью пахнет!..

Дух своего народа увековечил Александр Пушкин в поэмах и сказках. И если вчитаться внимательно в Лукоморье, мы увидим родные образы нашей природы, наших героев, наших сверхъестественных персонажей: лес и дол – леса и равнины, морской берег, витязи, победы в боях, царевна в темнице, волк у нее на службе, Баба-яга, царь Кащей...

Дух своего народа – вот что стремились найти, ощутить и те чешские собиратели, которые решили сохранить сказки, песни, загадки, предания, собирая их повсюду, где жили славяне. В книге мы встретим другие картины природы, других чудовищ, другие обстоятельства и сюжеты. Мы узнаем о скалах, которые открывают свои волшебные двери, а за ними... О кладах, которые открываются лишь раз в году, на Страстную пятницу, о чертях, которых удалось обмануть простым крестьянкам, о водяном, утаскивающем людей на дно, а потом хранящем в горшочках их души...

Какая идея владела К. Я. Эрбеном, который отправился собирать сказания лужичан, кашубские сказки, польские, белорусские, малоросские, великорусские, южнославянские предания? Он вполне мог ограничиться бездонным морем фольклора своего народа. Мы знаем,

что это была за мысль. К. Эрбен четко обозначил ее в первом стихотворении бессмертного сборника народных баллад «Букет»:

Мать умерла и взята могилой,
Сиротки после нее остались,
Каждое утро к ней приходили,
По матушке своей сокрушались,

Пожалела мать сыночков и дочек;
Душа ее возвратилась
И воплотилась в малый цветочек,
Им вся могила покрылась.

Узнали матушку детки по духу,
Узнали и заплясали;
Простой цветочек, свою утеху
Материнской душою назвали.

Мать-душа нашей родины милой,
Вы, простые наши преданья!
Собрал я вас на той давней могиле,
Кому принесу эту дань я?

В скромный букет цветки собираю я,
Лентой его украшу,
В широкие земли путь укажу я,
Там семьи, близкие нашим.

Может, и вспомнит о матери дочка,
Дух материнский почуяв,
Может, найдется далекий сыночек,
Сердцем услышит родную.

Идея собрать в единое целое, по крупице, по цветочку, в один букет все наследие нас, сыновей и дочек общей нашей славянской матери, – великая и трогательная идея побуждала замечательного сына чешского народа совершать свой труд.

И вот сейчас – в наших руках цветы из этого букета. Мы узнаем его дух, увидим тени наших далеких предков, почувствуем в своих душах радость узнавания и счастье единства.

Пусть наш славянский мир не знает раздоров. Пусть даруется нам покой, а чудовища, страшные, злобные, приходят только в захватывающих дух сказках и снах. Об этом наша молитва.

Галина Лифшиц-Артемьева, кандидат филологических наук, семантик, славист, ученица выдающегося философа и филолога А. Ф. Лосева и видного российского лексиколога, академика РАН Д. Н. Шмелева, известный писатель, автор более 30 книг, в числе которых романы, сборники рассказов, монографии по семантике русского языка, издания по практической психологии; имеет квалификацию логотерапевта и экзистенциального аналитика, занимается

нарративными техниками в психотерапии, которые позволяют широко использовать сказки, предания и мифы в терапевтических целях.

Карел Яромир Эрбен

Биографическая справка

Кто в России не знает строчки: «У лукоморья дуб зеленый» или – «Мороз и солнце; День чудесный!»? Мне такие не встречались. Слова Пушкина давно стали кровной частью нашего сознания.

Говоря о Кареле Яромире Эрбене, попробуем задать тот же вопрос: кто в Чехии не знает о Златовласке? Кто с детства не слышал стишок:

Хупы, хупы, хупы,
Съела кошка крупы...

Сколько их, сказок, пословиц, считалок, стихов, ставших настолько частью народной жизни, что не все и знают, что нашел их и записал великий подвижник чешского народа – Карел Яромир Эрбен, чью жизнь смело можно назвать удивительной, наполненной стремлением к высоким целям и – очень непростой. Частые болезни, множество преждевременных смертей его близких – и такими мрачными вехами отмечен его жизненный путь. Родился Эрбен 7 ноября 1811 года в Милетине (Подкрконошье). На свет появились мальчики-близнецы, но брат его Ян умер через семь недель после рождения. В целом же семья Эрбенов имела девять детей, но, кроме Карла и его младшей сестры Йозефки, все остальные умирали почти сразу после рождения.

Отец поэта, Ян Эрбен, был сапожником и садовником; мать, Анна, была дочерью учителя. По материнской линии достались Карлу любовь и тяга к учению. Он окончил гимназию в Градце Кралове, после этого изучал философию, а потом право. Во время учения его другом и собеседником стал Карел Гинка Мах, завязал Эрбен дружбу с Франтишком Палацким, а позже и с Боженой Немцовой, познакомился с известными зарубежными собирателями фольклора и много времени проводил в архивах. До 1843 года работал судебным чиновником, потом ассистентом в Национальном музее, а в 1851 году получил место архивариуса города Праги, позднее был назначен руководителем канцелярских учреждений города Праги. Был дважды женат. Первая жена Барбора (Бетинка) Мечирова умерла в 1857 году, после ее смерти он женился на Софии Мастной. От первого брака у Эрбена было три дочери; сыновья его умирали в младенческом возрасте.

Умер Эрбен 21 ноября 1870 года в возрасте 59 лет. Наследие, оставленное им чешскому народу, огромно. Удивительно, как много удалось ему собрать, переработать за его не особо долгую жизнь.

Эрбен собирал и сочинял сказки, песни, баллады, считалки, наговоры, писал статьи для научного словаря Ригера, издавал старочешские труды (например, избранные труды Яна Гуса), переводил свод гражданских законов и уголовный кодекс, принял участие в составлении гимназических учебников, был редактором «Пражских новостей», много путешествовал – в Вену, Загреб, в Москву. В связи со своей исследовательской работой был членом многих известных обществ, например членом Чешской королевской академии наук, членом археологического общества в Москве, членом совета Харьковского университета, корреспондентом Императорского геологического института в Вене; получил множество наград и отличий: например, черногорский князь Николай Первый провозгласил его рыцарем третьей степени. Сборник баллад Эрбена «Китице» («Букет») был торжественно помещен в личную императорскую библиотеку.

Уже в 40-х годах начал Эрбен издавать сказки в «Чешской пчеле» (одной из первых была сказка «Как хорошо, что есть смерть на свете»). Он был сторонником мифологического происхождения сказок. Письменный вариант сказок К. Эрбен реконструировал из двух или более записанных по устным преданиям вариантов (как, например, «Златовласка», «Три золотых волоса деда Всеведа» и др.). Он интересовался деятельностью братьев Гримм, был хорошо знаком с немецкой мифологией Якоба Гримма. По Эрбену, в сказках отражается вечное противостояние зимы и весны, тьмы и света, смерти и жизни, что символизирует мертвая (ледяная) и живая (текучая) вода.

Эрбен не успел осуществить все, что было им задумано: чешские сказки были изданы уже после его смерти, планы, касающиеся дальнейшего собирания фольклора, также были выполнены не целиком, но, несмотря на это, Эрбен по праву считается основателем чешской этнографии и ведущим воплощением основ народного творчества во времена романтизма, причем не только в чешской, но и в мировой литературе. «Чешские сказки» Эрбена издал позже Вацлав Тилле (1905 г.). Славянские сказки Эрбену удалось издать при жизни. В 1869 году вышла книга «Избранные народные сказания и легенды других ветвей славянских». Книга содержала 90 переведенных на чешский язык и литературно обработанных сказаний. Эрбен черпал их из собрания А. Н. Афанасьева (русские и украинские), К. Балинского (польские), А. И. Глинского (польские и белорусские), В. С. Караджича (сербохорватские и словенские), Г. С. Раковского (болгарские) и других собирателей, с которыми Эрбен состоял в переписке (из этой книги в настоящем издании приведены западнославянские предания).

Самое известное творение Эрбена «Букет» («Kytice») вышло с первоначальным названием «Букет из народных преданий» (1853 г.), а в 1861 году автор расширил книгу, назвав ее «Букет из поэм Карла Яромира Эрбена». Поэмы из «Букета» по-прежнему вызывают глубокий интерес: они положены на музыку, по их сюжетам сняты фильмы, к ним обращаются художники. В начале своего творческого пути Эрбен считал главной задачей только сохранить народные сказания, но в «Букете» ему удалось создать произведения неумирающей художественной ценности. Основная тема «Букета» – неотвратимость судьбы и вина героев или героинь поэм в собственной участи.

Эрбена очень серьезно занимал вопрос объединения славянского мира. Он с надеждой и уважением смотрел на русский народ и его творчество – история языка самого многочисленного в мире славянского народа внушала надежду на то, что языки малых славянских народов когда-нибудь обретут равноправие в европейском мире. Еще в 50-е годы XIX века Эрбен был избран членом-корреспондентом Российской Академии наук.

В конце жизни он работал над русскими историческими памятниками: в 1867 году вышел его перевод летописи Нестора, в 1869-м – перевод «Слова о полку Игореве» и «Задонщины», отличающиеся высокими художественными достоинствами.

Крылатая фраза об истоках русской литературы: «Все мы вышли из гоголевской «Шинели», если ее перефразировать относительно литературы чешской, должна звучать так: «Все мы родом из баллад и сказок Эрбена». В том числе и великий роман Ярослава Гашека «Похождения бравого солдата Швейка», который оставил неизгладимый след в мировой культуре, роман, состоящий из баек, болтовни, историй, рассказываемых сочным народным языком с пражскими просторечиями, любимым героем Чехии – Швейком.

К истории издания «Букета» К. Я. Эрбена в русском переводе

Настоящее издание «Букета» К. Я. Эрбена представляет собой первый полный (без купюр) перевод на русский язык всех баллад великого классика чешской литературы. И это своего рода юбилейное издание, поскольку ровно семьдесят лет отделяют это издание от книги «Букет из народных преданий», изданной в 1948 году Государственным издательством художественной литературы. Что же предшествовало изданию 1948 года? В Чехословакии произошло историческое событие, которое принято называть «Победный февраль» – в феврале 1948 года Коммунистическая партия Чехословакии заняла ведущие позиции в политической системе страны. Именно в ознаменование этого события и был дан приказ руководством СССР выпустить книгу чешского классика.

Перевод готовился в спешном порядке, и уже в том же, 1948 году книга увидела свет.

Вышла она под общей редакцией профессора П. Г. Богатырева.

Редакцию стихотворных текстов осуществили М. Зенкевич и М. Голодный.

Перевод подготовил Николай Асеев.

К сожалению, переводчик не владел чешским языком, он работал с подстрочником (что было обычным явлением в его переводческой деятельности – он переводил всех, кого удавалось, от французских поэтов до Мао Цзэдуна), часто излишне «украшая» и утяжеляя простой и чистый, как живая вода, поэтический язык К. Я. Эрбена. Кроме того, в тексте перевода имеются некоторые купюры, сделанные по непонятным причинам. Вот что об этом переводе пишет чешская журналистка Петра Прохазкова: «За русский язык «отвечал» Николай Николаевич Асеев (<...>), друг Пастернака, переводчик Мао Цзэдуна. Что не мешает констатировать факт, что русский перевод Кутисе ему не удался». «В нескольких местах русского перевода стихов зияют белые, пустые места. Точнее, в этих местах вместо букв, которые Эрбен складывал в слова, стоят точки...» Эти строки Петра Прохазкова написала уже в XXI веке, точнее, в 2012 году, в статье, посвященной знаменательному событию, о котором речь пойдет ниже.

В 2011 году в Чехии отмечали 200-летие со дня рождения К. Я. Эрбена. В связи с этим доктор филологии Иржи Клапка, председатель Чешской ассоциации русистов, осуществил эпохальное издание «Букета» К. Я. Эрбена на трех языках: чешском – русском – словацком. Эта трехязычная книга с прекрасными иллюстрациями была издана в Праге и, к сожалению, практически не дошла до российского читателя. В качестве русского перевода Иржи Клапка использовал единственный имевшийся в то время перевод Н. Асеева. Работу над изданием этой книги нельзя назвать иначе, чем подвижнической, поскольку господину Клапке пришлось преодолевать ряд сложностей, в том числе и экономического характера. Это издание продемонстрировало насущную необходимость нового перевода К. Я. Эрбена на русский язык.

И вот в 2016 году издательство «Эксмо» выпустило книгу «Предания, сказки и мифы западных славян», изданную в серии «Библиотека Всемирной литературы». Великий чешский классик Эрбен занял свое место среди мировых классиков: Гомера, Мольера, Гюго, Гёте, Дидро, Свифта и многих других. В издании 2016 года было опубликовано 9 баллад (из 13). В 2017 году, при переиздании, «Букет» был уже представлен одиннадцатью балладами.

Иржи Клапка, которого Петра Прохазкова справедливо назвала «современным деятелем эпохи чешского Возрождения», горячо приветствовал выход нового перевода. Он же оказал неоценимую помощь в подборе материалов для настоящего издания.

И вот сейчас русскоязычному читателю впервые предстоит знакомство с полным переводом всех баллад «Букета». Что можно пожелать в связи с этим? Только любви к прекрасной поэзии, любви, звучащей в каждой строке Эрбена. Пусть она отзовется в наших сердцах!

Букет

Из народных преданий

Букет

Мать умерла и взята могилой,
Сиротки после нее остались,
Каждое утро к ней приходили,
По матушке своей сокрушались.
Пожалела мать сыночков и дочек;
Душа ее возвратилась
И воплотилась в малый цветочек,
Им вся могила покрылась.
Узнали матушку детки по духу,
Узнали и заплясали;
Простой цветочек, свою утеху
Материнской душою назвали¹.
Мать-душа нашей родины милой,
Вы, простые наши преданья!
Собрал я вас на той давней могиле,
Кому принесу эту дань я?
В скромный букет цветки соберу я,
Лентой его украшу,
В широкие земли путь укажу я,
Там семьи, близкие нашим.
Может, и вспомнит о матери дочка,
Дух материнский почуяв,
Может, найдется далекий сыночек,
Сердцем услышит родную.

Клад

I

На пригорке, между буков,
храм построен с башней низкой,
с башни разносились звуки
лесом к деревеньке близкой.
То не колокола пенье,
что терялось в отдаленье, —

¹ Имеется в виду душица, в дословном переводе – материнский прощальный привет (здесь и далее примечания переводчика).

била грохот деревянный
созывал к молитве ранней.

Из деревни к Божьей славе
вверх идет толпа людская,
люди, что боятся Бога,
Христа муки воспевают.

В храме грустно, голы стены,
алтарь с покрывалом черным,
Христа страсти незабвенны
воспевает хор церковный.

Что же там в лесу белеет,
в лесу черном, за рекою?
То крестьянка поспешает,
малыша обняв рукою,
торопливыми шагами,
в лучшем праздничном наряде,
быстро к речке приближаясь,
с драгоценной своей ношей
бежит, к берегу спускаясь,
поспешает к службе Божьей.
Тут, вблизи лесной сторонки,
костел высится над нею,
крепко детские ручонки
обнимают мать за шею.
Ветерок легонько веет,
из костела слышно пенье,
хор по-прежнему рыдает
об Иисусовых мученьях.
Пятница идет Страстная,
люди Бога поминают.
Вдоль скалы она бежала,
вдруг, глазам своим не веря,
удивленно оглянулась,
вопрошая: «Где я? Где я?»
Побежала – и вернулась,
пригляделась, обернулась.
«Что со мною? По дороге
этой столько раз ходилось,
привели куда же ноги?
Неужели – заблудилась?»
Снова встала, оглянулась,
переменам удивляясь,
очи потеряв, вздохнула,
снова к храму устремляясь,
повторяя изумленно:
«Боже, что за перемена!»

Триста лишь шагов от храма,
лес закончился дремучий,
здесь лежал обычный камень,
что ж такое? Дивный случай!
Взору что ее явилось?
Почему глазам не верит?
Вместо камня появилась
тут скала с открытой дверью.
Как от веку здесь стояла!
Что же прежде не видала?

В глубине видны чертоги,
что-то светится оттуда,
и, охвачена тревогой,
тянется она, как к чуду,
к пламени, что серебрится
лунным ярко-белым светом,
чтобы вмиг перемениться,
поражая солнца цветом,
медно-рыжим цветом солнца
на закате ясным летом.

Видя это, что есть мочи
на огонь она дивится,
заслонив ладонью очи,
чудо разглядеть стремится.
«Боже, что это там светит?»
Протерев глаза рукою,
застывает пред скалою.
«Как это блестит чудесно,
что же, что это такое?»
Внутри идти боится все же,
преступить порог не может.

И стоит, глядит на пламя,
неотрывно им любуясь,
страх тихонько отступает,
любопытство побуждает,
и она в скалу проходит,
шаг за шагом, дале, дале,
словно манит ее кто-то,
шаг за шагом, – эхо в зале
раздается из-под свода.
И чем далее, тем ярче
разгорается сиянье,
и к нему ее толкает
будто чье-то настоянье.
Блеск ей голову туманит

и, пугая, манит, манит.
Видит, видит – что там видит?
Кто-то видел ли такое?
Быть такой красы не может!
Это что-то неземное.

Двери настежь распахнулись,
зал невиданно прекрасен,
стены золотом сверкают,
потолок в рубинах красных,
и хрустальные колонны,
отражая свет, сияют,
своды, мрамор пола, арки...
Кто не видел, не поверит:
два светильника у двери,
два огня всю пылают,
погасить никто не властен:
левый – лунным полыхает
светом, что дарует счастье,
правый – золотом трепещет,
рыжим, солнечным, опасным.
Серебро слева, золото справа
к потолку огни вздымают,
что мощны и негасимы,
берегут и освещают
клад, от века здесь хранимый.

Встала робко на пороге,
ослепленная, застыла,
очи вниз, недвижны ноги,
но виденье сердцу мило.

И, младенца прижимая,
трет глаза рукою правой,
снова смотрит, привыкая,
к красоте той небывалой.
И, вздыхая преглубоко,
говорит сама с собою:
«Боже, видит Твое око —
целый век живу с бедою!
Нищета и голод вечно
спину гнуть заставляют,
хоть бы день прожить беспечно!
Но нужда не позволяет!
Сколько серебра и злата
в этой каменной пещере!
Горсть – и я б была богата,
к счастью мне б открылись двери!»

И стоит, и часто дышит,
разгорается желанье,
и идет, перекрестившись,
влево, к лунному сиянию.
Недоверчиво любуюсь,
серебра кусок поднимет
и назад его положит,
снова слиток с места сдвинет,
но вернет на место то же?
Нет, в передник убирает
и становится смелее:
«Это Бог мне помогает,
это Он меня жалеет,
это Он мне счастье дарит,
не взяла бы – согрешила,
Ах, спасибо, Боже милый!»

Так с собою согласившись,
сына на пол усадила,
на колени опустившись,
быстро фартук расстелила,
серебро в него сгребает
и опять себе бормочет:
«Это Бог нам помогает,
это Он спасти нас хочет!»
И берет, берет без счета,
фартук полон, встать не может,
но еще нашлась работа:
больше взять платок поможет!
Но дитя мешает очень:
много ли ухватишь с милым?
И оставить клад нет мочи,
и нести его не в силах.

Серебро она уносит,
а дитя дрожит, боится:
«Мама! мама!» – слезно просит,
в страхе к матери стремится.
«Ты не плачь, не плачь, сыночек,
подожди совсем немножко,
мама скоро возвратится,
посиди тут, милый крошка!»

И бежит, бежит из зала,
вот пещеру миновала
через реку, в лес тот темный,
дома в уголок укромный
клад сложила и вскочила,
побежала что есть силы,

запыхавшись, в зал вбежала,
словно и не покидала.

Ветерок тихонько веет,
из костела слышно пенье,
хор церковный воспевает
Иисусовы мученья.

Мальчик радостно встречает:
«Ха-ха, мама! Ха-ха, мама!»
Только маму замечает,
хлопает, смеясь, руками.

Мать на это и не глянет,
а бежит теперь направо,
злата блеск оттуда манит,
блеск могущества и славы!
И коленопреклоненно
снова фартук расстелила,
глядя на металл влюбленно,
весь передник им покрыла.
Фартук полон, встать не может,
больше взять платок поможет,
сердце часто-часто бьется!
Как же рада! Как смеется!

Золото она уносит,
а дитя остаться просит.
«Мама! Мама!» – к ней стремится,
быть один он тут боится.
«Ты не плачь, не плачь, мой крошка,
подожди еще немножко».
И из фартука достала
две монетки золотые,
друг о дружку побренчала:
«Вот игрушки дорогие!
Динь-динь! Слышишь? Как звоночек!»
Но ребенок хнычет, плачет,
он монетки брать не хочет.

В фартук руку опустила,
горстку золотых достала
и ребенку на коленки
все монетки положила.
«Посмотри, что есть у мамы!

Ты не плачь, не плачь, сыночек,
Дитятко, ты – лучший самый,
Динь-динь, поиграй в звоночек.

Мама скоро возвратится,
будем вместе веселиться».

И бегом, бегом из зала,
на ребенка не взглянула,
вот пещеру миновала,
вот к реке опять свернула,
забежала в лес тот темный,
устремясь к избушке скромной.

«Гой ты, хижина простая,
ты останешься пустая!
Жить теперь начнем богато,
мне такой не нужно хаты!
Прочь уйду из чащи темной,
от отцовской крыши скромной,
чудом улыбнулось счастье,
нас покинуло ненастье.
Хватит мне в земле копать,
буду жить и улыбаться!
Все теперь начнется снова
после этого улова.
Я большой дворец построю,
стану жить я госпожою.
Ну, счастливо оставаться!
Мне пора с тобой прощаться!
Вдовья доля, нищета
в прошлом – я уже не та!
Посмотри, что принесла!»
В фартук смотрит – чудеса!
От испуга помертвела,
задрожала, побледнела,
видит, видит – ой, что видит!
Нет, неправда, так не выйдет,
быть того совсем не может!
Где монеты? Это что же?
Нет, она тому не верит,
открывает дома двери,
вот сундук, где серебро,
но пропало все добро:
видит, видит без сомненья:
в сундуке лежат камни!
Глина в фартуке, в платке!
И лишь камни в сундуке!
Что за наважденье было?
Что же, что ее сгубило?
Всюду прах и запустенье:

Не дал Бог благословенья!2

II

Как чудовищна утрата,
горе, боль, беда какая!
Сердце вдруг зовет куда-то:
про малютку вспоминает.
Стены дрогнули от крика:
«Ах, дитя! Дитя родное!»
«Ах, дитя-дитя-родное» —
Воет эхо под горою.

И в предчувствии ужасном
Бежит женщина, несется,
словно птица в день ненастный
с криком к скалам страшным рвется,
где нашла тот клад обманный,
там вблизи костел туманный.

От костела ветер веет,
почему ж не слышно пенье?
Хор уж больше там не славит
Иисусовы мученья.

Как к пещере прибежала,
что в испуге увидала?
Триста лишь шагов до храма,
лес закончился дремучий,
и лежит обычный камень.
А ее загадка мучит:
нет скалы, и нет пещеры,
лишь кустов сухие сучья.
Как испуг ее пронзает!
Как зовет, как ищет, бьется!
На пригорок как взбегает,
сквозь кустарник дикий рвется!
А в очах ее безумье,
губы сини, щеки серы!
Меж шипами без раздумья
ищет страшную пещеру.
«Ах, беда! И здесь ошиблась!»
Вся она в кровавых ранах,
вновь упала и ушиблась,
платье все в лохмотьях рваных.
Нет! Нигде пещеры нету!
Боль и страх ее терзают,
уж глаза не видят свету,

к небесам она зовет:
«Кто вернет дитя родное?
Мой сыночек! Где ты? Где ты?»

«Глубоко я под землею! —
слышен тихий голосочек,
доносимый шумом ветра, —
ни глазами не увидеть,
ни ушами не услышать,
хорошо тут под землею,
мне еды, питья не нужно,
лишь играть с кусками злата,
сидя в мраморной палате!

Нет ни дня здесь, нет ни ночи,
здесь не засыпают очи,
я играю, все играю —
дзынь – монетки собираю!»

Снова ищет, но напрасно!
Наземь падает, рыдает,
стеснена тоской ужасной,
волос клочья вырывает,
неустанно причитает:

«Ах мне горе! Горе! Горе!
Где дитя мое родное?
Где найду тебя, мой милый?»
«Милый – милый!» – что есть силы
плач несется в гущу леса.

III

День прошел, другой проходит,
вот в неделю превратились,
месяц из недель выходит,
солнце лета закатилось.

На пригорке, среди буков,
храм построен с башней низкой,
с башни той несутся звуки
в лес и к деревеньке близкой.
Рано утром, до работы
к мессе колокол сзывает,
перед образом Господним
пахарь голову склоняет.

Кто узнает ту особу,
что лицом к земле склонилась?
Уж погасли свечи в храме,
а она еще молилась.
Кажется, она не дышит.
Щеки, губы посинели,
Кто ее молитвы слышит?
Кто она? Узнаешь еле.
После службы окончания
дверь у храма затворится.
Видят меж дерев сельчане,
будто тень с пригорка мчится,
а потом идет неспешно
стежкой меж кустов колючих,
где металась безуспешно
в страшных зарослях дремучих.
Тут вздыхает преглубоко,
уронив лицо в ладони:
«Ах, дитя мое!» – и око
уж в слезах горячих тонет.

Да, та самая бедняжка,
вечно в грусти и печали,
все она вздыхает тяжело
от утра и дале, дале.
Взор ее всегда туманен,
ночью спать она не может,
утро радостью не манит,
с мукой рано встанет с ложа:
«Ах, дитя мое родное!
Ах, беда мне, горе злое,
Ах, прости, помилуй, Боже!»

Лето кончилось,
и осень, и зима уж на исходе,
только горе не кончалось,
слезы вечно на подходе.
И хоть солнце выше стало,
разогревши землю снова,
ей веселья не послало,
все еще рыдает вдова.

IV

Слышишь? Сверху, между буков
из костела с башней низкой
снова раздаются звуки,
как призыв, к деревне близкой.
Вновь спешит толпа людская,

Нынче пятница Страстная,
К храму, вверх, ко славе Божьей,
поспешают все, кто может.

Нежно веет ветер вешний,
он доносит хора пенье:
вновь в костеле вспоминают
об Иисусовых мученьях.

Кромкой леса, вдоль реки
женщина бредет, вздыхает,
тяжелы ее шаги,
словно кто идти мешает.
В горе прожила весь год,
боль идти ей не дает.
Что ж пред нею предстает?

Что ее явилось оку?
Лишь в трехстах шагах от храма
странный камень одинокий
вырос на дороге прямо,
рядом с серою скалою,
словно вечно здесь стоящей,
дверь открыта под горою —
вход пугающий, манящий.

В страхе женщина застыла,
ужас волосы вздымает —
здесь пропал сыночек милый,
но – надежда оживает.
Нет, надеяться не надо,
только как же без надежды?
Ведь прошла кругами ада!
Манит вход ее, как прежде.

Двери снова распахнулись,
зал невиданно прекрасен,
Стены золотом сверкают,
потолок в рубинах красных,
и хрустальные колонны,
отражая свет, сияют,
своды, мрамор пола, арки...
Кто не видел, не поверит:
два светильника у двери,
два огня всю пылают,
погасить никто не властен:
левый – лунным полыхает
светом, что дарует счастье,
правый – золотом трепещет,

рыжим, солнечным, опасным.
Сребро слева, золото справа
к потолку огни вздымают,
что мощны и негасимы,
берегут и освещают
клад, от века здесь хранимый.

Ужас женщину толкает,
страх, но и надежда тоже.
Вновь на золото взирает —
неужели снова, Боже,
жажда денег раздирает?
«Ха-ха, мама! Ха-ха, мама!»
Глядь, сынок, сыночек милый,
по кому весь год тужила,
к маме тянется руками!

Задыхается, дрожит,
мигом к сыну подбегает
и в объятия хватает,
прочь из зала с ним бежит,
крепко к сердцу прижимает.

Треск-треск! Что это за звуки?
По пятам за ней несется
грохот, ветра вой и стуки,
вся скала теперь трясется,
от себя не отпускает.
«Божья Матерь, помоги мне!» —
молит женщина в смятенье,
за спиной скрежещут стены,
рухнет все через мгновенье.

Вдруг – о, как все изменилось!
Тихо, благость воцарилась.
Это было иль приснилось?
Камень тот же у дороги,
Входа нет, как не бывало.
о страстях Христовых в храме
паства хором допевала.

У нее зашлось дыханье,
вся от ужаса трясется,
у нее одно желанье:
с сыном прочь она несется,
обнимает, прижимает,
сохранит его? Спасется?
Лес уж ближе подступает,
далеко скала – и бьется

у бедняжки сердце громко,
и почти не держат ноги.
Вот и принесла ребенка
от скалы в свой дом убогий.

«Слава Богу!» – повторяет,
слезы счастья щедро льются,
сына милого ласкает,
вместе с ним они смеются.
И целует лобик, ручки, губки —
к сердцу прижимает,
все любит, вздыхает.

Глядь – блеснуло, зазвенело
что-то в фартучке сыночка —
горстка золотых монеток,
что ему тогда всучила,
чтоб играл один той ночью.

Но ее не занимает
то, что столько горя стало!
Боль и слезы вспоминает,
хоть благодарит немало
Бога за подарок этот.
Ей богатств дороже света,
всех милей сыночек малый —
клад прекрасный, небывалый!

V

Уж давно костел разрушен,
смолкло колокола пенье,
где росли когда-то буки,
догнивают их коренья.

Старец помнит те преданья,
хоть и канули иные,
все же люд еще укажет
те места, где прежде жили.

Если вечером морозным
молодежь с ним вместе сядет,
старец с радостью расскажет
о вдове и вдовьем кладе.

Свадебные рубашки

Одиннадцать уже пробило,
а лампа все еще светила,
а лампа все еще горела,
что над иконою висела.

На стенке комнатки низкой
был образ Девы Пречистой,
Матери Божьей с младенцем Христом,
Как розы бутон с прекрасным цветком.

А перед ликом светлым
девушка на коленях,
лицо к земле склонила,
руки в молитве сложились,
слезы из глаз ее падали,
грудь тоскою теснилась,
плакала бедная девушка,
слезы так и катились:

«Господи! Где же мой батюшка?
Травкой могилка покрылась!
Господи! Где моя матушка?
И та под землею сокрылась!
Сестра и год не прожила,
а брата пуля стерегла.

Когда бы милый рядом был,
отдать бы жизнь хватило сил,
но он давно в чужом краю,
не слышно там печаль мою.

Как на чужбину собирался,
все утешал, все улыбался:
«Любимая, ты лен посеи
и понапрасну слез не лей,
а в первый год – пряди, пряди,
и на второй – холсты бели.
На третий – шей и вышивай,
рубашки к свадьбе собирай.
Рубашки только ты сошьешь,
венки из руты заплетешь».

Рубашки те давно я сшила,
в сундук с приданым уложила,
завяла рута на веночке,
а нету, нету все дружочка!
В свете ль бродит он широко,
камнем в море ли глубоком —
где пропал мой ясный свет?

Лета три как вести нет!

Мария, Дева непорочная,
Ты моя защита прочная:
мне верни любимого,
одного-единого,
мне любимого верни
или жизнь мою возьми,
жизнь его – весенний цвет,
без него не мил мне свет.
Мария, Матерь милости,
куда без Твоей жалости!»

Погнулся образ на стене,
забилося сердце в глубине,
лампа, что едва горела,
вспыхнув, сразу потемнела.
То ли буря погасила,
то ль знаменья злого сила!

Слышишь, что там? что за звук?
А в окошко: тук! тук! тук!
«Спишь, красотка, или бдишь?
Что, красотка, не глядишь?
Ждешь меня или забыла?
Тут я, тут, жених твой милый —
Мне верна иль изменила?»

«Ах, мой милый, жизнь моя!
Я молилась за тебя!
Моя мольба тебе подмога,
за тебя прошу у Бога!»
«Брось молитвы! Встань, иди,
впереди вся ночь в пути.
Месяц светит нам в подмогу.
Ну, невеста, нам в дорогу!»

«Боже правый! Ты о чем?
Да куда же мы пойдем?
Воет буря, ночь темна,
ночь для смертных – время сна».

«День как ночь, а ночь как день,
Все равно, что свет, что тень.
Я до криков петухов
мужем стать твоим готов.
Не тяни, вставай, иди,
у нас венчанье впереди!»

Ах, как была ночь глубока!
Светил лишь месяц свысока.
И тихо, пусто все вокруг,
лишь ветра вой и рядом друг.

Он впереди – все скок да скок,
она за ним, к шажку шажок,
Псы разом взвыли в тишине,
учуяв пару вдалеке,
и выли, выли беспокойно,
как будто рядышком покойник!

«Прекрасна ночь, ясна – как раз
встают из гроба в этот час
усопших тени – встретив их,
ты не лишишься чувств своих?»

«Чего бояться? Ты со мной,
а око Божье надо мной, —
скажи-ка лучше, милый мой,
здоров ли, жив отец родной?
И захотят отец и мать
меня в семью свою принять?»

«Ты слишком много говоришь!
Иди скорее, – увидишь,
иди скорее, час не ждет,
дорога далеко ведет.
Что правой держишь ты рукой?»

«Молитвослов всегда со мной».

«Брось это прочь, слова молитв
тяжеле всех могильных плит!
Брось это прочь, без ноши путь
гораздо легче, не забудь».

Он книжку бросил что есть сил,
и одолели десять миль.

Путь шел их по горам пустым,
по скалам, по лесам густым.
В ущельях несли хищный вой,
и филин ухал над главой,
несчастье будто предрекал,
невесту бедную пугал.

Он впереди – все скок да скок.
Она за ним – к шажку шажок,

по скалам острым, по шипам
ступать пришлось ее ногам,
и белы ножки где ступали,
следы кровавы оставляли.

«Прекрасна ночь, ясна – как раз
живых и мертвых встречи час.
Готова ль ты, дружок мой,
увидеть мертвых пред собой?»
«Чего бояться? Ты со мной,
а рука Божья надо мной.
Скажи-ка лучше, милый мой,
а как обставлен домик твой?
Чиста ль светлица? Весела?
И храм далеко от села?»

«Ты слишком много говоришь!
Уже сегодня поглядишь.
Скорей идем, бежит наш час,
дорога долгая ждет нас.
А что несешь за пояском?»

«То четки я несу в твой дом».

«Как змеи, четки обвились,
тебя задушат, берегись!
Сними и выброси скорей,
и поспешим мы веселей!»

Отбросил четки что есть сил,
и одолели двадцать миль.

Теперь дорога низом шла,
через болота и луга,
на топях низких вдоль реки,
кружась, мигали огоньки.
По девять два ряда летят,
как будто к гробу встали в ряд,
и жабий крик вещает что-то,
как погребальный хор с болота.

Он впереди – все скок да скок,
она за ним – слабей шажок,
осока – всех ножей острей,
как бритва, режет ножки ей,
на папоротнике вдоль воды
ее кровавые следы.
«Прекрасна ночь, ясна – как раз
живым спешить к могилам час.

Не страшно ли, дружок мой,
увидеть мертвых пред собой?»

«Ах, не боюсь, ведь ты со мной,
и воля Бога надо мной!
Давай лишь чуть передохнем,
немножко дух переведем,
дыханье сбилось, в ножках дрожь,
и в сердце словно острый нож!»

«Сейчас должны мы поспешить,
ко времени должны прибыть:
ждут гости, пенный ждет нас квас,
и как стрела летит наш час —
а что там, мой дружок,
на шее за шнурочек?»

«То крестик матушки моей».

«А ну, сними его скорей,
все беды из-за злата,
Беду несет, проклято!
Отбрось его, девица,
и станешь словно птица!»

Отбросил крест что было сил,
и одолели тридцать миль.

А на равнине широкой
дом показался высокий.
Высокие узкие окна в ряд,
и колокольни строгий наряд.

«Вот, дорогая, мы уже здесь!
Видишь – не видишь все, что тут есть?»

«Ах, ради Бога! Ведь это храм?»

«Нет, не храм, это замок мой там!»

«Кладбище это? Могильный ряд?»

«То не могилы, это мой сад!
Ты на меня посмотри поскорей
и через стену – прыг веселей!»

«Нет, подожди, оставь меня так,
облик твой странен, на нем смерти знак,
дыханье твое – отравленный смрад,

и в сердце твоём и лёд, и яд!»

«Не бойся, милая, ничего!
В доме моём полно всего:
мяса полно, без крови блюда,
сегодня впервые иначе будет!
А что в узелке ты несёшь, дорогая?»

«Рубашки, что сшила, тебя ожидая».

«А нам их нужно только две:
одна тебе, другая мне».

Взял узелок и, словно вор,
на гроб забросил, за забор.
«Не бойся, прыгай, на меня глянь,
свой узелок сама достаешь».

«Ты шел всегда передо мной,
я за тобой дорогой злой,
так будь и нынче впереди,
дорогу укажи, иди!»

Перемахнул одним прыжком,
не чуя хитрости ни в чем;
подпрыгнул вверх, как бы взлетел,
ее нигде не углядел,
лишь что-то белое мелькнуло,
в ночном тумане утонуло,
спасенье для нее нашлось,
того не ждал ее злой гость!

Стоит каморка тут, стоит,
засов железный дверь хранит,
она дрожа туда вошла,
дверь за собою заперла.
Темно в каморке, окон нет,
сквозь щели – только лунный свет,
строенье крепкое, как клеть,
а посреди лежит мертвец.

Хей, а снаружи шум и толк —
могильных чудищ грозный полк,
стучат и воют – сотни тут —
и песню жуткую поют:

«В могилу, тело, поспеши,
раз не сберег своей души!»

И стук раздался: бух, бух, бух!
Стучит снаружи ее друг:
«Вставай, мертвец, вставай скорей,
открой затворы у дверей!»

И мертвый очи открывает,
и мертвый очи протирает,
собравшись, голову поднял,
вокруг себя все озирал.

«О, святой Боже, помоги,
от дьявола убереги!
А ты, мертвец, ложись сейчас,
Господь покой тебе подаст!»

И мертвый голову роняет,
и очи крепко закрывает.

И снова звуки: бух, бух, бух!
Сильней стучит ужасный друг:
«Вставай, мертвец, вставай скорей,
открой засовы у дверей!»

На этот стук, на этот глас
поднялся мертвый в тот же час,
как будто снова он проснулся,
к дверям руками потянулся.

«Христе Иисусе, вечный Спас,
помилуй душу в страшный час!
Ты, мертвый, не вставай, ложись,
на милость Бога положишься!»

И мертвый без движенья лег —
глаза пустые в потолок.

Снаружи снова: бух, бух, бух!
В глазах мутится, гаснет слух!
«Вставай, мертвец, хола, хей, хай,
и нам живую отдавай!»

Ах, трудный час, ужасный час!
Мертвец поднялся в третий раз,
глаза пустые повернул,
на полумертвую взглянул.

«Мария Дева! Рядом стой!
И Сын Твой будет пусть со мной.
Я прежде не о том просила,

прости меня, я согрешила!
Мария, Матерь Милости,
от зла меня спаси, спаси!»

И тут поблизости как раз
крик петуха туман потряс,
и, отовсюду повторен,
понесся крик со всех сторон.

Тут мертвый, что столбом стоял,
на землю, как бревно, упал,
снаружи тихо – смолк весь звук,
исчез мгновенно страшный друг.

А утром люди к мессе шли,
картину страшную нашли:
пуста могила, гроб раскрыт,
в каморке девушка сидит,
и ключья свадебных рубашек
висят на памятных крестах.

* * *

Девушка, ты верно сделала,
что о Боге только думала,
друга злого не послушала!

А решила б по-другому,
так пришла б к концу дурному:
не рубашек ключья были —
тела ключья на могиле!

Полудница²

У скамьи дитя стояло,
Криком мать измучило,
– Хоть бы ты уж замолчало,
Цыганенка чучело!

Вот придет отец с работы,
Печь еще холодная,
Ничего не дал мне сделать,
Злыдня подколодная.

² Полудница – полуденная ведьма, похищающая детей в полдень.

Цыц! Смотри: гусар, коляска,
Петушок – играй себе!
Бах – петух, гусар, повозка
Разлетелись по избе.

Вновь зашелся диким криком,
Слышно аж на улице.
– Я тебе, негодник, мигом
Позову Полудницу.

– Полудница, приходи к нам,
Негодника заberi. —
Глядь – и кто-то появился
У раскрывшейся двери.

То ль старуха, то ль девица,
Кривоногая, с клюкой
низкоросла, темнолица,
голос – будто вихря вой.

– Дай сюда дитя! – О Боже!
Отпусти мне, грешнице! —
Смертный страх ей студит кожу:
Перед ней – Полудница!

Подползает к стулу тихо
Полудница зыбкой тенью,
Мать от страха еле дышит,
На лице смятение.

Мать ребенка прижимает,
Горе, горе рядом,
Полудница подползает,
Обжигает взглядом.

Уж протягивает руку —
Мать к себе ребенка тянет:
«За Христа святую муку!» —
Падает, теряя память.

Слышишь? Бьют часы на башне,
Полдень звон выводит.
Звякнул ключ, под кров домашний
Муж в избу заходит.

Мать без чувств лежит,
Малютки обнимая тело.
К ней вернется жизнь,

Но сына душа отлетела.

Золотая прялка

I

Около леса, охотою пьян,
гой, едет, едет из лесу пан,
на вороном буйном едет коне,
весело подковки звенят в тишине,
едет – сам и сам.

И пред избушкой с коня – хоп!
и в дверь избушки – хлоп, хлоп, хлоп!
«Хола-хей! откройте мне двери,
я заблудился, охотясь на зверя,
дайте воды испить!»

Вышла дивчина, словно цвет,
такой красоты не видел свет,
принесла воды из колодца,
села стыдливо за веретенце,
пряла и пряла лен.

Пан стоит, позабыв, что хотел,
жажда пропала, склонился несмел,
смотрит на тонкую ровную нить,
очи не может свои отворотить
от пряжи прекрасной.

«Свободна ли, панна, рука твоя,
будь мне женою, прошу тебя!»
Девицу хочет нежно обнять —
«Ах, пан мой, не знаю, что скажет мать,
я буду лишь волю ее исполнять».

«А где же, девица, мать твоя?
Никого рядом не вижу я». —
«Ах, пан мой, мачеха с дочкой родной
завтра должны возвратиться домой,
в город поехали».

II

Около леса, от счастья пьян,
гой, едет, едет снова пан;
на вороном буйном едет коне,
весело подковки звенят в тишине,
прямо к избушке.

А пред избушкой с коня – хоп!
и в дверь избушки – хлоп, хлоп, хлоп!
«Хола! откройте, милые люди,
пускай скорей пред глазами будет
утешенье мое!»

Вышла старуха, кожа да кость:
«Эй, с чем пожаловал редкостный гость?»
«В дом твой немало несу перемен,
руку и сердце отдай мне взамен
падчерицы твоей».

«Хо-хо, кукленок! Вот чудеса!
Такого еще не видали глаза!
Добро пожаловать, редкостный гость,
откуда же счастье такое взялось,
как звать-величать вас?»

«Я этой земли король и пан,
судьбою вчера сюда был зван:
дам серебро, дам тебе злато,
дочь мне отдай и будешь богата,
пряху прекрасную».

«Ах, пан король! Вот чудеса!
Такого еще не видали глаза!
Ведь мы незаметно привыкли жить! —
Чем же сумели тогда заслужить
милости ваши?»

Но все же совет, совет вам дам:
вместо чужой – свою дочь отдам;
они ведь похожи обе-две,
как око с оком в одной голове —
нить ее – чистый шелк!»

«Плохой ты, бабка, совет дала!
Исполни приказ, что даю тебе я:
завтра, на утренней ясной заре
будешь ты на королевском дворе
с падчерицей своей!»

III

«Вставай, дочурка, уж близок час,
уже король во дворце ждет нас,
разве мне когда мечталось,
чтобы вдруг я оказалась
в залах королевских!»

«Спеши, сестричка моя, спеши,
веселей в королевском замке пляши:
высоко ты поднялась,
для тебя я пыль да грязь —
что ж, здорова будь!»

«Пойдем же, Дорничка, краток миг,
чтобы не гневался твой жених:
как только минуешь лесную границу,
дом родной и во сне не приснится —
пойдем скорей, пойдем!»

«Мама, мамочка, откройте,
зачем с собою нож берете?» —
«Нож нам нужен, чтоб злой змее
выколоть очи в лесной норе —
пойдем скорей, пойдем!»

«Сестра, сестричка, мне скажите,
зачем топор с собой несете?» —
«Топор нам нужен – в лесной пещере
разрубим кости лютому зверю —
пойдем скорей, пойдем!»

Когда ж оказались в тени пещер:
«Ты та змея, ты тот зверь!»

Горы и доли заплакали
видя, что женщины делали
с панной несчастной!

«Тешься теперь с королем своим,
ласкайся и тешься, как хочешь, с ним:
свежее тело его обнимай,
лоб его ясный к губам прижимай,
пряха прекрасная!»

«Мамочка, нынче хотелось бы знать,
глаза и кости – куда девать?»

«Не оставляй их подле тела,
чтобы их кто-то вновь не приделал —
лучше возьми с собой».

И как зашли в глубь хвои лесной:
«Не бойся, доченька, я с тобой!
Ведь вы похожи обе-две,
как око с оком в одной голове —
не бойся совсем!»

И как приблизились к замку они,
король смотрел из окна на них;
и с приближенными вышел встречать
свою невесту и ее мать,
обмана не чуя.

И была свадьба – полный грех,
панна невеста – просто смех;
и были танцы, ликование,
балы, народные гулянья
до седьмого дня.

И как восьмой день рассветал,
король на войну с войском умчал:
«Дожидайся дома, пани моя,
на жестокий бой уезжаю я
да со злым врагом.

Коль не отправлюсь я на тот свет,
вновь зацветет любви нашей цвет!
Пока же в память обо мне
пряди-ка нить в веретене,
усердной пряхой будь!»

IV

А в глубине чащи лесной
что было с девушкой брошенной?
Шесть открытых потоков было,
кровь из них ключами была
на зеленый мох.

Внезапно возшла ее счастья мощь,
а ныне грозила ей смерти ночь:
вот-вот жизнь из тела уйдет навсегда,
беда пришла к ней, беда, беда
из-за любви короля!

Откуда-то из глубины лесных скал
старец чудесный к ней поспешал,
седые усы у него по колено —
он девушки тело взвалил на рамена
и в пещеру отнес.

«Встань-ка, сынок, ты хват, беги,
веретенце златое с собой бери:
в королевском замке его продавай,
за цену одну его отдавай,
только за ноги». —

Сидит парнишка у ворот,
веретенце златое продает.
Королевна глядит на него в окно:
«Вот бы купить мне то веретено
из красного золота!»

«Узнайте, мама, нет покою,
почем веретено златое?» —
«Купите, пани, стоит малость,
отцу недорого казалось:
только две ноги».

«За ноги? Ай-яй, диву быть!
Но мне так хочется купить:
идите, мамочка, в каморку,
лежат там ноги нашей Дорки,
дайте их ему».

Парнишка ноги быстро взял
и в чащу леса побежал. —
«Подай, сынок, живой воды,
пускай исчезнут все следы
этих страшных ран».

И рану к ране приложил,
в ногах огонь живой ожил,
и вдруг срослось мгновенно тело,
всегда как будто было цело,
цело-невредимо.

«Иди, сынок, теперь велю я,
возьми ту пряслицу златую,
в королевском замке ее продавай,
за цену одну ее отдавай,
только за руки».

Сидит парнишка у ворот,
златую пряслицу продает.
Королевна глядит на него в окно:
«Ох, о пряслице этой мечтала давно
к веретену моему!

Встаньте, мамочка, с лавицы,
спросите, почем эта пряслица?» —
«Купите, пани, стоит малость,
отцу недорого казалось:
только две руки».

«За руки! Диву, диву быть!
Но мне так хочется купить:
идите, мамочка, в каморку,
лежат там руки нашей Дорки,
дайте их ему».

Парнишка руки быстро взял
и в чащу леса побежал. —
«Подай, сынок, живой воды,
пускай исчезнут все следы
этих страшных ран».

И рану к ране приложил,
в руках огонь живой ожил,
и вдруг срослось мгновенно тело,
всегда как будто было цело,
цело-невредимо.

«Снова, сынок, иди со двора,
кужель золотую продать пора:
в королевском замке ее продавай,
за цену одну ее отдавай,
только за очи».

Сидит парнишка у ворот,
златую кужель продает.
Королевна глядит на него в окно:
«Мне для пряслицы нужно одно:
эту вот кужель!

Встаньте, мамочка, снова идите,
почем та кужель, у него спросите?»
«За очи, пани, никак иначе,
отец такую цену назначил,
лишь за ока два».

«За очи! Вот так чудеса!

Как имя твоего отца?»
«Не нужно знать отца моего:
кто ищет, не найдет его,
захочет, сам придет». —

«Мама, мамочка, как же быть?
Кужель так хочется купить!
Идите снова и в каморке
найдете очи нашей Дорки,
пусть их заберет».

Парнишка очи быстро взял
и в чащу леса побежал. —
«Подай, сынок, живой воды,
пускай исчезнут все следы
этих страшных ран».

В глазицы очи положил,
огонь погасший в них ожил;
и панна вокруг себя смотрела,
но никого не углядела,
лишь саму себя.

V

И вот трех недель дни сочтены,
весело едет король с войны.
«Как ты жила, моя пани милая,
делала что и не забыла ли
моих последних слов?»

«Ох, в самом сердце я их носила,
и посмотрите, что я купила:
прялка такая одна на свете,
пряслица, кужель – золото светит,
в них любовь моя к вам!»

«Пойдем, моя пани, за прялку садись,
спряди мне с любовью златую нить». —
К прялке она с охотою села,
как та завертелась, вся побледнела —
беда, что за песня звучит!

«Вррр – ты злую нить прядешь,
королю во всем ты врешь:
сестру сводную ты убила,
ног, рук и глаз ее лишила —

вррр – злая нить!»

«Что это у тебя за прялка?
Поет песню – слушать жалко!
Сыграй-ка мне, пани, снова,
хочу понять каждое слово —
пряди, пани, пряди!»

«Вррр – ты злую нить прядешь,
королю несешь ты ложь:
невесту ты его убила,
жизнь ее отнять решила —
вррр – злая нить!»

«Страшной песня оказалась!
Ты не та, какой казалась!
Заиграй-ка в третий раз,
хочу слышать прялки глас:
пряди, пани, пряди!»

«Вррр – ты злую нить прядешь,
королю во всем ты врешь:
в лесу, в скале сестра твоя,
украдена у короля —
вррр – злая нить!»

Король, как это услышал,
не медля к лесу поскакал;
и крики его по округе неслись:
«Где ты, Дорничка, отзовись!
Где ты, любимая?»

VI

От леса к замку, радостью пьян,
гой, едет, едет с пани пан;
на вороном буйном едут коне,
весело подковки звенят в тишине,
к замку короля.

И снова свадьба в замке была,
панна невеста как цвет цвела;
и были танцы, ликование,
балы, народные гулянья
больше трех недель.

А что ж та мачеха злючая?

А что та дочка змеючая? —
Гой, воют четыре волка в лесу,
ноги в норы свои несут
от двух женских тел.

И нет очей в глазницах пустых,
ни ног, ни рук не осталось у них:
что с панной они сотворили,
так их за то и казнили
в лесу дремучем.

А что та прялка золотая?
Какую песенку играет?
Как третий раз она сыграла,
так насовсем уж замолчала,
исчезла без следа.

Сочельник

I

Тьма, как в могиле, мороз в окна веет,
тепло у печки в светлице;
светло от камина, старушка дремлет,
лен мягкий прядут девицы.

«Моя прялочка, крутись-вертись,
Рождество, скорее нам явись,
близок, близок Щедрый день!»³

Мило девице прясть красной
грустными зимними вечерами,
знает, что труд ее не напрасный,
верит – счастье не за горами.

И придет добрый молодец к панне усердной,
скажет: «Иди за меня, краса моя,
будешь ты мне женою верной,
тебе верным мужем буду я.

Я тебе мужем, ты мне женою,
дай руку, краса-девица!»
И девушка, что пряжу пряла зимою,
рубашки к свадьбе шьет, веселится.

³ «Щедрый день, Щедрый вечер» – традиционное славянское обозначение дня и вечера перед Рождеством.

«Моя прялочка, крутись-вертись,
Рождество, скорее нам явись,
близок, близок Щедрый день!»

II

Гой ты, вечер Щедрый,
праздник чудес!
Что кому ты, добрый,
на память принес?

Пироги хозяину,
коровам корм в кормушку;
петуху чесноку,
гороху его дружке.

Фруктовому дереву
от ужина кости,
блики злата на стену
постившемуся гостю.

Ой, я, девица млада,
сердце кто-то манит,
что же будет и когда,
узнать меня тянет.

Ах, под лесом, под леском,
прямо над водою
стоят вербы старые
с головой седой.

Одна верба горбится,
низехонько склоняется
туда, где сине озеро
подо льдом скрывается.

Тут-то девице в полночи
при луне при полной
суженый явится друг
да во глади водной.

Ой, мне полночь не укор,
ни ведьмы лихие,
пойду я, возьму топор,
льды пробью глухие.

И загляну в озеро
глубоко-глубоко,
посмотрю я милому
прямо оком в око.

III

Мария, Гана – милые имена,
паньны, как розы весенней цвет:
какая из двух милее была,
никто не сумеет дать ответ.

Если одна к пареньку обернется,
в огонь тот идти за нее готов;
если другая чуть-чуть улыбнется,
парень тут же лишается слов.

Настала полночь. В небе, как свечки,
звезды мерцают прекрасные,
словно вокруг пастуха овечки,
а тот пастух – месяц ясный.

Настала полночь, всех ночей мать,
полночь после Щедрого вечера,
следы ведут по снежной скатерти
от деревушки до озера.

Одна склонила к самой воде личико,
другая стоит рядом с ней:
«Гана, Ганночка, золотое сердечко,
что видишь, скажи скорей?»

«Ах, вижу я домик, но как в тумане,
это же Вацлава домик, ах —
вот прояснилось – двери пред нами,
вижу фигуру мужскую в дверях.

На нем сюртук темно-зеленый,
шляпа набок – ведь знаю ее же!
на ней цветочек, мною даренный —
Это сам Вацлав! Милый мой Боже!»

На ноги вскочила, сердечко бьется,
другая у проруби на коленях:
«Ради Бога, Мария, золотце,
скажи теперь о своих виденьях!»

«Ах, вижу, вижу, дымка трепещет,
и сквозь густой туман
красные огоньки далекие блещут,
кажется, это наш храм.

Меж фигурками белыми что-то чернеет,
лучше уж видно окрест:
это подружки, а между ними —
Боже мой! гроб – черный крест!»

IV

Ветерок ласкает
молодые всходы,
поле расцветает
милостью природы;
от костела поутру музыка льется,
а под музыку в цветах
свадьба – глядь – несется.

Молодой жених, влюбленный,
в окруженьи сватов,
сюртук на нем темно-зеленый,
шляпа его набок,
таким видела его, о судьбе гадая.
Входит Гана к мужу в дом,
жена молодая.

* * *

Угасло лето. По полям
зиму ветер носит.
Погребальный звон. Из храма
гроб, скорбя, выносят,
подружки в белом, свечи пылают,
плач и стон, молитвы
к небесам взлетели, люди умоляют:
Miserere mei!⁴

Кого венки зеленые,
кого в гробу укрыли?
Умерла, ах, умерла

⁴ Miserere mei, Deus, secundum magnam misericordiam Tuam – 50-й псалом: Помилуй мя, Боже, по великой милости Твоей...

нетронутая лилия!
Отцвела, как залита росой,
увяла, как подкошена косой,
бедная Мария!

V

Настала зима, в окна хладом дохнуло,
тепло у печки в светлице,
светло от камина, старушка уснула,
лен снова прядут девицы.

«Моя прялочка, крутись-вертись,
Рождество, скорей опять явись,
недалеко Щедрый день!

Ах ты, вечер Щедрый
чудотворной ночи!
Как о тебе вспомню,
сердце бьется очень!

Сидели мы точно так,
вместе все собрались:
год прошел, и вот уже
двух недосчитались!

Одна, голову склонив,
распашонки шьет,
другая уж три месяца
в земле сырой гниет,
бедная Мария!

Сидели мы точно так,
как сидим сейчас,
что же ждет нас через год,
каждую из нас?

Моя прялочка, крутись-вертись,
счастье, каждой нынче улыбнись,
жизнь людская, словно сон!»

Все ж лучше в пустой надежде мечтать
перед зияющей темнотой,
чем будущее свое узнать
и ужаснуться пред истиной той.

Голубок

Около кладбища
дорога столбовая.
Шла туда, плакала
вдова молодая.

Горевала, плакала
о муже своем миллом,
ведь туда навсегда
его проводила.

От белого двора
по зеленому лугу
скачет добрый молодец,
ищет он подругу.

– Не плачь ты, краса,
вдова молодая,
пожалей свои глаза,
выплачешь, рыдая.

Не плачь, не горюй,
розе стон не нужен,
если умер твой муж,
я могу стать мужем.

Один день плакала,
другой тихо минул,
а на третий – плач ее
навсегда покинул.

Грусть ее и тоска
быстро отпустила:
еще месяц не прошел,
к свадьбе платье шила.

Около кладбища
дорога веселится:
едут парень с девушкой —
собрались жениться.

Была свадьба, была,
музыка заливалась:
прижимал жених невесту,
она лишь смеялась.

Ты, невеста, смейся,
жизнь весельем дышит,
а покойник под землей
ничего не слышит.

Обнимай милого,
нечего бояться,
гроб зарыт глубоко —
вовек не подняться.

Целуйся, целуй,
чье лицо — не важно,
мужу — яд, дружка милуй,
ничего не страшно!

* * *

Бежит время, бежит,
все собой меняет:
что не было — приходит,
что было — исчезает.

Бежит время, бежит,
год, как час, несется,
одно камнем лежит:
вина остается.

Три года минули,
что покойник лежит,
холм его могильный
травой покрылся свежей.

На холмике травка,
в головах дубочек,
а на том дубочке
белый голубочек.

Сидит голубочек,
жалобно воркует:
кто его услышит,
сердцем затоскует.

Только всех сильнее
женщина горюет:
за голову схватившись,
с голубком толкует:

«Не воркуй, не зови,
не кричи мне в уши:
так жестока песнь твоя —
разрывает душу!

Не воркуй, не зови,
голова кружится,
или громче позови —
в реке утопиться!»

Течет вода, течет,
волна волну гонит,
а между волнами
кто-то в белом тонет.

То нога белела,
то рука всплывала,
жена-горемыка
смерть себе искала.

Вытащили на берег,
схоронили скрыто,
где тропки-дорожки
углубились в жито.

Никакой могилы
ей не полагалось,
под тяжелым камнем
тело оказалось.

Но не так тяжело
каменно заклатье,
как на ее имени
тяжкое проклятье.

Загоржево ложе

I

Седые туманы над лесом склонились,
как духи, влекомые мглою,
уже журавли в теплый край пустились,
пусто в саду пред зимою.
Ветер студеный с запада дышит,
жухлые листья на ветках колыхнет.
Песня знакома: как осень, так снова

листья дубовые шепчут тревожно,
но мало кто понимает хоть слово,
а если поймет, рассказать невозможно.

Путник неведомый в рубище сером,
с распятым в руке, что посохом служит,
с четками – кто ты, уставший без меры,
куда направляешься вечером, в стужу?
Куда так спешишь? Ступни твои босы,
холодная осень – студёные росы:
останься у нас, мы ведь добрые люди,
о госте достойно заботиться будем.

Путник любезный! – ты юн еще все же,
щеки твои бородой не покрыты,
гладкая, словно у девицы, кожа —
но отчего же так бледны ланиты,
как же печальны запавшие очи,
в сердце печаль, что скрывать нету мочи?
Что за печаль твое тело сковала,
ноша какая идти не давала?

Юноша милый, ночь переждал бы,
телу уставшему отдыха дал бы,
что, если сможем тебе быть полезны.
Не сомневайся, с радушием примем,
печали развеем, тоску отодвинем,
стань нашим гостем, странник болезный.

Не слышит, не дрогнет и глаз не поднимает,
и движется, словно во сне непробудном.
Так пусть же в дороге Господь не покинет
скитальца без сил на пути его трудном!

II

Далекое поле, широкое поле,
и путь бесконечный чрез поле бежит,
а подле дороги холм низкий лежит,
распятое на нем для молитвы о доле.
Ствол грубо обструган высокий, еловый,
и брус поперечный прибит сероватый,
на той перекладине – в муках, в терновом
венце Иисус, наш Спаситель распятый.
Глава окровавлена вправо склонилась,
пробитые руки растянута вширь, и
в две стороны света дороженька вилась,

куда указали ей руки мессии.
Направо – восток, где светило выходит,
налево – на запад, где ночь верховодит.
Ворота небесные там, на востоке,
там счастливы в вечном раю Божьи дети,
кто жил на земле, веря в счастья истоки, —
сам Бог посылает им радости эти.
На западе ада ворота открыты,
смола там и сера огнем полыхают,
там бесы пируют, грехи не забыты,
там грешные души в огонь вечный бросают.
Господь милосердный, направь нас направо,
спаси чад своих от дороги неправой!

На взгорке на этом стоит на коленях
наш путник молодой в тени предрассветной,
к кресту припадает он в жарком молении,
бесчувственно древо, мольба безответна.
Быстро шепчет что-то, слез не держит око
и вздыхает часто – тяжело, глубоко.

Так он расстается с девушкой любимой,
юноша любезный, навсегда прощаясь,
в край чужой, далекий участью гонимый,
без надежд на встречу с милой расставаясь:
не сказать словами, как крепко обнимает,
поцелуй последний огнем обжигает:
счастья любимой горячо желает —
«Рок меня жестокий гонит-прогоняет!»

Лицо побледнело, взгляд заледенелый,
но в сердце пламень горячий пылает,
с колен поднимается путник несмелый
и шаг свой на запад легко направляет.

Так пусть же в дороге Господь не покинет
скитальца ни в чаще, ни в знойной пустыне!

III

Стоят, стоят скалы да во лесу глубоком,
возле них дорога, грабов чаща рядом,
вырос дуб могучий на скале высокой,
как король вознесся над дерев отрядом:
к небесам поднята безлистная крона,
зеленые ветви тянет на все стороны;
кора его тугая распорота громами,

тело гниющее расклевано воронами:
просторное дупло, глубокое, удобное —
годится для ночлега хищнику злобному.

И глядь – под тем дубом на мшистом ложе
чья там фигура огромная, грозная?
Зверь или человек в медвежьей коже?
Нет ничего человеческого в образе.
Тело его – как скала на скале лежит,
члены его, как дубовые корни,
власы с усищами никто не разделит,
с шерстью сплелись, что торчит во все стороны;
а под бровями взгляд, все пронзающий,
взгляд ядовитый и очень подобный
взгляду змеиному в траве зеленой.
Кто человек тот? Злобой пылающий
лоб его полон мечтой устрашающей.
Кто человек тот? Что хочет он в чаще? —

Нет, не расспрашивай! Глянь в леса гуще
по сторонам, и увидишь там кости,
что превращаются в прах придорожный,
их расспроси да слетевшихся в гости
воронов стаю, кричащих тревожно,
те много видели – те больше знают!

Вдруг великанище, с ложа вскочивший,
яростным взглядом в дорогу вгляделся
и, булаву над головой раскрутивши,
среди дороги как смерть зачернелся.
Кто приближается? Путник наш кроткий,
посох с распятем, за поясом четки,
лучше беги! Обратись-ка обратно!

Смерть поджидает на этой дороге.
Жизнь коротка, а судьба так превратна,
на роковом твоя участь пороге!
Оборотись, убегай что есть силы,
пока булава тебя тут не убила,
на части головушку не раскроила! —

Не слышит, не видит в печали глубокой,
бредет тихим шагом дорогой широкой,
навстречу концу продвигаясь уныло. —

«Стой, червь! Кто ты есть? И куда путь свой держишь?»

Встал путник, лицо побледнело сильней лишь:
«Я проклят, – ответил он чудищу тихо. —

Дорога мне в ад, в сатанинское лихо!»
«Хо-хо, прямо в пекло? – Которое лето,
что я сижу тут, и многое слыхивал,
и видывал много, но именно это
никто еще в уши мои не запихивал! —
Хо-хо, прямо в пекло! Тогда уж не двигайся,
я быстро домчу, не успеешь и охнуть,
когда ж мой черед подойдет адской милостью,
вместе закусим тогда в преисподней!» —

«Не поругаема милость Господня!
Раньше, чем я на свет Божий явился,
кровью своей мой отец поручился
сына взрастить для огня преисподней.
Но велика Божья милость, я верю,
сила креста сокрушит царство зверя!
И сатаны одолеет коварство!
Бога великая милость поможет,
и слабый путник, попав туда, сможет
стать победителем адского царства».

«Что ты несешь? Я за сорок годочков
душ в ад отправил без всякого счета,
но возвращенья не видывал что-то!

Слышь, червь, ты юн еще, с кожей цветочка,
тело твое повкусней, чем у зверя, —
славной закуской ты стал бы, я верю:
но отпущу тебя – дам тебе волю —
хоть никогда и никто из идущих
не миновал булавы моей бьющей! —
Иди себе, червь, только выслушай волю:
мне поклянись, что вернувшись, расскажешь,
что в пекле увидел сквозь пламя и сажу». —

И путник высоко свой посох возносит
с крестом наверху и обет произносит:
«Во имя святого креста присягаю —
о пекле поведать тебе обещаю!»

IV

Зима миновала, снег в горах тает,
долины наполнены талой водой;
журавль уж вернулся из дальнего края:
но где же сейчас странник наш молодой?

В зелень оделись деревья лесные,
воздух фиалок полн ароматом,
уж соловьи распевают шальные,
но нет известий о пекле проклятом.

Промчалась весна, а за нею и лето,
холодные ветры листву обрывают,
но вести из ада не прилетают,
да жив ли наш путник, блуждает ли где-то?

Или уж вороны тело склевали?
или же бесы в аду удержали?

У дуба лесное чудовище в гневе
все смотрит на запад, на тучи на небе;
сидит и бурчит: «Сколько шло их тут мимо,
не спасся никто от удара дубиной!
Лишь одному я поверил на слово,
этот один не воротится снова!» —

«Не обманул я!» – глас отозвался,
путник пред чудищем вдруг оказался;
фигура стройна, смотрит прямо и смело,
хладный покой на челе его белом,
бледен и светел лик благородный,
ясным сиянием солнцу подобный.

«Не обманул я! Присягой святою
пообещал, что увижусь с тобою;
грешный раб Божий, тебе я поклялся,
и на кресте клянусь снова и снова:
прямо из пекла принес тебе слово!»
И великан задрожал, испугался,
вверх подскочил и в дубину вцепился,
и, пораженный, остановился,
взглядом ответить на взгляд не решался.

«Сядь тут и слушай! Ужасную повесть
я расскажу, пусть пробудится совесть,
о Божьем гневе сейчас ты узнаешь
и милость Бога с почтеньем признаешь!»

Путник поведал, что в пекле увидел:
полчища бесов средь огненна моря;
если при жизни ты многих обидел,
смерть превращается в вечное горе.

Мрачный разбойник под дубом сидит,
ни слова не молвит, лишь в землю глядит.

Путник поведал, что в пекле слышал:
тщетные жалобы, крики, проклятья —
зовы о помощи – чертова братия
не утешает, огонь так и пышет,
вечные стоны и вечны несчастья! —

Мрачный разбойник под дубом сидит,
ни слова не молвит, лишь в землю глядит.

Путник поведал, как крестным знаменем
велел Сатане отдать распоряжение,

чтоб бес, искусивший отца дать то слово,
ему возвратил ту расписку-проклятье,
но бес отказался так просто отдать ее,
отказ повторяя свой снова и снова.

Разгневался ада тогда повелитель:
«В адскую лаву его окуните!»
Беса схватили, согласно приказу,
в купель из огня окунули и мраза;
с одной стороны уголь адский пылает,
с другой стороны холод льда обжигает;
и чтоб увеличить без меры страданья,
тот лед обращают опять в ада пламя.
Бес страшно кричит, извиваясь змеею,
сознание теряет и никнет главою.
Кивнул Сатана тут, отдав повеленье,
чтоб беса пока прекратили мученья.
Как только в себя он пришел, раздышался,
расписку отца отдавать отказался. —

И приказал Сатана в жгучем гнев:
«Отдайте в объятья его адской деве!»
Та дева отлита была из металла,
руки раскинула в страстном желаньи,
беса к груди своей твердой прижала,
кости трещали, раздались стенанья,
бес дико кричал, извиваясь змеею,
сознание терял, поникая главою.
Кивнул Сатана, чтоб разжались объятья,
и бес с облегченьем взглянул на собратьев.
Но тут же главой с отрицаньем мотает,
расписку отца отдавать не желает. —

Тогда Сатана приказал в гнев диком:
«В Загоржево ложе его киньте мигом!»

«В ложе Загоржа? В Загоржево ложе?» —
голос разбойника дикий несется,
тело огромное страшно трясется,
пот покрывает лица его кожу.
«Ложе Загоржа! – Загорж – называла
так меня мать, когда хлопцем был малым,
бывало, учила меня плесть рогожи,
рогожами этими мох устилала,
шкурою волчьей меня прикрывала.
В пекле теперь то Загоржево ложе? —
Ну-ка, поведай мне ты, слуга Божий,
что ждет Загоржа на адовом ложе?»
«Божией мести рука знает меру,
только от смертных сокрыты решенья,
надо принять, что услышишь, на веру —
видно, огромны твои прегрешенья.
Знай же, тот бес, как услышал про ложе,
унять не сумел уж чудовищной дрожи, —
расписку он отдал без промедленья!»

Сосна вековая всех выше на склоне,
крону свою к небу гордо вздымает,
ударит топор – сосна голову клонит
и с тяжким стоном к земле припадает.

Тур лесной дикий в ярости скачет,
деревья с корнями в пути сокрушая,
вонзится копье – взвоят зверь и заплачет,
с болью и кровью к земле припадая.

Так и разбойник, той вестью сраженный,
наземь бросается в дикой тревоге,
корчится, бьется, кричит пораженный,
обнял он путника пыльные ноги:
«Смилуйся, сжался, ты – человек Божий,
не дай мне попасть на то адское ложе!»
«Что же могу я! Я червь, тебе равный,
без милости Божьей навеки проклятый,
к Нему обратись и Ему давай клятву,
и кайся, пока час не пробил твой главный». —

«Да как же мне каяться? Видишь дубину
с зарубками – каждую помню щербину,
сочти их, коль сможешь, за каждой – убийство,
ты видишь – бесчисленно мое кровопийство!»

И путник дубину с земли поднимает —
оружьем был яблони ствол – и бросает.
В твердое темя скалы он попал,

как в рыхлую землю бы прутик вогнал.

«Тут, пред свидетелем всех преступлений,
ночами и днями стой на коленях!
Часы не считая, не ешь и не пей,
лишь жертв вспоминай страшной злобы своей,
кайся, к Творцу обращаясь в молениях.
Огромна вина, ты великий злодей:
так пусть беспримерным раскаяние будет,
тогда лишь Господь о тебе не забудет!
Стой тут на коленях в горячей мольбе,
Бог даст, и вернусь я однажды к тебе».

И путник уходит дорогой своей,
и на коленях взмолился злодей;
ночами и днями не ест и не пьет,
лишь милости Божьей с терпением ждет. —
Бежит день за днем, вот зима настает,
снега и морозы с собою несет:
Загорж все стоит и стоит на коленях —
напрасно он путника ждет появления,
тот не приходит, пусты ожидания,
Боже, Загоржа прими покаянье!

V

Девять десятков годов пролетело,
многое в мире с тех пор изменилось:
уж поколение людей постарело,
тех, что в ту пору едва народилось.

И стариков-то осталось немного,
гробом закончилась жизни дорога.
Лица чужие – новое племя —
все унесло беспощадное время,
только вот солнышко в небе лазурном,
только оно временам неподвластно,
сотни веков улыбается ясно,
всем одинаково – умным и дурням.

Весна вновь вернулась. Ветерок дует,
свежие травы на поле качает,
соловушка вновь о любви повествует,
воздух фиалками благоухает.

Грабовой тенью леса глубокого
двое скитальцев бредут по дороге:

сгорбленный старец с епископским посохом,
еле несут его слабые ноги,
юноша старцу идти помогает.

«Остановись, сын мой, отдых мне нужен,
ах, как покоя душа ожидает!
К предкам почившим стремлюсь я, натружен,
но милость Божья другого желает.
Только безмерною милостью Бога
смог я пройти через адские врата,
Он указал мне к спасенью дорогу,
сил мне придал для спасенья когда-то.
Твердо я верил в тебя, мой Спаситель,
будь на земле Ты всегда победитель!
Сын мой, я жажду! Испить бы водицы:
ты оглядись вокруг, здесь, без сомненья,
что-то найдется для отдохновенья, —
близок источник или криница».

Юный помощник ушел в леса чащу,
чтобы найти там источник журчащий.
Дальше и дальше он продирался,
пока до замшелой скалы не добрался.
Тут вдруг, как вкопанный, остановился,
как светлячок, что ночами летает,
блеск удивленья лицо озаряет, —
благоуханию он удивился,
невыразимое благоуханье,
будто бы райского сада дыханье.
Путник сквозь хвою густую продрался,
выше вскарабкался, что было мочи, —
что же за диво увидели очи:
дерева ствол перед ним возвышался,
яблоня дивная с кроной густой,
на веточке каждой плод золотой —
из золота яблоки благоухают,
их райский дух все собой наполняет.

И юноши сердце от счастья забилося,
и радости чувство в глазах заискрилось;
«Ах, ясно! Я вижу, что Бог милосердный
добр к старцу, который молился усердно:
послал Он ему вместо холодной воды
от яблони дивной златые плоды».
Но только к плоду он рукой потянулся,
как сразу же, страхом объят, содрогнулся.

«Касаться не смей – ведь не ты посадил их!» —
глас низкий, глубокий возник ниоткуда,

пришедший из мира невидимых, дивных,
и голос тот был обещанием чуда.
Вблизи находился лишь пень великанский,
кусты ежевики его окружили,
и высился дальше ствол дуба гигантский
с огромным дуплом, что века сотворили.

Юноша пень обошел, огляделся,
дальше продвинулся, в зелень всмотрелся:
но и следа одного не бывало,
что тут нога человека ступала,
в безлюдной пустыне лишь лес зеленелся.

«Наверное, уши мои подкачали?
Наверное, дикие звери кричали?
Наверное, был это звук водопада?» —
подумал он, больше не слыша ни звука,
и к яблоку поднял опять свою руку.

«Чужое оставь – прикасаться не надо!» —
вновь голос глубокий возник ниоткуда,
и юноша снова подумал про чудо,
и глядь – великанский вдруг пень шевельнулся,
как будто от сна векового очнулся,
широкие плечи, вздымаясь, расправил,
взгляд глаз смоляных на пришельца направил,
как свечи в ночи, эти жаркие очи,
и выдержать взгляд этот не было мочи.

Испуганный юноша крестным знаменьем
в ужасе трижды себя осеняет
и, пораженный кошмарным виденьем,
как перед страшным врага нападеньем,
бежит, и дорогу не разбирает,
до крови шипами себя раздирает
и падает ниц, весь охвачен смятеньем.

«Ах, старче, в лесу этом зло процветает:
скала, на ней яблоня там, на вершине,
она плодоносит плодами златыми,
а пень великанский их рвать запрещает,
и пень этот молвит, очами вращает,
он яблоню от чужаков защищает,
ах, старче, так бесы людей обольщают!»

«Ты ошибаешься, сын мой! От Бога
все чудеса там, Ему лишь во славу!
Видю, что путь свой закончу по праву
именно здесь, так сложилась дорога,

в этой земле мне лежать. Напоследок,
сын мой, со мной на скалу ты последуй».

Сквозь заросли юноша путь проложил
и старца наверх на руках потащил.

Когда уже к яблоне той поднялись,
пень к старцу поднял свою голову ввысь
и, руки к нему протянув, ликовал:
«Ах, мой господин, посмотри на плоды —
то саженец твой, как же долго я ждал:
сорви, вот молитв твоих долгих следы!»

«Загорж, ах, Загорж, скоро отдохновенье:
остались последние жизни мгновенья!
Безмерна к нам милость великая Божья,
обоих спасла нас от адского ложа!
Прости меня ныне, тебя я прощаю,
мы вместе с тобой рядом головы сложим,
а души пусть ангелы ввысь забирают!»

«Аминь!» — отозвался Загорж и мгновенно
навек почил, в скудный прах превратился,
и лишь ежевика на голых камнях
осталась на память, что здесь он молился.

И замертво старец на землю упал —
земной его путь в тот же миг завершился!
Средь леса лишь юноша бедный стоял,
исполнить последнюю волю стремился.

А над головой его в то же мгновенье
две белых голубки на небо взлетели,
они возносились в счастливом паренье
и вот уже с ангелов хором запели.

Водяной

I

Водяной над озером
поет песню вечером:
«Ярче месяцу светить,
пусть сшивает крепче нить.

Шью себе я боты

для любой работы.
Ярче месяцу светить,
пусть сшивает крепче нить.

Как настанет завтра пятница,
Водяной в свой плащ нарядится.
Ярче месяцу светить,
Пусть сшивает крепче нить.

Наряд зеленый, боты красные,
Завтра свадьба ждет прекрасная.
Ярче месяцу светить,
Пусть сшивает крепче нить».

II

Рано утром панна встала,
белье в узел завязала:
«К озеру пойду я, матушка,
постираю свое платышко».

«Ах, к озеру не ходи,
дома, дочка, посиди.
Сон я видела к беде,
не ходи сейчас к воде:

Тебе жемчуг выбирала,
в бело платье одевала,
юбка – пена водяная,
не ходи к воде, родная.

Платье белое – к печали,
перлы – слезы предвещали,
пятница – беду сулит», —
мать, тревожась, говорит.

Панне дома не сидится,
тянется она к водице,
что-то к озеру толкает
и от дома отвлекает.

Лишь стирать расположилась,
доска под ней проломилась,
словно в матушкином сне,
панну тянет к глубине.

Снизу волны забурлили,

и круги все шире, шире.
А на тополе у скал
Водяной рукоплескал.

III

Невеселые, тоскливые
будни водяного края,
за осокой среди лилий
рыбки плещутся, играя.

Солнышко не согревает,
ветерок не веет,
хладно, тихо – будто горе
в сердце холодеет.

Невеселые, тоскливые
эти водные края,
в полутьме и полусвете
все течет день ото дня.

Водяного двор большой,
в нем богатства много,
но не веселы душой
гости Водяного.

Если кто-нибудь войдет
во врата хрустальные,
того больше не увидят
родичи печальные.

Водяной у ворот
начинает шить,
его жена молодая —
дитяtko кормить.

«Баю-баю, дитяtko,
сыночек нежданный,
улыбка на личике —
тоска в сердце мамы.

Ты любовно протянул
ко мне ручки обе:
а я лучше бы лежала
под землей, во гробе.

На кладбище за костелом

с крестом в черной нише,
чтобы мамочке моей
идти ко мне ближе.

Баю-бай, сыночек мой,
мой малютка-водяной!
Как мне хочется домой,
к своей матушке родной!

Старалась бедная она,
приданое шила,
а сейчас в тоске, одна,
без доченьки милой.

Вышла, вышла замуж дочь,
но и тут ошибки:
сваты были – черны раки,
а подружки – рыбки.

А мой муж – помилуй Бог!
Мокрый и на суше,
он в горшочках под водою
людей прячет души.

Ах, сыночек, баю-бай,
волосики зеленые —
выходила мама замуж,
не была влюбленная.

Обманули, затянули
в неразрывны сети,
мне осталась одна радость —
ты на этом свете!»

«Что поешь, жена моя?
Ишь, что напевает! —
твоя песнь проклятая
гнев во мне рождает.

Замолчи, жена моя,
желчь во мне вскипает,
или сделаешься рыбой,
с другими так бывает!»

«Не гневайся, Водяной,
что твои угрозы!
Что возьмешь с растоптанной,
выброшенной розы.

Юности весенний цвет
загубил давно ли?
И ни разу ты моей
не исполнил воли.

Сто раз я тебя просила,
умоляла сладенько,
чтоб пустил хоть на часочек
к моей милой маменьке.

Сто раз я тебя просила,
слез лились потоки,
чтоб позволил мне проститься
с мамой одинокой.

Сто раз я тебя просила,
на коленях, в горести,
в твоём сердце камня сила —
где там взяться жалости!

Не гневайся, не сердись,
Водяной, мой муж.
Или – гневайся и пусть
все случится уж.

Если хочешь рыбой сделать,
чтоб была немая,
преврати-ка лучше в камень,
камень чувств не знает.

Сделай камень из меня,
кровь застынет в жилах,
чтоб душа о свете дня
больше не тужила».

«Рад бы, рад бы был, жена,
я поверить слову,
только рыбку в синем море
кто поймает снова?

Не препятствовал бы я
к матушке явиться,
но лихие мысли женщин —
кто их не боится?

Ну же, ладно, отпущу,
облегчу-ка долю,
если только слово дашь
исполнить мою волю.

Мать не смей ты обнимать,
ни кого иного,
а не то любовь земная
пересилит снова.

Никого не обнимай
с зари до заката,
а как благовест услышишь,
воротись сюда ты.

С заутрени до вечерни
время тебе дарится,
а для верности дитя
пусть со мной останется».

IV

Как бы, как бы это было
чтоб без солнышка весной?
Что же это за свиданье
без объятия с родной?
Если к матери прижмется
дочь в тоске сердечной,
кто ее тогда осудит
за порыв извечный?

Плача, с матерью проводит
время Водяная:
«Время к вечеру подходит,
я боюсь, родная».
«Ты не бойся, моя дочка,
темной силы дерзкой,
я тебя не дам в обиду
ублюдине мерзкой!»

Пришел вечер. Муж зеленый
под окнами шляется,
женщины, засов задвинув,
от него скрываются.
«Ты, дитя мое, не бойся
твари водяной,
он на суше не имеет
власти над тобой».

Звон вечерний отзвонили,
Бух! Бух! – стук раздался:

– Ну, жена, пошли домой,
Я проголодался!
– Вон отсюда, враг поганый,
прочь иди, на дно свое,
там устроишь ужин званый,
все, что здесь, то – не твое!

В полночь – бух! бух! – снова
стук в запертые двери:
– Ну, жена, пойдем домой —
постели постели!
– Вон отсюда, враг поганый,
прочь иди, на дно свое,
пусть тебе устелют илом
ложе гадкое твое.

В третий раз – бух! бух! – раздался,
как зари занялся свет:
– Ну, жена, пойдем домой,
дитя плачет, еды нет!
– Ах, матушка, чем он манит,
как к младенцу сердце тянет!
Отпусти меня, родная,
Жизни без дитя не знаю.

«Не ходи, останься, дочка!
Ложь во всех его словах,
о младенце ты тоскуешь,
за тебя растет мой страх.
Душегуб, иди отсюда!
Дочь останется со мной.
Коль дитя без мамки плачет,
к нам неси его домой».

На озере буря стонет
и сквозь стон младенца крик:
он любую душу тронет,
хоть прервался в тот же миг.
«Ах, матушка, горе, горе,
холодеет кровь моя:
мама, мамочка родная,
страшусь Водяного я!»

Что упало? Из-под двери
лужица кровавая.
Страхом скована, застыла,
дверь открывши, старая:
как принес им враг младенца,
как снести удар судьбы! —

Голова дитя без тельца,
тельце дальше – без главы.

Верба

Встретив раннюю зарю,
муж спросил жену свою:

– Ответь, милая моя,
ты со мной всегда честна,

ты со мной всегда честна,
но одно лишает сна —

уж два года мы с тобою,
и не знаю я покоя.

Жена моя, голубица,
что с тобой во сне творится?

Спать ложишься свежей, бодрою,
ночью – рядом тело мертвое.

И ни вздоха, и ни трепета,
и ни стона, и ни лепета.

Вся ты словно изо льда,
будто мертвая вода.

Ночью даже детский крик
не пробудит ни на миг.

Жена моя, золотая,
расскажи мне, не скрывая.

Если это хворь какая,
позову тебе врача я.

В поле разных травок много,
мы найдем тебе подмогу.

Есть другое средство тоже:
слово мощное поможет.

Слово тучи разгоняет,
в бурю лодки охраняет,

с неба звездочку достанет —
сила слова не обманет.

– Господин любимый мой,
пусть все течет само собой. —

Если что-то суждено,
излечить то не дано.

Что Судьба кому-то скажет,
людское слово не развяжет.

Хоть безжизненна на ложе,
все идет по воле Божьей.

Все идет по Божьей воле,
ночью Он хранит от боли.

Мертвой суждено мне спать,
но с утра жива опять.

Поутру светла дорога —
положись на помощь Бога!

Но жена напрасно просит —
муж иную думу носит.

Сидит бабка у ворот,
из миски в миску воду льет.

Двенадцать мисок ряд стоит,
муж старухе говорит:

– Слушай, мать, ты знаешь много,
ляжет как кому дорога,

знаешь, как болезнь родится, —
куда жена моя стремится?

Спать ложится свежей, бодрою,
ночью – рядом тело мертвое.

И ни вздоха, и ни лепета,
и ни стона, и ни трепета.

Вся как будто изо льда,
словно мертвая вода.

– Как бы мертвой ни была,

ведь лишь днем она жила.

Днем с тобой живет, дыша,
ночью – в вербочке душа.

У потока под горой
верба с белою корой;

ветки желтые на ней,
там душа жены твоей.

– Не хочу с женою жить,
чтобы с вербою делить;

пусть жена со мной живет,
верба пусть в земле гниет.

На плечо топор взвалил,
под корень вербочку срубил.

В реку пала и на дне
зашумела в глубине.

Зашумела, завдыхала,
словно мать душой страдала.

Будто тяжко умирала,
с болью на дитя взирала.

– Что у дома за собрание?
О ком слезы, причитанья?

– О твоей супруге милой,
как косой, ее срубило;

то ходила, напевала,
как подкошена, упала;

умирая, завдыхала,
с болью на дитя взирала.

– О беда, судьбина злая,
я жену убил, не зная,

что дитя в минуту ту
превратил я в сироту!

Верба с белою корой,
что ты сделала со мной!

Одному теперь мне жить,
что с тобой мне учинить?

– Пусть достанут из воды,
срежут желтые пруты;

и потом за прутом прут
колыбельку пусть сплетут.

Уложи в нее сыночка,
и спокойной будет ночька.

Будет колыбель качаться —
дитя с мамой обниматься.

А другие прутья ты
посади-ка у воды.

А как мальчик подрастет,
резать дудочки начнет.

Будет в дудочку дудеть,
вместе с мамой песни петь.

Лилия

Почила дева в пору юных лет,
Как будто высох розы ранней цвет,
Почила дева, розе не дышать.
Жаль ее, жаль – в земле ей лежать.

«Не хороните меня
Средь деревенских могил,
Там жалобы вдов и сироток
Мне спать не дадут.

Хочу, чтоб мой вечный покой
Лес дремучий хранил,
Пусть вереск могилу накроет,
И птицы над нею поют...»

И не прошло еще года и дня,
Могила вся в вереск облачена.
И не прошло еще даже трех лет,
На могиле ее расцвел редкостный цвет.

Белая лилия – кто ее увидал,
Каждый боль и тоску испытал.
Лилии запах – кто им проникался,
В каждом жажды огонь разгорался.

«Эй, слуга, готовь мне коня!
Манит сегодня охота меня,
Поскачем в леса, под еловый кров,
Будет сегодня особенный лов!»

Хэй-хэй, хо! Борзые скулят,
Для всадника не существует преград,
Похоже, добыча дана судьбой:
Видит он белую лань пред собой.

«Хэй-хэй, хо! Добыча моя,
Ни поле, ни куст не спасут тебя!»
Прицелился – что же случилось с глазами?
Лилия белая вместо лани.

На лилию смотрит, охвачен смятеньем,
Сердце дрожит, не справляясь с волненьем.
Замер в тоске, почти не дыша,
Виной тому – лилии белой душа.

«Эй, верный слуга, за дело берись,
Выкопай лилию, в замок мой мчись.
В моем саду ей отныне цвести,
Чувствую, нет без нее мне пути.

Эй, слуга верный, доверенный мой,
Храни цветок, защищая собой,
Ночью и днем, не смыкая очей,
Дивная сила влечет меня к ней!»

Ходит слуга за цветком день, другой,
Хозяин ее околдован красой.
На третью ночь, в свете полной луны
Прервал слуга хозяина сны.

«Вставай, пан мой, в изумлении я —
По саду ходит находка твоя.
Поспеши, не мешкай, послушай – вот:
Твоя лилия дивную песню поет!»

«Вернулась я к жизни на миг, в тоске.
Я – как в поле роса, как дым на реке,
И с первым же блеском зари поутру
Роса испарится, и я умру».

«Твой век – не роса на рассветном лугу,
От солнца тебя защитить я смогу:
Крепкие стены – спасенье от жарких лучей.
Душа моя, будешь женою моей».

Женою стала, счастливо жила.

Живут в покое, счастливо, но вот
От короля гонец письмо несет:

«Мой верный друг! – король его призвал. —
Явись на службу, ты мне присягал.
Каждый, кто верен, должен завтра быть,
Дела домашние прошу пока забыть!»

Прощался грустно он с женою милой,
Как будто чуя дух судьбы постылой:
«Не буду рядом я, защитник твой,
Но мать моя останется с тобой».

Но мать была защитницей плохой:
Ее мечта – расстаться со снохой.
Высоко солнце светит, слепит неба синь:
«Сгинь, тварь ночная! Сгинь, ублюдок, сгинь!»

Домой пан едет – что и как там есть?
Летит ему навстречу злая весть:
«Младенца твоего взяла земля,
Увяла лилия – жена твоя».

«Матушка, матушка, злая змея!
Чем тебе помешала радость моя?
Отравила ты жизни моей цвет,
Так пусть станет черным тебе Божий свет!»

Дочернее проклятье

«Что ты стала так уныла,
дочь моя?
Что ты стала так уныла?
И куда веселье сплыло,
почему не слышен смех?»

«Я убила голубенка,
мать моя!
Я убила голубенка —

сиротинушку-цыпленка,
белого, как снег!»

«Голубенок это не был,
дочь моя!
Голубенок это не был,
ты стоишь под темным небом,
твой обманчив взгляд!»

«Ох, убила я ребенка,
мать моя!
Ох, убила я ребенка,
беззащитного дитенка,
жалость, словно яд!»

«Что же думаешь ты делать,
дочь моя?
Что же думаешь ты делать,
кому грех свой исповедать,
Божий гнев смирить?»

«Цветик я найду, быть может,
мать моя!
Цветик я найду, быть может,
что вину забыть поможет,
рану исцелить».

«Где найдешь ты того цвету,
дочь моя?
Где найдешь ты того цвету
по всему большому свету?
В садике каком?»

«Над воротными столбами,
мать моя!
Над воротными столбами —
перекладина с гвоздями,
там петля с узлом!»

«Передать ли другу что-то,
дочь моя?
Передать ли другу что-то,
он, когда была охота,
тешился с тобой».

«Пусть пойдут ему на пользу,
мать моя!
Пусть пойдут ему на пользу
смерть младенца, мои слезы,

что предал с другой».

«С чем же матери остаться,
дочь моя?
С чем же матери остаться,
как несчастной утешаться —
для тебя жила!»

«А тебе — мое проклятье,
мать моя!
А тебе — мое проклятье,
без забот могла гулять я —
волю мне дала!»

Вестница (Отрывки)

Когда очи ваши зальются слезами,
когда вдруг тяжкий настанет час,
ветка надежды окажется с вами,
в душах мой отзовется глас.

Не пренебрегайте речами моими,
дух пророчества сходит с небес,
закон непреложен над всеми живыми,
долг свой заплатит каждый здесь.

Свой путь у моря река кончает,
пламя к небу устремлено;
земля творит, а потом забирает:
бесследно уйти ничему не дано.

Шаги судьбы уверенны, тверды,
что должно стать, то станется;
один день в себе сокроет годы,
в другой — открытым станет все.

* * *

Я видела мужа на бреге Белины,
праотца славных князей,
шел он по пашне за плугом старинным,
среди родимых полей.

Тут появились послы от собрания,

пахаря князем назвав,
дали златые ему одеянья,
поле он бросил, не допахав.

Плуг положил и волов отпускает:
«Откуда вы вышли, вернитесь туда!»
Бич и кнуты в поле он оставляет,
пусть их сокроет трава и листва.

И волы ушли в недалекие горы —
и ныне в следах их стоит вода;
а кнутовища, вросшие в доли,
оборотились в три буйных куста.

Они и цвели, и плодоносили,
но только один плод вполне созрел,
другие упали на землю бессильно,
и прорасти ни один не сумел.

Слышьте и знайте – сильное слово
в душах людских пусть вечно живет:
время благое вернется снова,
когда и мертвая ветвь оживет.

Обе те ветки в цвету благородном
снова воспрянут, все шире, сильнее,
вдруг, к удивлению разных народов,
плод принесут от прастарых⁵ корней.

Приидет князь, облаченный в злато,
чтобы вернуть старый долг свой вдруг,
и миру явит из пыли и праха
Пржемысла изъеденный ржавчиной плуг.

Воле с высокой горы вернутся
и снова будут в плуг впряжены,
поля недопаханные проснутся,
зерном золотым станут пашни полны.

Весна засияет, прогонит ненастье,
и зацветет буйно колос златой,
с ним расцветет на земле этой счастье,
старая слава взойдет над страной.

⁵ Прастарый – самый древний.

* * *

Скалу я видала над бурной рекою,
а на скале Крока замок златой;
около замка цветущий весною
Княгини Либуши сад молодой.

В подножии замка домик свободный —
купальня княгини стоит на воде;
княгини я видела лик благородный
платье сияло, все в серебре.

У входа стояла купальни любимой,
глядя в мутный речной поток,
читала слова там, тревогой томима,
что посылает стране ее рок.

«Вижу пожары, кровавые битвы,
острый меч, что тебя проткнет,
вижу беду, поруганье, молитвы —
духом не падай, мой милый народ!»

Тут ей две девы, стоящие сбоку,
подали колыбель золотую;
поцеловала ее — и потоку
бросила дар во глубокие струи.

Слышьте и знайте Либушино слово —
слышала я ее вещий глас:
«Спи тут, ложе сына, когда-то снова
я позову тебя, будет час!»

Из темного лона глубокого моря
поднимется новый мир молодой;
широкие липы отцова подворья
распустят душистый свой цвет золотой.

Грусть всю смоем поток весенний,
из ночи родится ясный день:
народ, что славен был когда-то,
новой славы узнает ступень.

Тут на свет Божий из пропасти водной
наверх золотая кровать всплывет,
и, повинясь судьбе предреченной,
народ, как младенец, на ней отдохнет».

* * *

Я тебя видела, ложе святое,
знаю, звезда путевая моя!
Жду, как настанет время иное,
время снова увидеть тебя.

Лето за летом без устали мчится,
зима за зимой неуклонно бежит,
незыблема вера в душе хранится,
надежда растет, что на сердце лежит.

Ежели летом вглубь под скалою
кто-то нырнул и уже не всплывет,
если с веселой дружиной зимою
проломится вдруг под санями лед,

вздыхаю: к полкам Либуши, ликуя,
прибыло много новых борцов!
Будет ли время, когда отдохну я?
Ах, нет еще, этот час не готов!

Так в книгах судьбы написано было,
слышите и знайте весть мою:
«Придет рассвет, в то благое утро,
мертвые встанут в родном краю.

Тогда Либуша с полком великим
войско свое поднимет из вод,
и руку подняв материнскую, кликом
к славе направит чешский народ!»

* * *

Видела храм я над Орлицей речкой,
слышала я золотой его звон,
когда еще честь страны нашей чешской
не разорвал лютой страсти гон.

Когда в Чехии к Богу почтенье забылось:
вера, любовь и надежда остыли,
храм глубоко под землею сокрылся,
воды то место залили.

Но не останется вечно в могиле,

воды отхлынут – время придет,
встанет тот храм в былой своей силе,
колокол к храму народ позовет.

Слышьте и знайте, писано это
в книге судеб как закон:
«Увидите солнце златое рассвета,
услышав сначала тот звон.

С другой стороны Орлицы дунет
ветер и новый засеет лес,
поднимутся всходы, время наступит,
сосны поднимутся до небес.

Когда с краю леса сосна вековая
сама собой свой век доживет,
засохнет и в Орлицу рухнет сухая,
а корень ее в земле догниет.

Придут туда кабаны лесные,
чтобы сожрать остатки корней,
и тут сквозь корни блеснет гнилые
колокол чудный, что спал в глубине.

Такое было судьбы назначенье:
чтобы в подземный отправился путь,
и своего чтоб дождался мгновенья,
чтоб в душу народа силу вдохнуть». —

Знайте, у края зеленого бора
ствол, что назначен, вот-вот доживет,
сильный, высокий, почти без убора,
только верхушка свежа и цветет.

Может, и колокол в путь уж пустился?
К цели придет в нужный час?
Чей вещий голос до нас доносился,
все укрепляя надежду в нас?

Видела пахаря я за плугом,
рядом текла речка Быстрица,
песня его разносилась над лугом:
«О Боже, святая Троица!»

Дивным препятствием плуг остановлен,
из борозды вдруг послышался гул:
«Дьявол из ада тут похоронен?
К черту в могилу я плуг свой воткнул!»

Так проклял пахарь, и стоном глубинным
отозвался проникающий глас —
златого колокола плач голубиный:
«Ах, не пришел, не пришел мой час!»

Ах, не пришло, не пришло еще время!
Все ж приложите ухо к земле,
звон донесут до вас сосен коренья,
дивные звуки надежды во мгле.

* * *

Не сокрушайтесь о собственном роке,
что к вам бывал беспощадно жесток,
но сожалейте, что горя уроки
не укрепили ваш дух в нужный срок.

Вижу вершину я над вершиной —
гора та прекрасно знакома вам —
буйно цветут сады по долинам,
а на верхушке ее Божий храм.

Тремя воротами в храм тот входят,
тремя вратами выходят опять,
слышьте и знайте, то в Книге находят,
в сердце слова эти должно держать.

«Тщетны надежда в душе и забота!
Не избежите бед и невзгод,
пока не пойдет чрез одни ворота
уверенно сильный чешский народ!»

Имеющий уши, чтоб ими слышать,
зачем же их пальцами затыкать?
И разум, который подарен свыше, —
зачем ногами его топтать?

Тысячу лет ушло, как сынов милых
единству учил Святоплук,
но не проник к нам на времени крыльях
мудрого слова золотой звук!

* * *

Вы, кто отцов своих славных деянья

рады назвать с хвастовством,
памятник половине героя пред вами
в Праге рядом с мостом.

Голову ветры с дождями размыли,
грудь раздробил шведский бой;
живот и ноги пока еще в силе,
твердо стоят и гордятся собой.

Не говорите, мол, долгое время
напрочь разрушило эти камни!
Знайте, то нашего часа знаменье,
наше отмечено здесь небреженье!

Слышьте с почтением каждое слово:
надежда без дела будет пуста,
пусть статуи сердце появится снова,
а на широких плечах голова!

Чешские сказки

Златовласка

Жил-был король, и был он такой мудрый, что понимал язык всех-всех живых существ. Вот послушайте, как он этому научился. Пришла к нему однажды одна старая бабушка, принесла в корзинке змею и сказала, чтобы он отдал эту змею приготовить: а когда он ее съест, то будет понимать разговоры птиц в небесах, всех земных и подводных тварей. Тому королю понравилось, что он будет уметь то, что никто не умеет, бабушке он хорошо заплатил и немедленно поручил слуге, чтобы тот приготовил ему на обед рыбу.

– Но, – говорит, – ни кусочка в рот не бери, иначе заплатишься за это своей головой!

Иржику, слуге, было удивительно, почему это король так строго запретил ему попробовать кушанье.

«Сколько живу, такую рыбу не видел, – сказал он себе. – Выглядит точно как змея! И какой же повар не попробует то, что приготовил?»

Когда рыба была испечена, взял он кусочек на язык и попробовал. И тут же услышал около ушей жужжание:

– Нам тоже немножко, нам тоже немножко!

Иржик огляделся – что такое? И никого на кухне не увидел, кроме нескольких летающих мух. Но тут уже снаружи, с улицы кто-то сипло прокричал:

– Куда? Куда?

А голоса потоньше отвечали:

– На ячмень к мельнику, на ячмень к мельнику.

Иржик выглянул в окно и увидел стаю гусей.

– Ага, – говорит, – так вот что это за рыба!

Теперь-то он знал! Быстро засунул себе в рот еще кусочек, а потом отнес змею королю как ни в чем не бывало.

После обеда король поручил Иржику оседлать коня, чтобы прогуляться, а слуга должен был его сопровождать. Король ехал впереди, а Иржик за ним. Когда скакали по зеленому лугу, конь Иржика подскочил и заржал:

– Иго-го, брат, мне так легко, что хотел бы я скакать через горы!

– Что ж, – говорит другой, – я бы тоже рад был скакать, но на мне старик сидит, если я подскочу, он свалится на землю, как мешок, и сломает себе шею.

– Ну и пусть сломает, что с того? – сказал конь Иржика. – Вместо старого будешь носить на себе молодого.

Иржик от всего сердца засмеялся, услышав эту беседу, но только тихонько, чтобы король не заметил. Однако король тоже хорошо понимал, о чем разговаривают кони, оглянулся и, видя, что Иржик смеется, спрашивает:

– Чему это ты смеешься?

– Ничему, ваша королевская светлость! Просто так, – стал оправдываться Иржик.

Но старый король уже заподозрил его, да и коням тоже не доверял. Он повернулся и поехал домой.

Когда они приехали в замок, велел король Иржику налить в стакан вина:

– Но головой отвечаешь, – говорит, – если недольешь или перельешь!

Взял Иржик кувшин с вином и принялся наливать. Но тут за окном пролетели две птички. Одна гналась за другой, а у той, за которой гнались, было три золотых волоска в клювике.

– Отдай мне их, – говорит та, что гналась за первой, – ведь они мои!

– Не дам! Они мои! Я их подняла.

– Но я их увидела, когда они упали, когда златовласая девица расчесывалась. Дай мне хотя бы два.

– Ни единого!

Тогда вторая птичка рванулась за первой и схватила те золотые волоски. Покуда они так на лету тягались, остался у каждой в клюве один волосок, а третий упал наземь, даже звон раздался. А Иржик, пока на него смотрел, перелил в стакан вина.

– Пропавшая твоя жизнь! – выкрикнул король. – Но я могу тебя и помирить, если найдешь эту златовласую девицу, чтобы я взял ее в жены.

Что было Иржику делать? Если он хотел сохранить свою жизнь, должен был отправиться за девицей, хотя и не знал, где ее искать. Оседлал он коня и поехал куда глаза глядят. Приехал к черному лесу, а перед лесом у дороги горел куст, его пастухи подпалили. Под кустом был муравейник, искры падали на него, и муравьи разбежались в разные стороны, унося белые яички.

– Ох, помоги, Иржик, помоги! – звали они жалобно. – Сгорим мы, и детки наши в яичках.

Иржик тут же соскочил с коня, вырвал куст и потушил огонь.

– Когда тебе будет нужно, вспомни о нас. Мы тебе тоже поможем.

После этого поехал он лесом и приехал к высокой ели. На верхушке той ели было воронье гнездо, а внизу на земле два вороненка пищали и причитали:

– Отец и мать от нас улетели, мы должны сами себе искать пропитание, а мы, несчастные пискуны, еще и летать не умеем! Ох, помоги, Иржик, помоги! Накорми нас, ведь умрем от голода.

Иржик, недолго думая, соскочил с коня и всадил ему меч в бок, чтобы было вороньятам что есть.

– Когда тебе будет нужно, – весело прокаркали воронята, – вспомни о нас. Мы тебе тоже поможем.

Дальше уже пришлось Иржику идти пешком. Шел он долго-долго лесом, а когда наконец из лесу вышел, увидел перед собой далекое-широкое море. На берегу моря ссорились два рыбака. Они поймали в сеть большую золотую рыбу, и каждый хотел взять ее себе.

– Моя сеть, моя и рыба!

А другой на это:

– Мало бы было пользы от твоей сети, если бы не моя лодка и не моя помощь. Вот когда в другой раз такую же поймает, будет твоя.

– Ну нет! Ты подожди другую, а эту отдай мне.

– Я вас рассужу, – говорит Иржик. – Продайте мне эту рыбу, я вам хорошо заплачу, а деньги разделите пополам.

И отдал им за рыбу все деньги, которые король дал на дорогу, ничего себе не оставил. Рыбаки были рады, что так хорошо рыбу продали, а Иржик отпустил рыбу в море. Она весело заплескалась в воде, ушла на глубину, а потом недалеко от берега еще раз вынырнула:

– Когда понадобится, Иржик, вспомни обо мне, я тебе добром отплачу.

И после этого исчезла.

– Куда ты идешь? – спросили рыбаки Иржика.

– Иду за невестой для своего господина, старого короля, за девицей золотоволосой, и не знаю даже, где ее искать.

– Ох, тут мы тебе сможем помочь, – сказали рыбаки, – это Златовласка, королевская дочь из хрустального замка, на том острове. Каждое утро, когда рассветает, она расчесывает свои золотые волосы. Свет от них идет по небу и по морю. Если хочешь, мы сами тебя на тот остров отвезем, потому что ты нас так хорошо рассудил. Но будь осторожен, выбери настоящую Златовласку. Там двенадцать девушек, дочерей короля, но только у одной из них золотые волосы.

Оказавшись на острове, отправился Иржик к хрустальному замку просить короля, чтобы тот отдал свою дочь замуж за его господина – короля.

– Отдам, – сказал король, – но ты должен ее заслужить: должен за три дня выполнить три задания, которые я тебе дам, в день по одному. А пока до завтра можешь отдохнуть.

На следующий день утром говорит король Иржику:

– У моей Златовласки была нитка дорогих жемчугов. Нитка перетерлась, и жемчужины рассыпались в высокой траве на зеленом лугу. Ты должен собрать все до одной жемчужины.

Пошел Иржик на луг, далекий-широкий, опустился в траву, начал искать. Искал, искал с утра до полудня, но ни одну жемчужинку не увидел.

– Ох, были бы здесь мои муравьи, они бы мне сумели помочь!

– Так мы же тут, чтобы помочь тебе, – сказали муравьи. Они появились рядом с Иржиком откуда ни возьмись. – Что тебе нужно?

– Я должен на лугу жемчужины собрать, но ни одну не увидел.

– Ты только подожди немножко, мы их вместо тебя соберем.

И очень быстро принесли ему из травы горку жемчужин, осталось только нанизать их на ниточку. И потом, когда нужно было завязать ниточку на узелок, приковылял еще один муравейчик, хромой: у него ножка сгорела, когда в муравейнике был пожар, и закричал:

– Подожди, Иржик, не завязывай ниточку, я несу еще одну жемчужинку!

Когда Иржик принес королю жемчужины, тот их пересчитал.

– Хорошо сделал свое дело, – говорит, – завтра тебе дам другую работу.

Утром Иржик пришел, и король ему сказал:

– Моя Златовласка купалась в море и потеряла там золотой перстень, найди его и принеси.

Пошел Иржик к морю и ходил грустно по берегу. Море было чистое, но такое глубокое, что он не мог даже дна увидеть, а не то что на дне искать перстень!

– Ох, если бы тут была моя золотая рыба, она бы смогла мне помочь!

Тут в море что-то блеснуло, и из глубины на поверхность воды выплыла золотая рыба:

– Я здесь, чтобы помочь тебе. Что тебе нужно?

– Я должен в море найти золотой перстень, а я даже дна не вижу.

– Я только что повстречала щуку, она несла золотой перстень на плавнике. Подожди немножко, я тебе его принесу.

И очень быстро вернулась из глубины и принесла ему щуку вместе с перстнем.

Король Иржика снова похвалил, что тот хорошо сделал свое дело. А потом утром дал ему третью работу:

– Если хочешь, чтобы я свою Златовласку отдал твоему королю в жены, ты должен принести ей мертвую и живую воду, она ей пригодится.

Иржик не знал, куда и податься за этой водой. Пошел он куда глаза глядят, куда ноги несут, пока не пришел к черному лесу:

– Ох, были бы тут воронята, они бы мне, наверное, помогли!

Тут у него над головой что-то зашумело, и откуда ни возьмись появились два вороненка:

– Мы здесь, чтобы тебе помочь. Что ты хочешь?

– Я должен принести мертвой и живой воды, но не знаю, где ее искать.

– О ней мы хорошо знаем. Подожди немножко, мы принесем ее тебе.

И очень скоро воронята вернулись, каждый нес в клюве полую тыквочку, наполненную водой. В одной тыкве была живая вода, а в другой мертвая. Иржик обрадовался, что счастье ему улыбнулось, и поспешил к замку. На краю леса увидел он паутину от ели до ели, а в середине сидел огромный паук и высасывал муху. Иржик взял тыквочку с мертвой водой, брызнул на паука, и тот замертво свалился наземь, как спелая вишня. Потом брызнул на муху из другой тыквы живой водой, и муха начала двигаться, высвободилась из паутины и взлетела в воздух.

– Твое счастье, Иржик, что ты меня воскресил, – зажужала ему в ухо, – ведь без меня ты бы едва ли угадал, которая из двенадцати сестер Златовласка.

Когда король увидел, что Иржик и третье задание исполнил, сказал, что отдаст ему свою златовласую дочку.

– Но только должен будешь сам ее выбрать.

После этого король повел Иржика в большой зал с круглым столом в центре, вокруг него сидели двенадцать прекрасных девушек, друг на друга похожие, и у каждой голова была покрыта белой, как снег, шалью аж до самого пола. И из-за этих шалей не было видно волос девушек.

– Вот мои дочери, – говорит король. – Если угадаешь, которая из них Златовласка, получишь ее и сможешь сразу увезти с собой; если не угадаешь, значит, не судьба тебе, должен будешь уйти без нее.

Иржик затосковал, не зная, что ему делать. И вдруг кто-то зашептал ему в ухо:

– Бзз-бзз! Иди вокруг стола, я тебе скажу, которая из них Златовласка.

Это была та самая муха, которую Иржик воскресил живой водой.

– Это не та – это не та – это тоже не та – а вот это Златовласка!

– Эту дочь мне дай! – выкрикнул Иржик. – Эту я заслужил для своего господина.

– Ты угадал, – сказал король, и девушка сразу встала из-за стола, откинула шаль, и золотые волосы потекли густыми потоками с головы до самой земли, и было от них так светло, как утром, когда солнышко встает, Иржик даже зажмурился.

Потом король, как полагается, дал своей дочери приданое, и Иржик отвез ее как невесту своему господину. У старого короля глаза разгорелись, и запрыгал он от радости, когда увидел Златовласку. Тут же повелел он, чтобы готовились к свадьбе.

– Хотел приказать повесить тебя за непослушание и чтобы тебя вороны склевали, – сказал король Иржику, – но за такую хорошую службу велю только отрубить секирой голову, а после этого прикажу тебя похоронить как подобает.

Когда Иржика казнили, попросила Златовласка старого короля, чтобы он подарил ей мертвого слугу, и король не смог отказать своей златовласой невесте. Она приложила голову Иржика к телу, покропила его мертвой водой, и тело срослось с головой, да так, что от раны и памяти не осталось. Потом покропила она его живой водой, и Иржик встал, как будто снова родился, резвый, как олень, светясь молодостью.

– Ох, как же я крепко спал! – сказал Иржик и потерял глаза.

– Верю, ты крепко спал, – сказала Златовласка, – и не будь меня, во веки веков бы не пробудился.

Когда старый король увидел, что Иржик ожил и стал еще красивее и моложе, чем прежде, захотелось и ему омолодиться. Он немедленно велел себя обезглавить, а после этого покропить водой. Его обезглавили и кропили живой водой, кропили, кропили, пока она не кончилась, но голова его никак не хотела прирастать к телу. После этого стали кропить его мертвой водой, и голова моментально приросла, но король все равно оставался мертвым, потому что живой воды для воскресения уже не было... А поскольку королевство без короля не могло существовать и никого такого же разумного и понимающего языка всего живого, как Иржик, в округе не было, то его и сделали королем, а Златовласку – королевой.

Три золотых волоса Деда Всеведа

Было не было, судите сами: жил однажды король, который любил охотиться за зверями в лесах. Однажды пустился он далеко за оленем и заблудился. Был в лесу он один-одинешенек, пришла ночь, и король был рад, когда нашел на лесной лужайке избушку. В ней остался на ночлег угольщик. Король попросил его вывести на дорогу из леса и обещал хорошо заплатить.

– И рад бы с вами, – сказал угольщик, – но, видите ли, моя жена на сносях, не могу уйти. Да и куда вы пойдете ночью? Ложитесь на чердаке на сено, а утром я вас провожу.

Этой же ночью у угольщика родился сыночек. Король лежал на чердаке и не мог уснуть. В полночь увидел он внизу, в светлице, какой-то свет. Посмотрел в щель и видит: угольщик спит, жена его лежит в обмороке, а рядом с младенчиком стоят три старые бабушки, совсем белые, и у каждой в руке горящая свеча. Первая говорит:

– Я даю этому мальчику великие опасности в его жизни.

Другая говорит:

– А я ему даю возможность из всех опасностей счастливо выйти и долго жить.

А третья говорит:

– А я ему даю в жены доченьку, которая сегодня родилась у того короля, что наверху на сене лежит.

После этого у бабушек свечи погасли, и наступила тишина. Это были парки, вестницы судьбы.

Король застыл, словно ему меч в грудь вонзили. Не спал до утра. Все думал, как бы не свершилось то, о чем он услышал. Когда рассвело, начало дитя плакать. Угольщик встал и видит, что жена его уснула вечным сном.

– Ох, бедный мой сиротинушка, – запричитал угольщик, – что же мне с тобой делать?

– Дай мне этого младенца, – велел король. – Я о нем позабочусь, будет ему хорошо, а тебе дам денег столько, что до смерти не надо будет уголь добывать.

Угольщик обрадовался этому, и король обещал, что пришлет за младенцем. Когда король пришел в замок, ему с огромной радостью доложили, что у него в эту ночь родилась прекрасная доченька. Именно в ту самую ночь, когда король видел трех вестниц. Помрачнел король, позвал своего слугу и сказал:

– Пойдешь туда-то и туда-то, до самого леса, там в избушке найдешь угольщика. Дай ему деньги, а он тебе отдаст малое дитя. Это дитя по дороге утопишь, а если ослушаешься, сам будешь на дне речном.

Слуга все выполнил, положил младенца в корзинку, а когда оказался на мостике через широкую и глубокую реку, бросил корзинку с ребенком в воду.

– Доброй ночи, зять незванный! – сказал король, когда слуга рассказал ему об этом.

Король думал, что младенец утонул, ан нет. Плыл он в корзинке, как в колыбельке, по воде, спал, будто колыбельную ему пели, пока не приплыла корзинка к избушке одного рыбака. Рыбак сидел на берегу, чинил сеть. Вдруг видит: по реке плывет что-то, прыгнул в лодчонку и вытянул из воды корзинку с младенцем. Принес своей жене и говорит:

– Ты всегда хотела иметь сыночка, вот тебе сыночек: принесла нам его вода.

Жена рыбака была рада и вырастила дитя, как свое собственное. Звали его Плавачек, потому что он к ним по воде приплыл.

Течет река, минуют годы, и из мальчика вырос прекрасный юноша, которому во всей округе равных не было. Однажды летом случилось, что в это самое место прискакал на коне король, один-одинешенек. Было душно, захотелось ему пить, и он завернул к рыбаку, чтобы тот дал немного свежей воды напиться. Когда Плавачек подал воду, удивился король, глядя на него.

– Пригожий парень у тебя, рыбак! – говорит. – Это твой сын?

– И да и нет, – отвечает рыбак, – как раз двадцать лет тому, как приплыл в корзинке по реке, а мы его вырастили.

У короля красные точки пошли перед глазами, побелел он, как стена. Король понял, что это тот самый младенец, которого он велел утопить. Однако он быстро опомнился, соскочил с коня и говорит:

– Мне нужен гонец в мой королевский замок, а никого я с собой не взял. Может этот юноша туда пойти?

– Ваша Королевская Милость прикажет, и парень пойдет, – сказал рыбак.

Король сел и написал своей жене письмо:

«Этого юношу, которого тебе посылаю, вели без промедления проткнуть мечом: это мой злейший враг. Когда вернусь, пусть все будет исполнено. Такова моя воля».

Потом он записку сложил, запечатал и приложил свой перстень.

Плавачек быстро пустился с письмом в дорогу. Он должен был ехать огромным лесом, потерял дорогу и заблудился. Ходил из чащи в чащу, пока не начало темнеть. Тут встретил он старую бабушку:

– Куда это ты, Плавачек, куда?

– Иду с письмом в королевский замок и заблудился. Вы не могли бы, матушка, указать мне дорогу?

– Сегодня все равно не дойдешь, темно, – сказала бабушка, – останься у меня на ночь. Не у чужих остановишься, я твоя крестная.

Юноша согласился, и через несколько шагов увидели они перед собой чудесный домик, словно бы из-под земли выросший. Ночью, когда парень уснул, вытащила бабушка у него из кармана письмо и взамен положила другое, в котором было так написано:

«Этого юношу, которого к тебе посылаю, не мешкая, жени с нашей дочерью: это суженый мне зять. Когда вернусь, чтобы все было исполнено. Такова моя воля».

Как только королева прочитала письмо, она немедленно устроила свадьбу, и обе, королева и молодая королева, не могли на жениха налюбоваться, так он им понравился. Плавачек был своей королевской невестой тоже доволен. Через несколько дней приехал домой король и, когда увидел, что произошло, страшно рассердился на свою жену, что она это устроила.

– Ведь ты же сам велел, чтобы я выдала за него нашу дочь прежде, чем ты вернешься! – ответила королева и подала ему письмо. Король письмо взял, рассмотрел – печать, бумага – все было его собственное. Он велел позвать зятя и спросил его, что да как, да где ходил.

Плавачек рассказал, что заблудился в лесу и остался переночевать у своей старой крестной.

– А как выглядела?

– Так и так.

Король узнал из его слов, что это была та самая особа, которая двадцать лет назад судьбу его дочери связала с судьбой сына угольщика. Думал-думал, а потом говорит:

– Что случилось, то случилось, ничего не изменишь, но задарма моим зятем быть не позволю. Если хочешь быть мужем моей дочери, должен в приданое принести три золотых волоса Деда Всеведа.

Король думал, что так он избавится от своего немилого зятя.

Попрощался Плавачек со своей женой и пошел незнамо куда, но ведь крестной его была вестница судьбы, наверное, потому и нашел он правильную дорогу. Шел он долго и далеко, через горы и доли, через воды и броды, пока не пришел к черному морю. Увидел он лодку, а на ней перевозчика.

– Бог в помощь, старый перевозчик!

– Дай-то Господи, молодой путник! Куда путь держишь?

– К Деду Всеведу за тремя золотыми волосами.

– Хо-хо, так это я тебя так давно жду! Двадцать лет перевожу тут людей, и никто не приходит меня освободить. Если пообещаешь, что спросишь у Деда Всеведа, когда будет конец моей работы, перевезу тебя.

Плавачек пообещал, и перевозчик его перевез.

Потом пришел он к какому-то большому городу, но было там многолюдно и грустно. Перед городом повстречал он старичка с палкой, который едва тащился.

– Бог в помощь, седой дедушка!

– Дай-то Господи, прекрасный юноша! Куда путь держишь?

– К Деду Всеведу за тремя золотыми волосами.

– Ай-яй, так это тебя я давно поджидаю. Я должен тебя немедленно отвести к нашему королю.

Когда они пришли, король сказал:

– Слышал я, что идешь ты к Деду Всеведу. Была у нас яблоня, приносила молодильные яблоки: если кто съедал одно, сразу становился юным, даже если до этого был стариком у гробовой доски. Но уже двадцать лет яблоня не приносила ни одного плода. Если пообещаешь, что спросишь у деда Всеведа, можно ли нам с яблоней помочь, по-королевски тебя награжу.

Плавачек пообещал, и король его милостиво отпустил.

Потом подошел он к другому большому городу, наполовину уничтоженному пожаром. Недалеко от города сын хоронил умершего отца, и слезы градом текли по его щекам.

– Бог в помощь, печальный могильщик! – сказал Плавачек.

– Дай-то Господи, добрый путник! Куда путь держишь?

– Иду к деду Всеведу за тремя золотыми волосами.

– К Деду Всеведу? Жаль, что ты не пришел раньше. Наш король такого гонца давно поджидает. Я должен тебя к нему отвести.

Когда они пришли, король сказал:

– Слышал я, что идешь ты к Деду Всеведу. Был у нас тут родник, текла из него живая вода. Когда кто-то ее пил, даже если умирал, тут же делался здоровым. А если был уже мертвым, стоило покропить его той водой, как он вставал и шел. Тому уже двадцать лет, как вода перестала течь. Если ты пообещаешь, что спросишь у деда Всеведа, можно ли нам как-то помочь, дам тебе королевскую награду.

Плавачек обещал, и король его милостиво отпустил.

Шел он долго и далеко черным лесом и посреди леса увидел большой зеленый луг с прекрасными цветами, а на лугу золотой замок. Это был замок Деда Всеведа, сверкающий, как пламя. Плавачек вошел в замок, но не нашел там никого, только в одном закутке сидела старая бабушка и прядла.

– Добро пожаловать, Плавачек, – сказала она, – рада снова тебя видеть.

Это была его крестная, у которой он останавливался в лесу на ночлег, когда нес то послание короля.

– Что же тебя сюда привело?

– Король не хочет, чтобы я задарма был его зятем, вот и послал меня за тремя золотыми волосами Деда Всеведа.

Бабушка улыбнулась и говорит:

– Дед Всевед – мой сын, ясное солнце: утром он младенец, в полдень – мужчина, а вечером старый дед. Я тебе три волоса из его бороды достану, не зря же я твоя крестная. Но просто так ты тут остаться не можешь! Мой сын вообще-то добрая душа, но когда приходит вечером домой голодный, легко может стать, что тебя зажарит и съест на ужин. Тут вот пустая кадушка, залезай, я тебя укрою.

Плавачек попросил, чтобы она спросила Деда Всеведа о тех трех вещах, что обещал он узнать по дороге.

– Спрошу, – сказала бабушка, – и внимательно слушай, что скажет.

Вдруг изнутри дунул ветер и в западное окно в светлицу прилетело солнце – старый дедушка с золотой головой.

– Чую, чую человечину, – говорит, – кто тут, мать, у тебя?

– Звезда дневная, кто у меня может быть, чтобы ты об этом не знал? Вот всегда у тебя так: летаешь целый день по Божьему свету, нанюхаешься там человечины, неудивительно, что вечером дома тебе все еще человечинной пахнет.

Старичок на это ничего не ответил и сел ужинать.

После ужина положил он свою золотую голову бабушке на колени и задремал. Когда бабушка увидела, что он уже уснул, выдернула у него из головы один золотой волос и бросила его наземь – он зазвенел, как струна.

– Что такое, мама? – сказал старичок.

– Ничего, сыночек, ничего. Я задремала и увидела удивительный сон.

– А что тебе снилось?

– Снилось мне, что в одном городе был источник с живой водой. Когда кто-то болел, пил из него и выздоравливал, а если умирающего кропили той водой, человек оживал. Но тому уж двадцать лет, как вода перестала течь. Можно ли как-то помочь этому?

– Легко помочь: в том источнике сидит жаба, она и не дает воде течь. Пусть убьют жабу и вычистят колодец, вода снова и потечет.

Когда старичок снова уснул, выдернула у него бабушка еще один золотой волос и бросила его наземь.

– Что опять, мама?

– Ничего, сыночек, ничего, я дремала и приснилось мне опять что-то удивительное. Приснился мне один город, в котором была яблоня, приносящая молодильные яблоки. Когда кто-то старел, съедал одно и снова становился молодым. Но последние двадцать лет яблоня не принесла ни одного плода. Можно ли как-то помочь?

– Помочь-то просто: под яблоней лежит змея и сжирает ее силы. Пусть змею убьют и яблоню пересадят, и снова она будет приносить плоды, как прежде.

После этого старичок опять быстро уснул, а бабушка выдернула у него третий золотой волос.

– Что ты мне, мама, спать не даешь? – спросил старичок раздраженно и хотел встать.

– Лежи, сыночек, лежи, не гневайся, не хотела я тебя будить. Но пришла ко мне дремота, и увидела я снова удивительный сон. Приснился мне перевозчик на черном море. Двадцать лет уже там перевозит, и никто не приходит его освободить. Когда будет конец его работы?

– Это сын глупой матери! Пусть даст другому весло в руки, а сам выскочит на берег, тогда тот другой станет перевозчиком. Но теперь-то уж дай мне покой. Я должен рано вставать и идти сушить слезы, которые каждую ночь проливает королевская дочь о своем муже, сыне угольщика, которого король послал за тремя моими золотыми волосами.

К утру поднялся снаружи ветер, и на коленях своей старой матушки проснулось вместо старичка прекрасное златовласое дитя, Божье солнышко, оно попрощалось с матерью и через восточное окно вылетело наружу. Бабушка открыла кадушку и сказала Плавачеку:

– Вот тебе три золотых волоса, и что Дед Всевед на те три вопроса ответил, уже тоже знаешь. Иди с Богом, больше меня не увидишь, в этом не будет нужды.

Плавачек сердечно поблагодарил бабушку и ушел.

Когда пришел в первый город, спросил его король, какую им несет новость.

– Добрую, – сказал Плавачек. – Велите вычистить колодец, и жабу, что сидит на источнике, убейте. И опять потечет вам вода, как когда-то раньше.

Король велел это немедленно сделать, и когда увидел, что вода бьет полным ключом, даровал Плавачеку двенадцать коней, белых как лебеди, а на них столько золота и серебра и драгоценных камней, сколько могли они унести.

Когда пришел Плавачек во второй город, спросил его король, какую им несет новость.

– Добрую, – сказал Плавачек, – выкопайте яблоню, найдите под ее корнями змею, убейте ее. Потом яблоню снова посадите, и будет приносить она вам плоды, как когда-то раньше.

Король немедленно приказал так и сделать, и яблоня за ночь оделась цветами, словно бы розами ее кто-то осыпал. Король очень обрадовался и подарил Плавачеку двенадцать вороных коней, а на них столько богатства, сколько те могли унести.

Плавачек поехал дальше, и когда оказался у черного моря, спросил его перевозчик, узнали ли юноша, когда будет он свободен.

– Узнал, – сказал Плавачек, – но сначала перевези меня, потом тебе скажу.

Перевозчик сначала запрягся, но когда увидел, что другой помощи ему не будет, перевез Плавачека и его двадцать четыре коня.

– Когда снова будешь кого-то перевозить, – сказал ему после этого Плавачек, – дай ему весло в руку и выскочи на берег, и будет тот вместо тебя перевозчиком.

Король глазам своим не поверил, когда Плавачек принес ему три золотых волоса Деда Всеведа, а дочь его плакала не от жалости, а от радости, что он вернулся.

– А где ты добыл этих прекрасных коней и это великое богатство? – спросил король.

– Я заслужил все это, – сказал Плавачек и поведал, как одному королю помог, чтобы снова у того росли молодильные яблоки, которые старых людей делают молодыми, а другому королю помог, чтобы была у него снова живая вода, которая больных превращает в здоровых, а мертвых в живых.

– Молодильные яблоки! Живая вода! – повторял потихоньку король. – Если бы съел одно, омолодился бы, а если бы и умер, от живой воды снова бы ожил!

Не мешкая, отправился он в путь за молодильными яблоками и за живой водой и оттуда до сих пор не вернулся.

Так стал сын угольщика зятем короля, как вестница судеб рассудила, а король – наверное, все еще работает перевозчиком на черном море.

Живая вода

Жил-был один король, и было у него три сына. Когда эти сыновья подросли, разболелись у короля глаза так, что не мог он глядеть на свет Божий, должен был оставаться в темноте, и никто не знал, чем ему помочь. Однажды ночью приснилось королю, что, если бы достал он живую воду и ею глаза промыл, выздоровел бы. На следующую ночь приснилось ему то же самое, и на третью ночь опять. Позвал он к себе своих трех сыновей и сказал им:

– Милые сыновья, снилось мне три ночи подряд, что выздоровел бы я, если бы умылся живой водой. Кто из вас пойдет за ней?

– Я! Я! Я! – отвечали все.

Король был очень доволен, но сказал:

– Милые дети! Все трое идти не можете! Я старый и больной, кто обо мне будет заботиться, если вы все уйдете? Иди ты, самый старший мой сын, тебе это по праву положено.

Самый старший сын тотчас же приготовился в дорогу. Выбрал доброго коня, набрал из королевской кладовой много золота и серебра, попрощался с отцом и поехал. Ехал три дня подряд, нигде не задерживался, пока не приехал к большому городу; он сильно устал, да и город ему понравился, захотелось ему тут пару дней отдохнуть. Пришел в пивную, видит: три прекрасные девицы играют в кости. Королевич к ним подошел, смотрел-смотрел – и очень ему эта игра понравилась. Тут одна девица ему говорит:

– Не хочешь с нами сыграть?

Королевич не отказался и начал играть. Играл три дня и три ночи, все свое серебро и золото проиграл. Потом поставил на своего коня и снова проиграл. И когда уж не имел ничего, на что мог бы поставить, сказала та девица:

– Будем играть друг на друга. Если ты выиграешь, будем твои со всем, что нам принадлежит, а если выиграем мы, ты будешь наш.

Королевич согласился, взял кости, перемешал, бросил на стол и – проиграл себя самого.

Король дома ждал, ждал, но сына дождаться не мог, а с глазами его было все хуже и хуже.

Тут пришел к нему средний сын и сказал:

– Отец, позволь мне поехать за живой водой, может быть, и о брате что-то узнаю.

– Поезжай, сын мой, – сказал король. – Помогай тебе Господь!

Королевич оседлал доброго коня, набрал из кладовой королевского золота и серебра и поехал. Ехал он той же самой дорогой и на третий день приехал в тот же самый большой город, и был он уже усталый, и город ему понравился, и захотел он тут отдохнуть. Пришел он в пивную, увидел трех прекрасных девиц, играющих в кости. Королевич встал возле них и смотрел, пока ему та самая красна девица тоже не предложила сделать ставку. Королевич начал играть и проиграл все свое золото и серебро, потом коня, а напоследок и самого себя.

Король опять долго-долго ждал, и поскольку ни один, ни второй его сын не возвращались, а болезнь его день ото дня усиливалась, сказал ему младший сын:

– Отец, позволь мне поехать за живой водой для тебя; может, где-то там и братьев своих встречу и приведу их с собой.

Король отказывался, не хотел его отпускать:

– Кто знает, что там с моими сыновьями приключилось, – говорит, – и если и ты от меня уйдешь и где-то сгинешь, кто меня потом утешит в моей скорби?

Но сын просил неустанно, и король в конце концов дал согласие.

Королевич, не мешкая, оседлал своего доброго коня Сивака и взял из отцовской кладовой ровно столько, сколько ему казалось необходимым, попрощался с отцом и пустился в дорогу. Когда он приехал в город, где оставались его братья, ему там тоже понравилось, но он в городе все же не задержался. Вспомнил он об отце, что ждет его дома и считает дни до его возвращения, и поехал дальше.

Потом через несколько дней увидел перед собой другой город, и когда приблизился к нему на расстояние трех стрел из лука, оказался у моста через глубокий ров. Но перед мостом начал вдруг под ним конь Сивак брыкаться и никакими силами не хотел переходить по мосту. Королевич соскочил с него – видит во рву человеческий труп, наполовину истлевший и разорванный птицами и зверями. Королевич спросил людей, шедших из города, почему тело не похоронили.

– Это был должник, – сказал один, – умер и не заплатил, а каждого такого мы выбрасываем для устрашения в ров, чтобы его сожрали вороны и волки.

– А если за него кто-то заплатит долги? – спросил королевич.

– Тогда мы его похороним как подобает, – ответил тот человек.

Королевич приехал в город, заплатил за покойника долги и велел его похоронить.

Выехал он из города и оказался в большом лесу, подошел к нему большой серый волк и стал ласкаться, как пес. Королевич вынул меч и хотел волка убить.

– Оставь меч в ножнах и возьми меня с собой, – сказал волк, – я тебе пригожусь. Я знаю, куда ты идешь, и хочу помочь добрым советом и делом.

Королевич всадил меч в ножны и взял волка с собой. Пришли они на большой прекрасный луг с шелковой травой. Тут говорит волк:

– Пусти своего коня Сивака на этот луг, пусть пасется, пока мы не возвратимся, а сам садись на меня, я тебя понесу.

Сел королевич на волка, и волк, вертя мохнатым хвостом, вознесся с королевичем в воздух, выше леса, ниже облаков. Стрелой летели они через горы и доли, через воды и броды, пока не прилетели на одну гору. И была та гора хрустальная, а на ней замок из чистого серебра. Тут говорит волк:

– У тебя час времени, иди в замок, во дворе найдешь два колодца с золотыми ведрами. В левом колодце – мертвая вода, а в правом – вода живая. Набери воды из правого колодца и нигде не мешкай. Смотри, вернись раньше, чем минует час, иначе будет тебе плохо.

Пошел королевич в замок, увидел во дворе колодец с живой водой, набрал в бутылку, спрятал и хотел уже уйти. Но поразмыслил и говорит себе:

– Что же это, оказался я в серебряном замке и не увижу, что в нем?

Повернулся он и пошел в замок. У двери первой комнаты увидел он на страже грозного дракона с двенадцатью головами, спящего. В другой комнате увидел он двенадцать прекрасных девушек, они лежали рядом друг с другом на серебряных постельках и все спали. Пришел он в третью комнату – видит девушку одну-одинешеньку. Была она так прекрасна, что невозможно ни слово вымолвить, ни мысли помыслить, а где уж в сказке сказать? Спала она на золотом ложе, с золотой короной на голове, а серебряный пояс лежал на столике возле нее. Королевич замер в восхищении и стоял бы так еще долго, если бы волк за окном не подавал знаки, чтобы он поспешил отсюда. Королевич быстро снял свой серебряный пояс и положил на столик, а пояс той девушки взял с собой. И едва он сел на волка и вознесся в небеса, разразилась в замке страшная буря, и двенадцатиголовый дракон погнался за ними и быстро их догнал. Но королевич вытащил меч и одним ударом отрубил дракону крыло. Дракон упал с облаков вниз, в море, и вода взбурлила вверх, до облаков.

Когда они оказались в лесу в том месте, где королевич встретил волка, волк ему сказал:

– Будь здоров! Должен тебя оставить. Спасибо тебе за службу, которую ты мне сослужил, и знай, что я – дух того покойника, за которого ты заплатил долги и велел похоронить. Поэтому я должен был тебе отплатить. И все же, прежде чем уйти, дам тебе еще добрый совет: не покупай по дороге мясо у виселицы, иначе случится с тобой зло.

После этого волк исчез без следа.

Королевич поехал обратно, пока не приехал к тому городу, где остались его братья. И видит: идет от ворот большая толпа народу. Королевич остановил своего коня Сивака и спросил одного из шедших, что случилось.

– Ведут двоих на виселицу, – сказал тот человек. – Проиграли сами себя в кости и хотели убежать.

Когда этих двоих подвели ближе, увидел королевич, что это его братья. Они его тоже сразу узнали, упали на колени и просили ради всего, что ему на свете мило, чтобы он их выкупил. Королевич быстро заплатил, сколько было необходимо, и взял их с собой.

По дороге братья его спрашивают:

– Ну что, брат, несешь отцу живую воду?

– Несу, – ответил королевич и показал им бутылку.

– Слава Господу Богу, что ты так хорошо все устроил, – сказали братья, но мед у них был только на языке, а в сердце был яд. Завидовали они его счастьем и боялись, чтобы брат не рассказал отцу, как плохо они повели себя. Поэтому договорились братья в сторонке между собой отнять живую воду, а дома перед отцом брата оклеветать. Уговорили они его остановиться на ночлег в одном городе.

– Едешь днем и ночью, – сказали, – нигде не отдыхаешь, можешь причинить вред своему здоровью, отец расстроится.

Ночью, когда брат спал, взяли у него бутылку с живой водой, а вместо нее подложили другую, похожую, но была в ней вода отравленная.

Когда они приехали домой, третий королевич пошел скорее к отцу и с радостью подал ему свою бутылку.

– Вот, милый отец, – говорит, – то, что ты просил, и теперь ты будешь здоров.

– Не верь ему, отец, – вмешались два старших сына, – это мошенник и предатель, он хочет тебя отравить. По дороге мы его выкупили от виселицы, когда мы возвращались с живой водой. Если нам не веришь, попробуй его воду на собаке и увидишь.

Король велел, чтобы ту воду дали собаке, и собака умерла на месте. Вынули братья бутылку, которую взяли у третьего брата, брызнули из нее водой на мертвую собаку, и собака тут же оказалась живой и здоровой. Разгневался король на своего младшего сына, не хотел ни слова от него слышать и видеть его не хотел, а приказал, чтобы замуровали его в башне.

Когда сидел королевич, заключенный в башне, и размышлял о том, что с ним приключилось, вспомнил он слова волка, который ему советовал не покупать по дороге мясо у виселицы.

– Если бы я тебя послушал, – вздохнул юноша, – не погибал бы позорно с голоду, как преступник.

– Не погибнешь, – отозвался голос сверху из маленького башенного окошка. – Злость многое может, но правда победит. Думай о добре и станешь сильнее.

Это был волк, он принес королевичу еду.

– Я буду навещать тебя каждую ночь, – сказал он, – пока не придет час твоего освобождения.

А пока заглянем в серебряный замок, что происходит там? Когда королевич уехал из замка и по дороге сразил двенадцатиголового дракона, пробудилась королева на золотом ложе, и все ее двенадцать девушек пробудились тоже. Вся голая хрустальная гора и окрестности зазеленели от радости, а где раньше была пустошь, встал большой прекрасный город. В нем было полно людей, и все плясали и кричали от радости, что освобождены от своего заклятия и дракона.

Вскоре родился у королевы прекрасный сыночек. Рос он не по дням, а по часам. Когда ему исполнилось семь лет, нашел он среди драгоценностей своей матери в золотом шкафу тот самый серебряный пояс, что оставил королевич. Взял он пояс, пошел к матери и спросил:

– Мамочка, что это?

– Это пояс твоего отца, – ответила королева.

– А где мой отец, как бы мне его найти?

– Подожди, придет, я за ним пошлю.

Та королева была великая и сильная властительница, все короли и князья боялись ее. Она хорошо знала, кто побывал в серебряном замке, – увидела это по меткам на поясе. Она написала послание королю, отцу трех сыновей, а написано было так:

«Пошли мне сюда без промедления того сына, который тебе из моего серебряного замка принес живую воду».

Когда король прочитал послание, позвал он двоих сыновей и объявил им повеление королевы. Сыновья смутились, но чтобы не выдать себя, предложили, что поедут к королеве вдвоем. Они думали, что обманут ее так же, как обманули своего отца.

– Вместе не можете ехать, – сказал король, – я стар, почти на пороге смерти стою, один из вас нужен мне дома. Поезжай ты, старший сын, это тебе по праву положено.

Поехал старший сын – долго ли, далеко ли – забыл тот, кто рассказывал, – и приехал благополучно к серебряному замку. К замку вели ворота и два моста: один железный, а другой золотой. Сыночек королевы глядел в окно, а как увидал королевича, позвал мать:

– Мамочка, мамочка! Уже едет мой отец!

– Где едет, сын мой? – спросила его королева.

– По железному мосту едет.

– Это не твой отец, – сказала королева, – твой отец не жалел своей жизни ради живой воды, так и золота на мосту не пожалел бы!

Когда королевич предстал перед королевой, спросила она его:

– Что ты видел в моем замке, когда сюда приходил за живой водой?

Королевич не знал, что на это ответить.

– Предатель ты и мошенник, – сказала королева, – замуровать его в башне!

После этого написала она другое послание королю:

«Пошли мне другого сына, того, который из моего серебряного замка принес живую воду.

Сын, присланный тобою, предатель и мошенник».

Король, прочитав второе послание, очень испугался, быстро позвал второго сына и спросил, действительно ли он добыл живую воду.

– Добыл, отец, – сказал королевич, – и без промедления поеду к королеве.

Он был изворотливый и думал, что обманет королеву.

Когда он подъезжал к серебряному замку, посмотрел сыночек королевы в окно и позвал мать:

– Mamочка, мамочка, мой отец уже едет!

– Где едет?

– По железному мосту.

– Это не твой отец. Твой отец не жалел своей жизни ради живой воды, так и золота на мосту не пожалел бы!

Когда королевич предстал перед ней, спросила она его опять, что видел он в замке, когда приходил за живой водой. Королевич отвечал, что видел много господ и много слуг.

– Лжешь, – сказала королева, – предатель ты и мошенник! Замуровать его в башне!

Потом написала она третье послание королю:

«Если дороги тебе твоё королевство и твоя голова, пошли мне без промедления своего сына, но того, который действительно в моем серебряном замке был и принес тебе из него живую воду. Оба сына, которых ты мне послал, оказались предателями и мошенниками и получили свое».

Бедный король стоял как громом пораженный. Он видел, что был постыдно обманут двумя сыновьями, и смертельно печалило его, что младшего сына осудил он так поспешно, даже не выслушав. Что ему было делать сейчас? Королева грозит, а сын-то казнен. И решил он, что пошлет ей его кости. Немедленно приказал, чтобы башню проломили и собрали кости его сына. Когда каменщики разобрали стену, тут же заточенный королевич выскочил наружу и побежал к отцу, обнял его и рассказал, что на самом деле произошло и как он был спасен от смерти. Старый король с глазами, полными слез, едва не упал перед сыном на колени, просил прощения и тут же рассказал, что приключилось с его злыми братьями и что требует королева. Королевич подскочил от радости, когда это услышал, быстро оседлал своего коня Сивака, попрощался с отцом и поехал.

Сыночек королевы опять стоял у окна и, увидев подъезжающего королевича, крикнул:

– Mamочка, мамочка, мой отец едет!

– Где едет, сын мой?

– Едет по золотому мосту, аж куски золота от моста отлетают.

– Это твой отец, – сказала королева. – Разве я не говорила, что не будет он жалеть золота на мосту, если не жалел ради живой воды своей жизни?

Когда же королевич предстал перед ней, спросила она его:

– Что видел ты в моем замке, когда приходил за живой водой?

Королевич все подробно рассказал, а потом достал в доказательство ее собственный серебряный пояс, что взял со столика, а на его место положил свой.

Сколько же было потом радости и плясок! Сколько вопросов и рассказов! Немедля послали за старым королем, и, когда он приехал, плакал от радости, как дитя. Приказала королева устроить великие празднования, которые длились четырнадцать дней. Она выпустила всех заключенных в королевстве на свободу, а молодой король заплатил долги за всех должников.

Жалко-прежалко, что было это так давно. Если бы это было в наши дни, у многих должников и тех, кому они должны, камень упал бы с души!

Повесть о Литошском роднике

В стародавние времена к Литошскому роднику ходили купаться три лесные нимфы. Шел однажды Голечек в сумраке мимо родника домой, встретил их, и одна ему так понравилась, что стал он как одурманенный, даже когда нимфы исчезли.

С той минуты Голечек нигде не находил себе места. Задумал он во что бы то ни стало эту лесную нимфу поймать и привести ее домой как жену. Каждый день ходил он к роднику и ждал, спрятавшись поблизости в зарослях, и наконец, на третий день, милые нимфы пришли опять.

Едва приблизились они к Голечку на шаг, выскочил он из зарослей, схватил свою возлюбленную и побежал с ней домой. Он не оглядывался и не видел, что другие нимфы превратились вдруг в белых голубиц и звали свою подружку, летая в вышине:

Линда, Линда, Линдушка,
не рассказывай, почему есть вода в Литоше!

Линда обходилась с Голечком хорошо, но взамен попросила, чтобы он никогда ее не упрекал, что была она лесной нимфой. Голечек всеми святыми божился, что все исполнит.

Однажды был Голечек в поле. Линда вышла к роднику, посмотрела на небо, набрала в жбан воды, а когда вернулась домой, велела челяди, чтобы быстро все полили, и, хотя все было еще зеленое и едва ползерна в колосе, чтобы быстро все сжали и свезли домой. Линда сама при сем присутствовала, и в короткое время урожай, хоть и незрелый, был дома.

Уже по дороге домой Голечек услышал, что случилось, «добрые» люди ему наговорили полную голову.

Совсем разгневанный вошел он домой и, когда увидел Линду посреди зеленых злаков, держащую в руке глиняную миску и кропящую водой зерно, не смог сдержаться и набросился на нее:

– Дичь ты дикая! Что же ты наделала?

У Линды миска выпала из руки, посмотрела она грустно на Голечка, заломила молча руки, переступила порог и исчезла.

Через три дня после того случился страшный град и побил весь урожай так, что и узнать было нельзя, что было засеяно.

Только тогда понял Голечек, что Линда не была обычным существом, как другие люди, что она предвидела град и хотя бы что-то хотела спасти.

Каково же было удивление Голечка, когда пришел он под навес, где было уложено зерно. Там он нашел от самой земли аж по гребень крыши огромные, тяжелые и, как золото, желтые колосья, и выглядело зерно так, будто прекрасно дозрело на поле. Теперь-то он причитал и сокрушался, что выгнал Линду из дому. Ходил по лесам, ходил к роднику, звал Линду, но напрасно.

Ждал Голечек целыми днями и целыми ночами у родника и домой уж больше не возвращался.

Разум и счастье

Встретились однажды Счастье с Разумом на мосточке.

– Уступи мне дорогу, – сказала Счастье.

Разум был тогда еще неопытный, не знал, кто кому должен уступать, и сказал:

– Почему это я должен тебе уступать? Ты ничем не лучше меня.

– Лучше тот, – отвечало Счастье, – кто больше может. Видишь там деревенского сынка, что пашет на поле? Войди в него, и если с тобой он обойдется лучше, чем со мной, буду тебе каждый раз вежливо уступать дорогу, где бы мы ни повстречались.

Разум на это согласился и тут же вошел пахарю в голову. Как только пахарь почувствовал, что у него в голове разум, начал он рассуждать:

– Что ж я должен до смерти за плугом ходить? Ведь я могу и в другом месте сыскать свое счастье!

Оставил он пахоту, положил плуг и поехал домой.

– Папаша, – говорит, – не нравится мне эта деревенская жизнь, буду лучше учиться на садовника.

Отец сказал:

– Что у тебя, Ванек, разум помутился?

Но потом поразмыслил и говорит:

– Ну, если хочешь, благослови тебя Бог. А домишко этот после меня получит твой брат.

Ванек лишился домика, но пренебрег этим и пошел к королевскому садовнику на обучение. Немного ему садовник показывал, но Ванек многое понимал. Скоро не слушал уже и садовника, что должен делать, а делал все по-своему. Сначала садовнику это не понравилось, но потом увидел, что все хорошо получается, и остался доволен.

– Вижу, разума у тебя больше, чем у меня, – сказал он и оставил Ванека садовничать, как тот сам хотел. За короткое время обустроил Ванек сад так, что король был очень доволен и часто прогуливался по саду с королевой и своей единственной дочкой. Королевская дочь была очень красивой девицей, но с двенадцати лет перестала говорить, и никто слова от нее не слышал. Король очень из-за этого огорчился и велел объявить по всему королевству: кто поможет его дочери опять заговорить, тот будет ее мужем.

И объявилось много молодых королей, князей и других благородных господ, но как они приходили, так и уходили ни с чем. Ни единому не повезло, чтобы она заговорила.

«А почему бы мне тоже не попытать своего счастья? – подумал Ванек. – Кто знает, не получится ли у меня заставить ее ответить на мой вопрос?»

И он быстро оказался у короля, а король со своими советниками привели его в покой, где находилась королевская дочь.

У этой дочери был красивый песик, которого она очень любила, потому что пес был очень умный. Все понимал, что королевне было надо. Когда Ванек с королем и советниками вошли в ее покой, парень сделал вид, что королевскую дочь и не видит вовсе. Он обратился к ее песику и говорит:

– Слышал я, песик, что ты очень умен, и пришел к тебе за советом. Было нас трое друзей: один резчик, другой портной и я. Однажды шли мы по лесу и должны были в нем заночевать. Развели костер, чтобы от волков защититься, и договорились стеречь друг друга по очереди. Сначала стерег резчик, и, чтобы скоротать время, взял он чурбанчик и вырезал прекрасную куклу. Когда она была готова, разбудил резчик портного, чтобы тот теперь стерег их сон. Портной, увидев деревянную куклу, спросил, что это.

– Как видишь, – сказал резчик, – было у меня много времени, и вырезал я из чурбанчика куклу. Если у тебя тоже будет много времени, можешь ее одеть.

Портной быстро достал ножницы, иглку, нитку, выкроил платье и принялся его шить. Когда платье было готово, нарядил он куклу. Потом разбудил меня, чтобы я шел стеречь. Я тоже спросил, что это у него.

– Как видишь, – сказал портной, – у резчика было много времени, и вырезал он из чурбанчика куклу, а я ее нарядил. Если у тебя тоже будет достаточно времени, можешь научить ее говорить.

И я действительно научил ее к утру говорить. Но утром, когда мои товарищи пробудились, каждый хотел ту куклу взять себе. Резчик говорит:

– Я ее сделал.

Портной:

– Я ее нарядил.

И я тоже защищал свое право. Скажи мне, песик, кому из нас принадлежит эта кукла?

Песик молчал, но вместо него ответила королевская дочь:

– Кому иному она может принадлежать, как не тебе? Какое дело до безжизненной резчиковой куклы? Какое дело до нарядов портного без речи? Ты ей дал самый лучший дар: жизнь и речь, а потому по праву она принадлежит тебе.

– Ты сама так решила, – сказал Ванек. – И тебе я дал речь и новую жизнь, а потому ты принадлежишь мне по праву.

Тогда сказал королевский советник:

– Его Королевская Милость даст тебе щедрую награду за то, что тебе удалось развязать язык его дочери, но жениться на ней ты не можешь, ты простолюдин.

И король сказал:

– Ты простолюдин. Дам тебе вместо моей дочери щедрую награду.

Но Ванек не хотел ни о какой другой награде слышать и сказал:

– Король без всяких условий пообещал: кто сделает так, чтобы его дочь снова заговорила, тот будет ее мужем. Королевское слово – закон, и если король хочет, чтобы другие уважали его слово, должен сам прежде всего слово свое держать. И потому король должен отдать мне в жены свою дочь.

– Слуги, свяжите его! – закричал советник. – Кто указывает королю, что он должен делать, оскорбляет Его Королевскую Милость и заслуживает смерть. Ваша Королевская Милость, извольте приказать, пусть этому преступнику отсекут мечом голову.

И король сказал:

– Пусть отсекут ему мечом голову!

И Ванека быстро связали и повели на казнь.

Когда привели его на место казни, там его уже ожидало Счастье. Оно обратилось тихо к Разуму:

– Гляди, как этот человек с тобой обошелся. Аж головы сейчас лишится! Уступи-ка, дай-ка я на твое место войду!

Как только Счастье вступило в Ванека, переломился у палача меч, прямо у самой рукоятки, как будто его кто-то перерезал. И пока ему несли другой, приехал из города на коне трубач, как на крыльях прилетел, весело трубил и размахивал белой хоругвью, а за трубачом приехала за Ванеком королевская карета. А было так. Королевская дочь сказала отцу, что Ванек говорил правду и что королевское слово нельзя не держать, а если Ванек простого роду, так его король легко может сделать князем. И король сказал:

– Ты права, пусть будет князем!

Быстро послали за Ванеком королевскую карету, а вместо него был казнен советник, который короля восстаивал против Ванека.

И когда потом Ванек и королевская дочь ехали с венчания, шел той же дорогой Разум и, понимая, что может повстречаться со Счастьем, склонял голову и убегал стороной, как будто за ним гнались. И с тех пор Разум, если встречается где-то со Счастьем, издали ему дорогу уступает.

Так хорошо, что есть смерть на свете

В те давние времена, когда еще Господь Иисус Христос и святой Петр вместе ходили по свету, однажды вечером пришли они к кузнецу и попросились на ночлег. Кузнец их радушно поприветствовал, положил молот под наковальню, провел их в горницу и устроил хороший ужин. А после ужина сказал гостям:

– Вижу, что вы очень устали с дороги и хотели бы отдохнуть, к тому же сегодня стояла такая духота – ложитесь на мою постель, выпитесь хорошенько, а я лягу в сарае на солому.

Он пожелал им доброй ночи и ушел. А когда настало утро, устроил им завтрак, а потом еще проводил их немного. Когда уже с ними прощался, сказал:

– Дал я что у меня было, надеюсь, вы довольны.

Святой Петр потянул Господа Иисуса за рукав и произнес:

– Господь! Неужели ты никакой награды не дашь ему, ведь он такой хороший человек и так нас хорошо принял?

Ответил ему Иисус:

– Награда на этом свете – пустая награда, я ему готовлю другую, на небесах.

Потом обратился к кузнецу и промолвил:

– Проси что хочешь, три твои просьбы будут исполнены.

Кузнец обрадовался и сказал:

– Ну, если так, тогда, Господь, сделай, чтобы я еще сто лет был жив и здоров, как сейчас.

И сказал на это Иисус:

– Будь по-твоему, как просишь. А что хочешь еще?

Кузнец засмеялся и сказал:

– О чем мне просить? Все у меня и так хорошо, на то, что мне нужно, я своим ремеслом всегда заработаю. Сделай, чтобы у меня всегда работы было достаточно, как сейчас.

И ответил ему Господь Иисус:

– И это исполнится. А какое твое третье желание?

Этого милый кузнец уже и не знал, но поразмыслил и через минуту сказал:

– Ну, если ты, Господь, такой добрый, тогда сделай, чтобы каждый, кто сядет на стул, на котором ты у меня за столом сидел, приморозился к нему и не мог с места сдвинуться, пока я его не отпущу.

Святой Петр на это засмеялся, но Господь Иисус промолвил:

– Да будет так, как ты сказал!

На том они и разошлись. Господь Иисус и святой Петр пошли дальше своей дорогой, а кузнец побежал радостно домой. И произошло так, как обещал Господь Иисус. Все знакомые кузнеца уже померли, а он был все еще здоров и свеж, как огурчик, работы имел вдоволь и пел от радости с утра до вечера.

Но все до времени. В конце концов те сто лет тоже прошли, и смерть постучалась в его двери.

– Кто там? – отозвался кузнец.

– Это я, Смерть, за тобой иду.

– И добро пожаловать! Вот это гости! – сказал кузнец и лукаво улыбнулся: – Проходи-проходи, гостя дорогая! Подожди только, я молоты и клещи уложу по порядку и тут же буду готов. А пока что присядь ненадолго на этот стул. Ты и так уже столько ходишь по свету!

Смерть не заставила себя долго уговаривать и, ничего не опасаясь, села. Тут уж кузнец рассмеялся в голос и сказал:

– Теперь сиди тут и не двигайся, пока я не захочу!

Смерть начала дергаться, гроыхать костями и стучать челюстями, но ничего не помогало, не могла она сдвинуться с места и должна была сидеть как прикованная. Кузнец смеялся, аж живот свело, закрыл двери и ушел по своим делам, он был рад, что больше не должен смерти бояться: она сидела у него дома пойманная.

Но радость его не долго длилась, он быстро увидел, что ошибся.

Был у кузнеца дома хорошо откормленный поросенок, и хотел он его на радостях забить и сделать копченую ветчину, потому что очень любил поесть хорошо копченой ветчинки. Взял кузнец топор и так ударил поросенка по голове, аж сам свалился. Но пока нагибался за ножом, чтобы его прирезать, а кровь спустить в горшок, чтобы сделать свиную колбасу, поросенок вдруг поднялся и скок! скок! скок! – убежал прочь, и, прежде чем кузнец опомнился от испуга, его уже и след простыл!

– Подожди, стервец, все равно никуда от меня не денешься! – сказал кузнец, а пока пошел в хлев и вытянул оттуда гусыню. Он ее уже две недели откармливал для престольного праздника.

– Хоть тобой сегодня полакомлюсь, – сказал он сам себе, – раз уж свиная колбаса удрала.

Взял нож, хотел гусыню зарезать. Но вот диво! С гусыни ни капли крови не упало, а когда он из гусиной шеи вытянул нож, и следа от раны не осталось! Пока кузнец этому удивлялся, гусыня у него из рук выскользнула и – «га-га-га!» – полетела за поросенком.

Это уж было для кузнеца слишком! Так хорошо все управил, а теперь и вкусеньким не закусить? Плюнул он на поросенка и гусыню, пошел в голубятню и принес двух голубей. И чтобы они опять ему ничего такого не устроили, топором отсек им головы на колоде – обоим одним ударом.

– Ну, хотя бы с вами получилось, – пробормотал он и бросил их наземь.

Но смотрите-ка! Едва голуби упали на землю, их головы опять оказались на шеях и – ффррр! – были голуби далеко. Вдруг кузнеца озарило, схватился он руками за голову и сказал:

– И правда, правда! Об этом я не подумал. Они же потому не могут умереть, что я Смерть поймал!

И задумался он, и не очень ему нравилось, что теперь он должен навсегда проститься с прекрасной ветчиной и свиной колбасой, с вкусными запеченными гусями и жареными голубями. Но что же делать? Смерть выпустить? Ну уж нет! Та прежде всего свернула бы ему шею. И придумал он, что вместо мяса станет теперь есть горох и каши, а вместо жаркого – печь пироги – ведь если ничего другого нет, так и они вполне вкусные!

Какое-то время все так и получалось, пока были старые запасы. Но пришла весна, и тут уж настала настоящая нищета! Все живые существа, что до этого жили, так и оставались живыми, ни один не пропал. И к тому же выросло множество молодых, так что все повсюду кишмя кишело.

Птицы, мыши, кузнечики, жуки, клещи и прочая живность сожрала и испортила все зерно на полях, луга выглядели, будто их выпалили, деревья в садах стояли, как мётлы, листья и цветы сожрали мотыли и гусеницы – и было невозможно никого из них убить! В озерах и реках было такое множество рыбок, жаб, водяных пауков и других насекомых, что вода от них засмердела и не было возможности напиться. В воздухе была туча комаров, мух и мошкар, а на земле такое количество противных насекомых, что они могли бы уморить человека, если бы тот мог умереть. И ходили люди полумертвые, как тени, не имея возможности ни жить, ни умереть.

Увидел кузнец, какое несчастье своей безрассудной просьбой сотворил, и сказал:

– А ведь Господь Бог хорошо устроил, что есть смерть на свете!

Пошел и сам ей поддался, отпустил ее, а она его тут же и загубила. И так потом постепенно все пошло по старому порядку.

Горшочек, вари!

В одной деревне жила-была бедная вдова, и была у нее единственная дочь. Избушка у них была старой, с дощатой дырявой крышей, и всего-то у них было – несколько курочек на чердаке. Старушка ходила зимой в лес по дрова, летом по ягоды, осенью на поле собирала, что осталось, а дочь носила в город яйца, что несли им курочки, на продажу. Тем они и кормились.

Однажды летом старушка слегка занемогла, и дочке пришлось в одиночку идти в лес по ягоды, чтобы им было что есть. А из ягод они варили кашу. Взяла она горшок и кусок черного хлеба и пошла. Когда уже собрала полный горшок ягод, вышла в лесу к роднику. Села у родника, вынула из фартука хлеб и начала обедать. Был как раз полдень.

Вдруг откуда ни возьмись появилась какая-то старая женщина, выглядела она как нищенка, а в руке держала горшочек.

– Ах, девица моя золотая, – говорит нищенка, – поесть бы мне! Со вчерашнего дня не было у меня во рту и кусочка хлеба. Не дала бы ты мне кусок хлеба?

– Почему нет, – сказала та девушка, – если хотите, берите хоть весь, я все равно домой иду. Он не слишком черствый для вас?

И отдала ей весь свой обед.

– Награди тебя Господь, девица моя золотая, награди тебя Господь! Но раз уж ты, девица, такая добрая, должна и я тебе тоже что-то дать. Смотри, я дам тебе этот горшочек. Когда его дома поставишь на стол и скажешь: «Горшочек, вари!», наварит он тебе столько каши, сколько будет угодно. А когда поймешь, что каши уже достаточно, скажи: «Горшочек, хватит!», и он тут же перестанет варить. Только не забудь, что ты должна сказать эти волшебные слова.

Она подала девушке горшочек и вдруг исчезла, та и не поняла куда.

Когда пришла домой, рассказала матери, что с ней в лесу приключилось, быстро поставила горшочек на стол и велела:

– Горшочек, вари!

Она хотела проверить, не обманула ли ее та нищенка. Но в горшочке быстро начала вариться каша, ее становилось больше и больше, и едва успела она до десяти сосчитать, как горшочек был уже полный.

– Горшочек, хватит! – И горшочек тут же перестал варить.

Вскоре они обе сидели и с удовольствием ели, каша была – пальчики оближешь. Когда наелись, взяла молодая в корзинку несколько яиц и пошла в город, продавать. Но пришлось ей там долго на базаре сидеть, давали ей за них мало, только к самому вечеру продала.

Старуха дома не могла ее дождаться, ей снова захотелось есть, снова захотелось той каши. Взяла она тогда горшочек, поставила его на стол и сказала:

– Горшочек, вари!

Тут в горшочке начала быстро вариться каша, не успела старуха обернуться, как был он уже полный.

– Надо еще за миской и за ложкой сходить, – сказала старуха и пошла в кладовку.

Но когда вернулась, остановилась в страхе: каша валилась полным горлом из горшочка на стол, со стола на лавку, с лавки на землю. Старуха забыла, что должна сказать, чтобы горшочек перестал варить. Она подскочила и прикрыла горшочек миской, думала, что этим кашу остановит. Но миска упала на землю и разбилась, а каша неустанно вытекала из горшочка вниз, как паводок. Ее уже было в комнате столько, что старуха убежала от нее в сени, а там заламывала руки и все время причитала:

– Ах, эта несчастная девчонка, что же это такое она принесла! Я сразу подумала, что ничего хорошего из этого не выйдет!

Через минуту каша потекла уже из комнаты через порог в сени; чем дальше, тем больше ее прибывало. Старуха не знала, куда деваться, и в страхе полезла на чердак, все время причитая, что это несчастная девчонка принесла. Но каши становилось все больше и больше, и скоро вытекала она как туча через двери и окна на улицу, и кто знает, чем бы все это кончилось, если бы в это время как раз не вернулась девушка и не крикнула:

– Горшочек, хватит!

Но на дороге была уже такая гора каши, что крестьяне, возвращавшиеся домой с поля, уже не могли проехать, и пришлось им дорогу через кашу проесть.

Длинный, Широкий и Остроглазый

Жил-был старый король, и был у него единственный сын. Однажды позвал он к себе этого сына и говорит ему:

– Дорогой мой сын! Ты хорошо знаешь, что зрелый плод падает, чтобы дать место другому. Голова моя тоже созрела, видно, скоро на нее солнце светить не будет, но, прежде чем ты меня похоронишь, хотел бы я увидеть свою будущую дочку, твою жену. Женись, сын мой!

А королевич сказал:

– Рад бы, отец, исполнить твою волю, но нет у меня невесты, ни одной не знаю.

Полез старый король в карман, вытянул оттуда золотой ключ и подал его сыну.

– Иди наверх, на башню, на самый высокий этаж, посмотри оттуда вокруг, а потом мне скажешь, которую выберешь.

Королевич, не мешкая, пошел. Отроду там, наверху, еще не был и к тому же никогда не слышал, что там такое.

Когда пришел наверх, на последний этаж, увидел в крыше маленькую железную дверцу, размером с люк, дверца была заперта, открыл ее королевич тем золотым ключом и поднялся наверх. Оказался королевич в огромном круглом зале с синим потолком, похожим на небо в ясной ночи, серебряные звезды трепетали на нем, пол был застелен зеленым шелковым ковром, а в стене двенадцать высоких окон в золотых рамах, и в каждом окне на хрустальном стекле были изображены радужными красками девицы с королевской короной на голове, каждая в разных одеждах, но одна другой краше, удивительно, что королевич, глядя на них, не ослеп. И в то время, как он на них с удивлением смотрел, не зная, которую себе выбрать, начали девицы двигаться, как живые, оглядывались на него и улыбались, только что не говорили.

Заметил королевич, что одно из двенадцати окон было затянуто белым покрывалом, и отодвинул покрывало, чтобы увидеть, что за ним. А там была девица в белой одежде, опоясанная серебряным поясом, с жемчужной короной на голове, и была она всех прекрасней, но грустна и бледна, словно из гроба встала. Долго стоял королевич перед этим портретом в изумлении, и, пока смотрел на нее, разболелось у него сердце, и сказал он:

– Ее хочу взять в жены, и никого больше!

И как только произнес он эти слова, склонила девица голову, покраснела, как роза, и в тот же момент все портреты исчезли.

Когда он спустился вниз и рассказал отцу, что видел и какую девицу себе выбрал, опечалился старый король, задумался и сказал:

– Плохо ты сделал, сын мой, что открыл то, что было закрыто, в большой опасности ты оказался. Девица эта во власти злого чернокнижника, в железном замке заключена; кто ни пытался ее освободить, назад еще не возвращался. Но чему быть, того не миновать, данное слово – закон. Иди, попытай счастья и возвращайся домой живым и здоровым!

Попрощался королевич с отцом, сел на коня и поехал за невестой. И пришлось ему ехать большим лесом, и ехал он так долго, что дорогу потерял. И когда блуждал с конем в чаще среди скал и болот, не зная, куда податься, услышал вдруг за спиной чей-то голос:

– Эй, подождите!

Королевич оглянулся и увидел высокого человека, спешившего к нему.

– Подождите и возьмите меня с собой, а если возьмете меня на службу, жалеть не будете.

– А кто ты есть, – спросил королевич, – и что умеешь делать?

– Меня зовут Длинный, и я умею вытягиваться. Видите на той высокой ели птичье гнездо? Я вам это гнездо сниму, не надо будет даже лезть наверх.

И начал Длинный вытягиваться, тело его удивительно выросло, стал он высоким, как ель, потом он схватил гнездо, в один момент уменьшился и подал его королевичу.

– Это ты хорошо умеешь, но на что мне птичьи гнезда, если ты меня из этого леса не можешь вывести!

– Гм, так это легче легкого! – сказал Длинный и снова начал вытягиваться, пока не стал в три раза выше самой высокой сосны в лесу, тогда оглянулся вокруг и говорит: – Вон там ближайшая дорога из леса.

Потом он уменьшился, взял коня под уздцы и пошел вперед, и, раньше чем королевич выбрался, вышли они из лесу. Перед ними была далекая-широкая равнина, а за той равниной высокие серые скалы, как стены большого города, и горы, поросшие лесом.

– Вон там, господин, идет мой товарищ, – сказал Длинный и указал в сторону равнины, – его тоже вы могли бы взять на службу, верю, что он вам хорошо послужит.

– Крикни ему, позови, чтобы я увидел, что к чему.

– Это, господин, далековато, – сказал Длинный, – едва ли бы он меня услышал, и долго бы он сюда шел, потому что он много на себе носит. Лучше я за ним подскочу.

Снова Длинный вытянулся так высоко, что голова оказалась в облаках, сделал два-три шага, взял товарища за плечи и поставил его перед королевичем. Это был грузный парень, с животом с четырехведерный бочонок.

– Кто ты есть, – спросил королевич, – и что умеешь делать?

– Меня, господин, зовут Широкий, и я могу расширяться.

– Так покажи мне.

– Господин, быстро уезжайте – быстро назад в лес! – крикнул Широкий и начал раздуваться.

Королевич не понял, почему должен уезжать, но видя, что Длинный быстро погнался к лесу, прищипорил коня и припустился за ним. И вовремя спохватился, иначе его вместе с конем Широкий раздавил бы: брюхо его быстро росло во все стороны, будто гора надвигалась. Потом Широкий перестал надуваться, выдохнул так, что леса заколыхались, и сделался снова таким, каким был поначалу.

– Ну, ты мне показал! – сказал ему королевич. – Такого парня не каждый день встретишь, пойдем со мной.

И пошли они дальше. Когда подошли близко к скалам, встретили человека с завязанными платком глазами.

– Кто ты есть, – спросил королевич, – и почему у тебя глаза завязаны, ведь ты не видишь дорогу?

– Ой, господин, наоборот, именно потому, что я слишком хорошо вижу, приходится мне завязывать свои глаза; я с завязанными глазами вижу так, как иной с незавязанными, и если я их развяжу, все насквозь разгляжу, а если пристально на что-то посмотрю, загорится оно пламенем, а что не может гореть, то на куски развалится. Потому меня и называют Остроглазый.

После этих слов повернулся он к скале напротив и уперся в нее своими горящими глазами, и скала начала раскалываться, куски отлетали от нее во все стороны, и вскоре осталась лишь куча песка. И в песке этом что-то сверкало, как огонь. Остроглазый пошел к куче, достал оттуда то, что блестело, и принес королевичу. Это было чистое золото.

– Ого, да ты бесценный парень, – сказал королевич. – Безумцем был бы тот, кто отказался бы взять тебя на службу. Но если у тебя такое острое зрение, посмотри-ка и скажи мне, далеко ли до железного замка и что там сейчас делается?

– Если бы вы, господин, в одиночку поехали, – ответил Остроглазый, – наверное, и за год туда не попали, но с нами придете еще сегодня – как раз сейчас там готовят для нас ужин.

– А что делает моя невеста?

– За стенами железными,
на башне высокой
сторожит ее чернокнижник.

И сказал королевич:

– Кто из вас добрый, помогите мне ее освободить!

И друзья обещали королевичу, что будут ему помогать. Повели его между серыми скалами, через пролом, что сделал в нем Остроглазый, и так шли они по скалам, по высоким горам и темным лесам все дальше и дальше, а если по дороге встречалось им какое-то препятствие, три друга быстро его убрали. Когда солнце склонялось к западу, начали горы снижаться, леса редеть, скалы исчезли, а когда оно уже стояло у горизонта, увидел королевич перед собой железный замок, а когда садилось, поднялся железный мост сам собой, ворота закрылись, и королевич с товарищами оказались пленниками железной крепости.

Когда они огляделись вокруг, отвел королевич коня в конюшню, а там уже все было для коня приготовлено. И пошли они в замок. И на подворье, и в конюшне, и в залах замка, и в комнатах увидели они в полутьме много богато одетых людей, господ и прислужников, но никто из них не двигался – все были окаменевшими. Прошли они через несколько комнат и вошли в трапезную. Была она ярко освещена, посередине стол, на нем стояли разные яства и напитки, и накрыто было на четверых. Ждали они, ждали, думали, что кто-то придет, но раз уж никто не приходил, сели, ели-пили сколько влезет.

Когда наелись, стали оглядываться, где бы лечь спать. Вдруг разом распахнулись двери, и в комнату вошел чернокнижник, скрюченный старик в длинной черной одежде, лысый, с седыми усами по колено, а вместо пояса были на нем три железных обруча. Он вел за руку красную-прекрасную девушку в белом, с серебряным поясом и с жемчужной короной на голове, но была она такая бледная и грустная, как будто из гроба встала. Королевич сразу же ее узнал, вскочил и быстро встал напротив нее, но не успел он и слова вымолвить, как обратился к нему чернокнижник:

– Знаю, зачем ты пришел, хочешь королевну увести отсюда. Что ж! Будь по-твоему, забережь ее, но только если три ночи сможешь уследить, чтобы она от тебя не ушла. Если же уйдет, окаменеешь вместе со своими прислужниками, как все, что пришли раньше тебя.

После этого он указал королевне, чтобы та села, и ушел.

Королевич не мог глаз отвести от девушки, так она была прекрасна. И начал он с ней говорить, спрашивал ее обо всем, но она не отвечала, не улыбалась и ни на кого даже не взглянула, будто была из мрамора. Сел он рядом с ней и решил целую ночь не спать, чтобы она от него не ушла; а для большей уверенности вытянулся Длинный, как ремень, и обвился по стенам вдоль всей комнаты; Широкий сел к двери, надулся и так ее загородил, что ни одна мышка бы не проскочила, а Остроглазый встал на стражу к колонне в центре комнаты. Но через минутку все начали дремать, уснули и спали всю ночь, как убитые.

Когда начало светать, королевич проснулся первый, и ему как будто кто-то нож в сердце вонзил – королевны не было. Он немедленно разбудил слуг и спросил, что же делать.

– Не волнуйтесь, господин, ничего, – сказал Остроглазый и посмотрел в окно, – вот я ее уже вижу! За сто миль отсюда стоит лес, посередине леса – старый дуб, а на вершине этого дуба желудь – этот желудь и есть она. Пусть меня Длинный возьмет на плечи, и мы до нее дотянемся.

И Длинный его быстро на плечи усадил, вытянулся и пошел – что ни шаг, то десять миль, а Остроглазый указывал дорогу.

И не прошло еще времени, которого хватило бы вокруг избы обежать, они уже были тут как тут, и Длинный подал королевичу желудь:

– Господин, опустите этот желудь на землю!

Королевич его опустил, и в тот же миг встала рядом с ним королева.

Когда же солнце стало подниматься из-за гор, растворились с грохотом двери, вошел в комнату чернокнижник, победно усмехаясь, но когда обнаружил там королеву, помрачнел, забурчал, и – треск! – один железный обруч на нем разломился и отскочил. Потом взял он девушку за руку и увел ее прочь.

Весь день после этого нечего было королевичу делать, кроме как ходить по замку и вокруг замка и смотреть, что там было удивительного.

Жизнь всюду словно бы замерла в один момент. В одном зале увидел он какого-то королевича, державшего обеими руками занесенный топор так, как будто хотел кого-то разрубить пополам, но удар не получился, и королевич окаменел. В другой комнате был окаменевший рыцарь, как будто он от кого-то убегал в страхе и, споткнувшись о порог, переступил его, но не упал. У печи сидел слуга, он держал в одной руке кусок жаркого с ужина, а другой рукой подносил кусок ко рту: когда еда была уже у губ, застыл. И много увидел других окаменевших, застывших в разных положениях, когда чернокнижник приказал:

– Окаменейте!

А также увидел королевич много прекрасных окаменевших коней, и в замке, и около замка все было пусто и мертво, деревья были без листьев, луг – без травы, была река, но не текла, нигде ни одной птички-певички, ни цветочка – земного дитятка, а в воде ни одной рыбки.

Утром, в полдень и вечером нашел королевич со своими товарищами в замке доброе и обильное угощение; еда появлялась сама, вино само наливалось. А когда ужин закончился, снова отворились двери, и чернокнижник привел королеву, чтобы королевич ее стерег. И хотя все твердо решили, что будут сопротивляться сну, все же ничего не помогло, и снова уснули. Когда на рассвете королевич пробудился и увидел, что королева исчезла, вскочил и потряс Остроглазого за плечо:

– Эй, ты, Остроглазый, вставай! Знаешь ли ты, где королева?

Тот протер глаза, посмотрел и говорит:

– Уже вижу ее! За двести миль отсюда стоит гора, а в той горе скала, а в той скале драгоценный камень, и камень этот она и есть. Если меня туда Длинный донесет, получим ее.

Длинный тут же взял его на плечи, вытянулся и пошел – что ни шаг, то двадцать миль. Остроглазый уставился своими жгучими глазами на гору, и гора рассыпалась, и скала раскрошилась на тысячу кусков, а между ними сверкал драгоценный камень. Они взяли камень и принесли королевичу, и как только положили камень наземь, на этом месте оказалась королева. И когда пришел чернокнижник и ее увидел, у него глаза от злости заискрились и – треск! – опять один железный обруч разломился на нем и отлетел. Забурчал чернокнижник и отвел королеву из комнаты.

И снова все повторилось, как вчера. После ужина чернокнижник привел королеву, посмотрел колючими глазами в глаза королевича и насмешливо произнес:

– Посмотрим, кто кого, ты победишь или я!

И с этим удалился.

Снова королевич и его слуги сделали все, чтобы уберечься от сна, но напрасно: уснули один за другим, и королевна исчезла.

Утром пробудился королевич раньше всех и, когда не увидел королевну, разбудил Остроглазого:

– Эй, Остроглазый, вставай, посмотри, где королевна!

Остроглазый долго всматривался.

– О, господин, – далеко она, далеко! За триста миль отсюда есть черное море, и посреди этого моря, на дне лежит скорлупа, а в той скорлупе золотой перстень – и перстень этот она и есть. Не тужите, мы ее достанем! Но для этого сегодня должен Длинный и Широкого с собой взять, он нам понадобится!

Длинный посадил на одно плечо Остроглазого, а на другое Широкого, вытянулся и пошел – что ни шаг, то тридцать миль. И когда пришли к черному морю, показывал Длинному Остроглазый, куда лезть в воду за той скорлупой. Длинный вытянул руку как можно дальше, но не сумел достать до дна.

– Подождите, друзья, подождите немножко, я вам помогу, – сказал Широкий и надулся изо всех сил, потом лег на берег и стал пить. Вскоре вода в море опала так, что Длинный легко достал до дна и вытащил скорлупу. Он вынул из скорлупы перстень, взял друзей на плечи и поспешил назад. Тяжело ему было бежать с Широком на плече, ведь у того в животе была половина моря, и в просторной долине стряхнул он Широкого с плеча на землю. Бухнуло так, будто с высокой башни бурдюк сбросили, и в один момент вся долина оказалась под водой, разлилось огромное озеро; Широкий сам едва из него вылез.

А в это время королевичу в замке было очень тяжело; солнечная заря уже показывалась из-за гор, а прислужники его еще не вернулись, и чем ярче выступали лучи, тем сильнее он тосковал: смертный пот выступил у него на лбу. Вскоре после этого показалось солнце на востоке огненным кругом – от сильного удара распахнулись двери, и на пороге оказался чернокнижник, он огляделся и, видя, что королевны нет, мерзко захихикал и вошел в комнату. Но в этот момент – дзынь! – разлетелось окно на куски, и золотой перстень упал на землю, и в тот же момент на этом месте снова появилась королевна.

Остроглазый, видя, что делается в замке и в какой опасности находится его господин, сказал об этом Длинному; Длинный сделал шаг и бросил перстень через окно в комнату.

Чернокнижник завопил от злости так, что замок затрясся, и тут – треск! – третий железный обруч лопнул на нем и отскочил, чернокнижник превратился в ворона и вылетел прочь через разбитое окно.

И сразу прекрасная девушка заговорила и поблагодарила королевича за то, что он ее освободил, и покраснела, как роза. А в замке и около замка все вдруг ожило: тот, что держал в руках поднятый топор, рубанул им в воздух так, что засвистело, а потом засунул топор за пояс; тот, что споткнулся о порог, упал на землю, но тут же встал и принялся себя оглядывать: цел ли; тот, что сидел у печи, засунул кусок жаркого в рот и принялся жевать; и так каждый доделал, что начал перед тем, как застыл. В конюшнях весело топали и ржали кони; деревья около замка пышно зазеленели, на лугах было полно полевых цветов, высоко в небе порхал жаворонок, а в быстрой реке плавали стайки мелких рыбок. Всюду живо, всюду весело.

В комнату, где был королевич, пришло много господ, и все благодарили его за освобождение. Но он сказал:

– Меня благодарить не за что; если бы не было моих верных слуг Длинного, Широкого и Остроглазого, был бы я сейчас тем, чем были все вы недавно.

Вскоре после этого пустился он в дорогу домой к отцу, старому королю, с невестой и слугами Длинным и Остроглазым, и все господа их провожали. По дороге встретили они Широкого и тоже взяли его с собой.

Старый король плакал от радости, что сыну так посчастливилось; он-то думал, что уже не увидит его. Вскоре после этого была шумная свадьба на три недели, все господа, которых освободил королевич, были приглашены. После свадьбы объявили Длинный, Широкий и Остроглазый молодому королю, что снова пойдут по свету искать работу. Молодой король их уговаривал остаться:

– Я все вам дам, что будет нужно до самой смерти, и не нужно будет работать!

Но не нравилась им такая ленивая жизнь, получили они от короля вольную и ушли, и с тех пор так и бродят по свету.

Водяной

Недалеко от одной деревни был большой пруд, в котором время от времени можно было повстречать водяного. Дни проводил он в своем подводном имении, а в ясные ночи любил сидеть на берегу под вербой. Когда темнело, люди старались пруд обходить стороной.

Однажды случилось, что маленькая Бетушка, которая пасла коз на лугу рядом с прудом, не вернулась домой. Искали ее родители, но нашли только козочек, дочка как под землю провалилась.

– Ее унес водяной! – говорили люди.

И были правы.

Подманил он девочку красными ленточками и затянул ее под воду.

Маленькая пастушка плакала и просила, но водяной ее назад уже не отпустил.

Прошло время, родители давно уже оплакали дочку.

Тем временем из маленькой девочки выросла прекрасная панна (дева), и заботилась она о хозяйстве водяного, готовила и убиралась. Всегда, когда она подметала, приказывал ей водяной мести мусор со двора в светлицу. А там мусор превращался в золото и серебро.

Однажды попросила девушка водяного, чтобы что-то из этого богатства он отнес ее родителям. Набрала она золота и серебра столько, сколько поместилось в корзину, и когда вышел месяц, собрался водяной в дорогу.

– Только смотри, нигде не останавливайся, – попросила его Бетушка. – Если остановишься, я тебя увижу и тут же тебя позову!

Водяной пришел к избушке Бетушкиных родителей, осторожно открыл дверь и поставил корзину в сених. К утру он вернулся домой.

Девушка неплохо жила с водяным, но часто вспоминала о своих родителях и рада была бы к ним вернуться. Думала она, как бы ей водяного перехитрить. И вот однажды, когда она пекла хлеб, сделала она из сухого камыша фигуру, одела в свое платье и поставила к печке. Потом позвала водяного:

– Я снова приготовила корзинку золота и серебра. Отнеси ее моим родителям. Но говорю тебе: нигде по дороге не останавливайся отдыхать! Сразу это увижу и тебя позову!

Влезла она сама в корзину, спряталась под золотом и серебром и стала ждать.

Водяной пришел, поднял корзину, взвалил ее себе на спину и пошел.

Но в этот раз ноша показалась ему гораздо тяжелее.

– Отдохну-ка я немножко, – сказал он себе.

Но тут же услышал голос Бетушки:

– Я тебя вижу! Вставай-ка быстрее и беги дальше.

Водяной испугался и продолжил свой путь, пока не принес корзину в избушку. Когда вернулся он домой, спросил у девушки у печи, испечен ли хлеб. Никто ему не ответил. Подошел он ближе и в ту же минуту понял, что умная и прекрасная Бетушка его перехитрила.

Черт и цыган

Старый цыган пошел служить к черту, и черт ему сказал:

– Дам тебе, что хочешь. Будешь мне только хворост и воду носить да под котлом огонь разжигать.

– Хорошо!

И дал ему черт ведро и сказал:

– Иди и набери из колодца воды.

Милый цыган пошел, набрал воды и стал крутить колодезную рукоять, чтобы поднять ведро наверх, но был он уже стар, не мог его вытянуть, и пришлось ему воду вылить, чтобы ведро в колодце не осталось. Но что же принести домой? Вытащил милый цыган из забора кол и стал тыкать им около колодца, как будто копал. Черт не мог его с водой дожидаться и пошел ему навстречу:

– И что ты тут делаешь? Почему воду не принес?

– Ну что! Хочу весь колодец выкопать и тебе принести.

– Оставь это, слишком много бы притащил. И потом – лучше бы ты просто ведро воды принес, пока у меня просто так дрова не сгорели.

После этого черт набрал воды сам и понес ее:

– Да если бы я знал, что ты делаешь, я бы давно сам принес!

Однажды послал цыгана черт в лес за хворостом. Пошел цыган, но в лесу его настиг дождь и промочил насквозь. Простыл старик, и не было у него сил хворост набрать. И что же он сделал? Надрал лыка, пошел лесом, привязывая лыком дерево к дереву. Черт ждал-ждал и пошел сам за ним.

– Что это ты делаешь, неразумный?

– Что делаю! Хочу тебе деревья принести, поэтому связываю целый лес в охапки, чтобы зря не ходить лишний раз.

Черт, видя, что ничего с цыганом не поделать, набрал хворосту и пошел домой. А потом пошел к старому черту за советом.

– Нанял я цыгана, – сказал он, – и не знаю, что с ним делать: мы, черти, сильные и умные, но он еще сильнее и умнее... Мне ничего не остается, кроме как его убить.

Старый черт сказал:

– Хорошо, когда пойдет спать, убей его, чтобы он еще кого-нибудь из наших не облапошил.

Пришел черт домой и отправился спать. Цыган, без сомнения, что-то почуял и положил свой тулуп на лавку, где обычно спал, сам же залез в угол под лавку. Черт подумал, что цыган крепко спит, взял железную палку и ударил по тулупу, так что тот разлетелся, и пошел себе спать, думая, что цыгану пришел конец.

А цыган вздохнул:

– Ох! – и задрожал в углу.

– Что с тобой? – спросил черт.

– Эх! Блоха меня укусила.

Пошел черт опять к старому черту на совет.

– Да как же его убить, – говорит, – если я его железной палкой ударил, а он только задрожал и сказал, что блоха его укусила.

– Тогда лучше заплати ему, сколько он хочет, – сказал старый, – пусть идет куда-нибудь по свету другую службу искать.

Взял цыган мешочек с дукатами и ушел.

Но черту стало жалко денег, которые он ему дал, и пошел он снова к старому черту советоваться, как деньги назад вернуть. И сказал старый:

– Беги за ним и скажи: «Кто из нас сильнее пнет ногой камень, тому деньги и достанутся».

Побежал черт за ним:

– Эй, подожди, цыган! Я тебе что-то скажу.

– И что ты хочешь, негодяй?

– Подожди, давай силами мериться: будем вместе камень пинать; кто сильнее его пнет, того и деньги будут.

– Тогда пинай первый, – сказал цыган.

Черт пнул один раз, другой, аж уши заложило. А цыган тем временем налил под камень воду и говорит:

– Что же ты, глупец! Вот я сейчас пну сухой камень, и вода прыснет.

Пнул и – пшшшшш – брызнула вода из камня.

Пошел черт опять на совет к старому черту, и тот сказал:

– Беги за ним, померяйтесь еще раз: кто из вас выше палку забросит.

Цыган за это время прошел уже несколько миль, вот оглянулся и видит: бежит за ним черт.

– Эй, подожди, цыган!

– И что ты хочешь, подлец?

– Давай так: кто из нас выше палку бросит, того и деньги будут.

– Ну! Значит, будем бросать, а у меня два брата на небесах, оба кузнецы, и попадет им эта палка на молот или на клещи.

Подбросил черт палку, так высоко, что почти и видно не было. А цыган взял палку, поднял ее и крикнул:

– Эй, братья! Подставляйте руки!

А черт схватил его за руку:

– Подожди, не бросай, а то еще ущерб им устроишь.

После этого старый черт посоветовал:

– Беги снова за цыганом и померяйтесь силами в беге.

Догнал черт цыгана, передал ему, что сказал старый черт, а цыган говорит:

– Я с тобой бегать не буду, но есть у меня маленький сыночек, Яца. Ему сейчас только три дня исполнилось, вот если ты его догонишь, после этого и со мной померяешься.

Увидел цыган в борозде зайца:

– Видишь его, – говорит, – это мой маленький Яца. Да! Яца, беги!

Заяц и поскакал по полю туда-сюда, и след его простыл.

– Ай, – говорит черт, – ведь он неправильно бежит.

– И что? В моей семье еще никто правильно не бегал: куда глаза глядят, туда и бежит.

Потом старый черт посоветовал, чтобы они померились силами в борьбе.

– Э, – говорит цыган, – что я буду с тобой силами мериться, вот есть у меня отец, он такой старый, что мы уже семь лет еду ему в нору носим, вот если ты его осилишь, тогда уж и я с тобой силами померяюсь.

Цыган знал о медведе и повел черта к его норе.

– Иди туда, – говорит, – разбуди его и схватись с ним.

Залез туда черт и сказал:

– Вставай, усач! Будем с тобой бороться!

Медведь набросился на него, подмял под себя, исцарапал хорошенько, а потом выбросил его из норы.

Наконец, старый черт посоветовал проверить, кто громче свистнет, чтобы хотя бы за три мили было слышно. Черт свистнул так, что зазвенело и зашумело. А цыган сказал:

– Это что! Вот когда я свистну, тогда ты ослепнешь и оглохнешь. Завяжи себе глаза и уши.

Черт завязал. Тут взял цыган дубину и угодил ею черту сначала по одному, а потом по другому уху.

– Ой, подожди, ой не свисти, ты убьешь меня! Чтoб тебя с твоими деньгами несчастье задавило! Иди себе прочь!

Тем все и закончилось.

Полешко

Жили-были муж с женой; избушка их стояла в конце деревни у леса. Были они бедные: муж батрачил, а жена пряла на продажу, и все время они говорили:

– Вот если бы было у нас дитяtko!

– Радуйтесь, что вам его Господь Бог не дал, – говорили иные люди, – ведь у вас у самих есть нечего.

А они на это отвечали:

– Нам хватает, хватит и нашему дитяtko... Лишь бы оно только у нас было!

Однажды поутру корчевал муж в лесу пни и выкопал пенек, который выглядел точно как маленький ребенок: головка, тельце, ручки, ножки... нужно было только немножко темечко топором обтесать, чтобы было оно круглое и гладкое, и корешочки на ручках и ножках подрезать, чтобы выглядели они как пальчики, и получился настоящий младенец.

Принес муж этот корень домой и говорит жене:

– Вот тебе то, что ты хотела – сыночек Полешко. Если хочешь, можешь его нянчить.

Завернула жена дитяtko в перинку, стала качать его на руках и запела ему:

– Баю-бай, баю-бай, Полешко, засыпай! Как проснется мой сынок, сварю каши я горшок. Баю-бай, баю-бай, мой сыночек, засыпай!

Вдруг дитя в перинке начало двигаться, завертелo головой и стало кричать:

– Мама, я есть хочу!

Женщина от радости не знала, куда бежать. Положила ребенка на кровать и кинулась варить кашу. Когда сварила, Полешко все съел и снова закричал:

– Мама, я есть хочу!

– Подожди, дитяtko, подожди!

Побежала она к соседке и принесла полную кринку молока.

Полешко пил захлеб. Когда выпил, снова закричал, что хочет есть.

Жена очень этому удивилась:

– Как это, дитя, тебе еще не хватило еды?

Пошла она и одолжила в деревне буханку хлеба, положила ее дома на стол и вышла из комнаты, чтобы поставить суп на огонь. Едва она вышла, Полешко, видя на столе хлеб, вымолтался из перинки, прыгнул на лавку, в один миг проглотил буханку и закричал:

– Мама, я есть хочу!

Мама пришла, хотела крошить хлеба в суп, смотрит – хлеб исчез. В углу стоял Полешко, как маленький бочонок, и смотрел на нее во все глаза.

– Господь с тобой, Полешко, неужели ты всю эту буханку съел?

– Съел, мама, и тебя съем!

Открыл он рот, и прежде чем мать опомнилась, оказалась внутри Полешка.

Через минуту пришел домой отец, как только вошел он в дверь, закричал ему Полешко:

– Папа, я есть хочу!

Испугался отец, увидев перед собой тело размером с печь, оно открывало рот и вращало глазами. А когда узнал он Полешка, сказал:

– Забодай тебя бес! Где мама?

– Я ее съел и тебя сейчас съем!

Раскрыл он рот, и в один момент отец оказался внутри. Но чем больше съедал Полешко, тем больше хотел он есть. В избе уже ничего не было, что годилось для еды, и пошел он по деревне, искать себе пропитание.

Повстречал он девушку, везла она с поля полную тачку клевера.

– Сколько же ты всего съел, что у тебя такое огромное брюхо! – сказала девушка с удивлением.

Полешко ответил:

– Я ел – я съел: каши кастрюлю, крынку молока, хлеба буханку, маму, папу и тебя сейчас съем!

Подскочил, и девушка с тачкой исчезла в его брюхе.

Потом повстречал он крестьянина, тот вез сено с луга. Полешко встал ему поперек дороги, и кони остановились.

– Ты что, отойти не можешь, чудовище? Я сейчас на тебя наеду! – закричал крестьянин и поднял кнут.

Но Полешко этого даже не заметил и начал говорить:

– Я ел – я съел: каши кастрюлю, крынку молока, хлеба буханку, маму, папу, девушку с клевером и тебя еще тоже съем!

И прежде чем крестьянин опустил кнут, очутился он с конями и с возом в его брюхе.

Потом пошел Полешко дальше. На поле пастух пас свиней. Полешко захотел и его съесть. И проглотил всех свиней с пастухом, так что от них и следа не осталось.

На пригорке увидел он овчара со стадом овец.

– Раз я уже столько съел, съем-ка я и это!

Пошел и все в себя забросил: овец, овчара и его собаку. Потом снова заковылял дальше, пока не пришел к полю, на котором какая-то бабушка окапывала капусту. Полешко, недолго думая, пошел и начал зеленые кочаны срывать и заглатывать.

– Что это ты мне, Полешко, урон наносишь? – сказала бабушка. – Ведь ты уже много всего съел, мог бы уже и наесться!

Полешко оскалился на нее и говорит:

– Я ел – я съел: каши кастрюлю, крынку молока, хлеба буханку, маму, папу, девушку с клевером, крестьянина с сеном, пастуха с поросятами, овчара с ягнятами – и тебя съем!

И захотел он ее проглотить. Но бабушка была шустрая, угодила Полешку мотыгой в брюхо и распорола его.

Полешко свалился наземь... Он был мертв.

И тогда – вы бы только видели! Из его брюха сначала выбежала собака, за ней овчар, за овчаром выскочили овцы. Собака собрала их вместе, овчар свистнул и погнал их домой. Потом из брюха выскочило стадо свиней, за ними пастух, шелкнул бичом и поспешил за овчаром.

Потом вышли кони, они тянули полный воз сена, крестьянин натянул вожжи и поехал за пастухом к деревне. За возом вышла девушка на тачке с клевером, а за девушкой выскочили из брюха муж с женой, которая несла под мышкой взятую в долг буханку хлеба.

И больше муж с женой никогда не просили о дитятке.

Близнецы

Жили однажды король с королевой, не было у них детей, и они из-за этого очень тужили. Однажды, когда они вместе смотрели в окно, пришла к ним одна старая женщина с семью детьми, один меньше другого, а самого маленького она держала на руках. Просила она, чтобы ей что-то подали на пропитание, потому что ей нечем детей кормить. Вдруг королева принялась плакать, и плакала так, что сердце разрывалось, и когда женщина ее спросила, о чем она плачет, королева сказала:

– Как же мне не плакать, когда я тебя вижу с семью детьми, и тебе их кормить нечем, а у меня еда есть, но ни одного ребеночка у меня нет!

Женщина ей и говорит:

– Не плачьте, госпожа королева! Вы себе сами легко можете помочь. У господина короля есть пруд, а в нем достаточно рыбы. Пусть поймает одну, а вы ее сварите и ешьте, и что не съедите, отдайте кобыле, и что кобыла не съест, отдайте собаке, а что собака не съест, закопайте в саду.

Исполнила все королева, и когда пришло время, родились у нее два прекрасных сыночка, у кобылы родились два беленьких жеребенка, у собаки – два коричневых щеночка, а в саду выросли два прутика, как два диких цветка шпажника.

Королевские сыночки росли, но не так, как иные люди растут – потихоньку. Когда им исполнился год, были они, как семилетние мальчики; когда им исполнилось два года, были как четырнадцатилетние парни; когда им исполнилось три года, были уже взрослые, как парни двадцати одного года; и были они так друг на друга похожи, что и король-отец одного от другого не мог отличить.

Когда сыновья сильно подросли, пошли они к отцу и сказали:

– Отец, мы пойдем по свету.

– Идите, – сказал король, – нужно что-то испытать и чему-то научиться.

Собрались в дорогу: каждый взял себе по родившемуся в одно и то же время белому коню, по коричневому псу, сделали по мечу и отправились в путь. Долго они ехали, пока не приехали к густому лесу. В том лесу стоял огромный дуб, а перед дубом дорога расходилась в разные стороны: одна шла направо, другая налево. Когда братья подъехали к дубу, не могли решить, какую дорогу выбрать.

Тогда старший говорит:

– Знаешь что, брат, давай разойдемся, ничего хорошего нет в том, что мы вместе едем, ты езжай одной дорогой, а я поеду другой. А в ствол этого дуба воткнем свои ножи, чтобы остался у нас знак, когда вернемся сюда через год и один день. Если один из нас вернется первым и увидит, что нож второго чист и без ржавчины, то поймет, что второй здоров, и подождет его у дуба. Если же нож будет ржавым со всех сторон, это будет означать, что тот мертв, поэтому ждать не будет и поедет домой один.

Попрощались они, и поехал старший направо, а младший налево.

А мы пока посмотрим, что было со старшим.

Ехал он долго-долго лесом, пока наконец не выехал из него и не оказался у большого города. Этот город был целиком, внутри и снаружи, затянут черным сукном в знак траура. Вблизи городских ворот был трактир. Вошел туда старший и спросил трактирщика, что значит этот траур. Трактирщик сказал:

– Ох, милый господин, вы, должно быть, издалека, что не знаете, какое у нас тут несчастье!

– И какое же?

– Видите там в лесу небольшую скалу, а под ней часовенку? В той скале уже много лет сидит огромный дракон, и каждый год мы должны ему в часовенку привести на съедение девушку, на которую падет жребий, а если бы мы этого не делали, он бы нас всех раздавил и весь город бы уничтожил. В этом году жребий пал на единственную дочь нашего короля. Король разослал послов по всем четырем сторонам света и объявил: кто убьет дракона и освободит дочь, тому он отдаст дочь в жены и к тому же полкоролевства, потому что уж очень король любит свою дочь – девушка невероятно красива и добра. Но пока еще никто не объявился, а завтра ее уже должны отправить на погибель.

– Тогда объявлюсь я, – сказал королевич, быстро пошел к королю и сказал, что хочет дракона убить и освободить его дочь. Король был очень обрадован и пообещал, что отдаст ему дочь в жены, а к тому – полцарства.

На следующий день утром девушку привели в часовенку, вскочил королевич на белого коня, взял коричневого пса, привязал к поясу меч, поехал к скале и остановился перед пещерой, из которой выходил дракон. Вдруг начал его пес лаять, белый конь встал на дыбы, а меч королевича стал хлестать, как живая змея, а из пещеры раздался громовой голос:

– Здесь ли моя еда?

– Здесь, – сказал королевич, – и будет у тебя ее предостаточно!

Дракон высунул голову из пещеры и, когда увидел королевича, готового к бою, зарычал, заревел так, что скала задрожала, деревья стали гнуться, из глаз дракона сыпались искры, из носа столбами валил дым, а из пасти полыхало пламя. Но королевич не мешкал и накинулся на дракона с мечом, пес рвал его зубами, белый конь кусал его и бил копытами. Долго длилась та битва, но наконец закончилась к счастью королевича и к несчастью дракона. Дракон лежал убитый, а был он длиной тридцать три шага, и кровь из него лилась рекой.

Король не знал, что делать от радости, когда королевич привел дочь здоровой и веселой. Король быстро повелел, чтобы отовсюду сняли черное сукно, и город был затянут красным сукном в знак радости. Вскоре после этого король выполнил свое обещание. Он отдал королевичу в жены свою дочь, принял его как равного себе короля. Жили все потом весело и счастливо, но длилось это недолго.

Однажды вечером посмотрел молодой король в окно и увидел на полуночной стороне глубоко в лесу яркий свет. На следующий вечер он снова увидел этот свет, на третий – снова. И очень он этому удивился и сказал своей жене:

– Странное дело, золотая моя жена, мы уже вместе без малого год, а ты до сих пор мне не сказала, что означает этот свет в глубине леса, который я вижу каждый вечер.

Молодая королева очень испугалась и попросила его:

– Не смотри туда и даже не думай об этом свете, иначе случится несчастье!

Но это королевичу не давало покоя, и решил он пойти в лес ночью и посмотреть, что происходит.

Когда стемнело, подпоясавшись молодой король мечом, оседлал белого коня, взял с собой пса и поехал в лес к тому месту, где светил огонь. Но чем сильнее углублялся он в лес, чем больше приближался он к тому месту, тем становился огонь слабее и слабее, так что оказался королевич в полной темноте в незнакомом лесу и дальше двигаться не мог. Слез он с коня, а поскольку было холодно, развел огонь и стал греться.

Неожиданно выскочила откуда-то старая бабка:

– Охо-хо, добрый молодец, холодно, холодно, – говорила она, дрожа от холода.

– Иди сюда, бабушка, согрейся.

– Охо-хо, рада была бы, да боюсь коня твоего и пса.

– Ничего не бойся, садись поближе к огню.

– Но, добрый молодец, позволь мне коня и пса вот этим прутиком стегнуть и от огня отогнать.

Вытащила она прутик, стегнула белого коня и пса, и тут же они окаменели. И не успел молодой король опомниться, подскочила она к нему, стегнула прутиком, и он тоже окаменел.

А теперь пришло время посмотреть, что делал младший брат-королевич.

Он объездил много чужих стран и повидал много дивных вещей, и когда прошел год и день, собрался он домой и приехал к тому самому огромному дубу, где они с братом разлучились. Когда он не нашел там брата, вытянул из дуба его нож и очень испугался. Нож был с одной стороны весь покрыт ржавчиной, но с другой стороны блестел, как стекло.

– Брат не жив и не мертв, – сказал он себе, – но с ним ничего хорошего не происходит! Пойду его искать.

Повернул он коня и поехал за братом по дороге, что вела вправо. Ехал он долго-долго, наконец, выехал из леса, попал в большой город и зашел именно в тот трактир у ворот, как и год назад его брат.

Трактирщик, как увидел королевича, сразу с большим почтением его приветствовал и сказал:

– Ах, Ваша Королевская Милость, какое нам беспокойство изволили учинить! Три дня вас ищем повсюду, и Ее Милость, вашу прекрасную госпожу королеву, невозможно утешить.

Трактирщик подумал, что это молодой король, потому что братья были так друг на друга похожи, что никто одного от другого не мог отличить. Из этих речей младший королевич узнал, что брат жил здесь и кем он стал, но себя выдавать не хотел. И когда разнеслась весть о возвращении молодого короля, пришли за ним дворяне и повели его в замок. Молодая королева с огромной радостью выбежала ему навстречу, целовала его и упрекала:

– Три ночи я из-за тебя глаз не сомкнула и сколько страху я из-за тебя натерпелась, что ты так долго не возвращался. Что же с тобой случилось?

Но он молчал. Когда же она спросила, где он так долго был, проговорил:

– Я был на охоте, зашел глубоко в лес и заблудился.

Этим ответом королева осталась довольна.

Но когда настала ночь и все пошли отдыхать, положил королевич в ложе между собой и невесткой свой меч. Королева этому очень удивилась и спросила, что это значит, ведь он никогда раньше так не делал. Но королевич сказал:

– Я дал обет, что эти три дня и три ночи не дотронусь до тебя. Не допытывайся, прекрасная госпожа, почему, Бог даст, скоро все узнаешь.

Уже в первый вечер заметил королевич, когда выглянул в окно, что на полуночной стороне леса было очень светло. В другой вечер он снова увидел свет и в третий тоже. И спросил он королеву:

– Скажи мне, прекрасная госпожа, что означает этот свет, который я вижу каждый вечер в лесу?

Она очень этому удивилась и сказала:

– Ведь я тебя уже просила, чтобы ты об этом не спрашивал и даже не думал об этом, потому что это приведет к твоему и моему несчастью!

Ничего не сказал королевич, но сразу подумал, что в лесу, где этот свет, и должен он искать своего брата.

На следующий день, когда стемнело, опоясался он мечом, оседлал белого коня, взял с собой пса и пошел в лес к тому месту, где был свет. Но чем больше углублялся он в лес и чем ближе оказывался к тому месту, тем больше терялся свет, и потом уже из-за полной тьмы не мог он идти дальше. Слез королевич с коня, а поскольку было холодно, развел костер и стал греться. И когда огонь разгорелся, оглянулся королевич и увидел рядом с собой окаменевшего коня, окаменевшего пса и узнал окаменевшего брата. Тут откуда ни возьмись появилась старая бабка:

– Охо-хо, добрый молодец, холодно, холодно, – тряслась она от холода.

– Иди сюда, бабушка, согрейся.

– Охо-хо, рада бы, но боюсь я твоего коня и пса боюсь.

– Не бойся, бабушка, ничего и садись поближе к огню.

– Но, золотой молодец, позволь мне коня и пса немножко этим прутиком стегнуть, чтобы от огня отогнать.

Вытянула она прутик, стегнула белого коня, и тот окаменел. Но пес отскочил от нее, лаял и прыгал рядом с бабкой. Бабка старалась стегнуть его прутиком, но у нее ничего не вышло.

Королевич с самого начала очень внимательно наблюдал за старухой и, когда увидел, что она делает и как превратила коня в камень, подскочил к ней сзади, пока она гонялась за псом, и внезапно вырвал прутик у нее из руки.

– Ты попала, злоязыкая бабка, и беда тебе, если не сделаешь так, как я велю; отдам тебя разорвать на куски моему псу.

– Охо-хо, золотой молодец, охо-хо, все для тебя сделаю, только отдай мне прутик.

– Верни жизнь этим трем камням и моему коню и попробуй только не сделать этого!

– Сделаю, молодец, сделаю. Вот тебе скляночка с живой водой, покропи те камни, и они снова станут живыми.

– Сама это сделала, сама и исправляй!

Пришлось бабке послушаться. Она покропила четыре камня: молодого короля, пса и двух белых коней, и они немедленно ожили, как будто бы пробудились от сна.

– А вот тебе и плата за работу! – сказал королевич и снес бабке голову одним ударом.

И тут вдруг будто гром ударил, так что земля затряслась, а вместо бабки встала перед королевичем такая прекрасная-распрекрасная девица, что он и взглянуть на нее боялся. Поблагодарила она его за то, что освободил он ее от долгого и злого заклятия.

– Я королева этой земли, – сказала эта девица, – а вот мои подданные.

И когда королевич оглянулся, увидел вместо леса большой прекрасный город. Со всех сторон тянулись к нему люди: старые, молодые, благородные и простые, и все его благодарили за освобождение и называли своим королем.

После этого братья с великой радостью возвратились в замок, и молодая королева не могла поверить своим глазам, когда увидела вместо одного мужа двух, и младший королевич рассказал ей обо всем, что произошло и почему лежал по ночам между ними меч.

Вскоре после этого состоялась громкая свадьба младшего королевича с той королевой, которую он освободил от заклятия в лесу, и длилась свадьба целых три недели. Столько было удовольствий и увеселений, столько питья и еды! А тот, кто это рассказал, на свадьбе побывал, булки ел и вино пил, только жаль – ничего от тех лакомств не осталось.

Школа богатства

Жаловался бедный батрак своей жене:

– Слушай, жена, не знаю, что это такое: все время работаю, устаю, как собака, а все равно есть нам нечего, хожу босой и драный. А наш священник ничего не делает, и все у него хорошо, хорошо ест и пьет, и ходит при этом как пан.

Жена его умирала:

– Молчи, дурачок, так уж заведено на свете, чтобы у кого-то было все хорошо, а у кого-то плохо.

Однако муж не успокоился, пошел к священнику и спросил его о причине плохой жизни батрака и хорошей жизни священника.

– Милый брат, – ответил священник, – меня столько раз секли в свое время, и именно поэтому теперь все у меня хорошо.

Пошел муж домой, по дороге нарезал много прутьев вербы и велел жене изо всех сил сечь его аж до крови, напоминая ей неустанно:

– Только посильнее, только посильнее!

Когда, наконец, батрак решил, что денег у него будет достаточно, встал и принялся ждать, не свалятся ли на него откуда-то деньги. Сидел он первый день, второй день, но дожидаться ничего не смог. Пошел он снова к священнику и пожаловался, что высекли его, да еще как, а дела идут еще хуже, чем раньше.

– Ах, ты глупец, я же не это имел в виду, тебе нужно в школу ходить и учиться, как это делал я.

Ушел батрак, купил себе букварь и отправился в школу. По дороге нашел мешочек с дукатами, поднял его и повернул назад, радуясь, что школа ему так быстро помогла.

А случилось так, что пан, потерявший деньги, велел повсюду объявить, чтобы тот, кто найдет такой-то мешочек с деньгами, вернул его в канцелярию. Также в канцелярию донесли, что батрак, который раньше жил в нищете, теперь хорошо одет. Вызвали его в канцелярию и спросили, не находил ли он деньги.

– И нашел, когда в школу шел.

А поскольку батраку было уже пятьдесят лет, его отпустили со словами:

– Ну, это было очень давно, об этом мы не спрашиваем.

Так деньги остались у батрака.

Король Хорек

Были когда-то в Чехии времена, давным-давно, когда каждая куриная община была сама себе хозяйкой. У каждой был свой двор и своя свалка, где куры могли свободно рыться, а за старшего был петух, который общиной руководил. Что курица нароет – было ее, а если петух находил какое-то зернышко, звал всех к себе и потом отдавал его курице, которая ему больше всех нравилась, или склевывал это зернышко сам. Если же какая-нибудь курица сердилась на это, петух ее клевал, и та успокаивалась. Как только на одном дворе начинал петух кукарекать, после него кукарекали и остальные петухи по всей деревне. Так продолжалось многие века в наилучшем порядке и дисциплине.

Случилось, к несчастью, однажды, что лягушки-квакушки стали ругать свое старое руководство. Квакали-квакали и доквалились до того, что выбрали себе королем длинноногого журавля. Увидели это петухи и куры, не захотели отставать от лягушек и постановили, что хорошо было бы и им выбрать своего короля.

Созвали они общинное собрание и начали обсуждать, что и как, и все были единомышленниками. Но когда пришло время выбирать короля, начались между ними ссоры и драки, потому что никто не хотел терпеть господство другого, каждому хотелось самому властвовать. И петухи набрасывались друг на друга и щипались, аж перья из них летели и гребешки кро-воточили.

Один старый важный петух посоветовал, что будет лучше всего для сохранения мира и порядка пригласить какого-нибудь сильного короля из-за границы. И тут же назвал им господина Хорька: это был зубастый, сильный господин, которого каждый будет бояться, и он наверняка устроит им покой и хорошее управление.

Этот совет понравился всем, отправились они к господину Хорьку, чтобы заключить с ним договор.

Господин Хорек выслушал их просьбу, был к ним очень внимателен и приветлив. Пообещал, что сохранит все их права и стародавние свободы, что будет защищать их от коршуна, который уносит цыплят, от куницы, которая выпивает куриные яйца, и от злодеев-воробьев, которые перед самым носом крадут зерна. Пообещал также, что самых больших петухов сделает он членами своего королевского совета, придворными и другими офицерами.

Всем очень понравились его обещания – и курам, и петухам, – и с великой славой посадили они господина Хорька на королевский трон и были рады такому сильному и добродетельному королю.

Прошло немного времени, и захотелось господину королю Хорьку куриной крови. И задумал он обвинить своего подданного в чем-нибудь, чтобы потом его под этим предлогом можно было укусить и высосать из него кровь. Пока он не хотел явно показывать свою хорьковую повадку, чтобы петухи и куры не всполошились.

Король Хорек любезно позвал к себе красивого тучного петуха и спросил, не чувствует ли тот что-то странное.

Петух был честным и почтительным душой и прямо сказал:

– Соболаговолите простить меня, Ваша Королевская Милость, чувствую невероятный смрад.

Был это смрад, который исходит от всех господ хорьков, даже тех, кто восседает на королевском троне.

– Эй, дерзкая, позорная падаль, – насупил на него хорек, – так-то ты осмеливаешься говорить со своим королем и господином?

И – хрум! – одним махом откусил петуху голову и высосал у него кровь.

Потом позвал он к себе другого петуха и спросил так же: не чувствует ли тот что-то странное. Петух, видя безглавое тело товарища и уста Его Милости хорьковой, вымазанные кровью, понял, что творится что-то нехорошее. И начал он от страха дрожать всем телом и не мог вымолвить ни слова.

– Ты что дрожишь? – насупился на него король. – Полагаю, совесть твоя нечиста. Говори, что ты чувствуешь.

Петух собрал все свои силы, поклонился глубоко и сказал тонким сладеньким голоском:

– Королевская Милость, чувствую приятнейший аромат.

– Ах ты, ничтожный предатель! – воскликнул король гневно. – Хочешь лестью прикрыть свое падение?

И – хрум! – откусил ему голову и высосал кровь.

Хорек уже был вполне сыт на этот раз, но игра с петухами развлекала его. Поэтому позвал он еще одного петуха и спросил, что тот чувствует.

Тот был хитрецом, он увидел два обезглавленных тела и, кроме того, увидел на королевских усах что-то похожее на кровь, но сделал вид, что ничего не замечает.

Он учтиво поклонился несколько раз и ответил господину королю со всей осторожностью:

– Извольте простить меня, Ваша Королевская Милость, у меня ужасный насморк из-за нынешней промозглой погоды, а поэтому, к сожалению, ничего не чувствую!

Господин король видел, что петух на уловку не попался, другой хитрости у него подготовлено не было, поэтому приятно ему улыбнулся и милостиво отпустил.

Верхнелужицкие сказки

Еник и Ганичка

Жили-были отец и мать, и было у них очень много детей. Отец пошел в город, купил связку гороха и дал каждому ребенку по гороховому зернышку, а Енику и Ганичке не досталось. Очень они из-за этого плакали. Отец же сказал:

– Перестаньте плакать, я пойду в лес за дровами, а вы пойдете по ягоды.

Отец взял с собой дощечку и валик и повесил их на дерево. И сказал он Енику и Ганичке:

– Ну, идите уж, собирайте! Можете собирать ягоды до тех пор, пока я буду дрова рубить.

Ветер стучал валиком по дощечке, а они думали, что отец рубит деревья, и собирали ягоды дальше. Наелись досыта, набрали полные жбаны и пошли искать отца. Пришли туда, где висели дощечка с валиком, но отца там не было. Тут они расплакались, бегали кругом по лесу, звали, но никого не нашли. Вдруг случайно увидели они пряничную избушку и принялись стучаться:

– Тук-тук в избушку старой Веры!

На стук прибежала старая Вера:

– Кто это тут?

Они быстро спрятались, чтобы она их не нашла. Но потом снова стучали:

– Тук-тук в избушку старой Веры!

И снова прибежала старая Вера:

– Кто это тут?

И они быстро спрятались, чтобы она их не нашла.

Потом все равно бежали стучаться в избушку:

– Тук-тук в избушку старой Веры!

Тут она быстро выскочила и поймала их. Привела их в избушку и говорит:

– Сейчас я буду вас откармливать.

Заперла Вера детей в хлеву и кормила только булочками с молоком. Потом пошла она посмотреть, достаточно ли они откармлены.

– Еничек, высунь-ка свой пальчик, хорошо ли ты откармлен?

Но он высунул свою дудочку, которую из дому с собой принес. Вера ткнула в нее ножом.

– Ох, ты еще недостаточно упитанный, все еще костлявый! Ганичка, высунь ты свой пальчик, хорошо ли ты откармлена?

Ганичка высунула пальчик в наперстке. Вера ткнула ножом прямо в наперсток.

– Ох, ты еще недостаточно упитанная.

Дети так самозабвенно играли в хлеву, что Еник потерял свою дудочку, а Ганичка свой наперсток. Снова пришла старая Вера проверить, достаточно ли они откармлены.

– Еничек, высунь-ка свой пальчик, проверю, достаточно ли ты откармлен.

Высунул он свой палец, и старая Вера ткнула в него ножом так, что кровь полилась.

– Ганичка, высунь-ка свой пальчик, я посмотрю, достаточно ли ты откармлена.

Высунула она пальчик, старая Вера ткнула в него ножом, тоже полилась кровь.

– Да-да, вы оба хорошо откармлены, теперь я вас за жарю.

Растопила она хорошенько печь, взяла Еника и Ганичку и велела:

– Теперь садитесь-ка на эту лопату.

Сиделись они на лопату то так, то сяк, и Вера все время говорила, как дети должны сесть, но они все время падали с лопаты.

– Мы не знаем, как должны сесть, покажи нам!

Тут уселась старая Вера на лопату, и дети ее – фук! – засунули в горящую печь. Старая Вера совершенно испеклась в раскаленной печи, а дети выбежали из избушки к пруду, на котором блестел лед, и стали весело кружиться на льду. Вдруг появилась Верина сестра и хотела детей поймать. Она быстро выбежала из избушки, но поскользнулась на льду, упала и разбилась насмерть. Енику и Ганичке досталась пряничная избушка, владеют они ею до сих пор, если только не продали.

Все-таки право останется правом

Жил-был лесник, и был у него сын, тоже лесник. Послал лесник сына в чужие края, чтобы на свет посмотрел и еще чему-нибудь научился.

Пришел тот в корчму, где повстречал чужеземца, с которым разговорился. Они рассказали друг другу всякие новости и начали говорить о праве. Чужеземец сказал, что за деньги величайшее бесправие можно сделать правом. Молодой лесник утверждал, что право всегда останется правом, и сказал, что хочет с чужеземцем поспорить об этом на триста талеров. Выигравший спор получит деньги, а проигравший лишится жизни. Чужеземец был условиями доволен, и они порешили, что попросят рассудить спор трех знатоков права.

Пошли они к первому присяжному поверенному, и тот сказал, что за деньги можно бесправие сделать правом. Потом пошли они к другому. Тот тоже сказал, что за деньги можно бесправие сделать правом. Напоследок пошли к третьему. И он тоже сказал, что можно за деньги бесправие сделать правом. Вернулись они домой, а поскольку целый день проходили, пришли поздно вечером в трактир. Чужеземец спросил лесника, неужели тот еще не верит, что можно величайшее бесправие за деньги сделать правом, а лесник ответил, что после разговора с присяжными должен этому поверить, но все-таки это не кажется ему правильным.

Чужеземец хотел уже мирно распрощаться, не лишая жизни лесника, если получит свои триста талеров, но вдруг подошел к ним один человек, который стал уговаривать чужеземца, чтобы тот настоял на договоренности. Но чужеземец не стал лишая жизни лесника. Он лишь выколол тому глаза раскаленным железом, приговаривая, что только тогда поверит, что право останется правом, если лесник снова станет зрячим.

Попросил лесник трактирщика вывести его на правильную дорогу до города. Но тот привел его на дорогу к виселице и ушел восвояси. Когда прошел лесник немного вперед, дорога закончилась, и слышно было, как часы бьют одиннадцать. Не мог он идти дальше и остался лежать, надеясь, что кто-нибудь утром пройдет мимо. Вскоре услышал он шорох, словно кто-то шел мимо, потом еще, а вскоре и третий раз услышал шорох. Это были три духа, оставившие ночью тела, чтобы творить всякие шалости. Стали они говорить между собой, и один сказал:

– Сегодня исполняется год и один день с тех пор, как мы собирались здесь и говорили о том, что сотворили за год. Вот опять год прошел, настало время узнать, кто из нас в прошедшем году совершил самый лучший поступок.

Первый отозвался:

– Я лишил жителей города Рамули воды, но им можно помочь, если кто-нибудь найдет, чем засыпан источник.

– И чем же? – спросил второй.

– Посадил я на источник огромную жабу. Уберут оттуда жабу, потечет вода, как раньше.

Другой сказал:

– А я сделал так, что принцесса Сарагавская потеряла всю свою красу и остались от нее кожа да кости; но ей можно помочь, если найдут серебряный гвоздик, забитый в балку над ее постелью.

Третий сказал:

– А я сделал так, что одному человеку раскаленным железом глаза выжгли; но ему можно будет помочь, если смочит он глаза водой из родника недалеко от этой виселицы.

Пробило в городе двенадцать часов, и все трое тут же исчезли. Лесник же запомнил все, что услышал, и стал надеяться, что сможет вернуть себе зрение.

Утром следующего дня услышал он поблизости шаги прохожего и попросил, чтобы тот прислал людей из города, которые бы показали этот прекрасный родник. Пришли разные люди, но никто не мог указать, где находится родник, только одна старая женщина сумела. Довели лесника до родника, и как только промыл он свои глаза, зрение и вправду к нему вернулось.

Спросил лесник, где находится город Рамули, и пошел туда. Как только он оказался в городе, объявил, что хочет вернуть им воду. А поскольку до него желающих вернуть воду много было и город платил им большие деньги, но никто ничего не сделал, горожане уже ничего не хотели снова предпринимать. Но лесник сказал, что сделает все задаром, только чтобы ему дали несколько батраков в помощь. Так и сделали. Когда докопались до русла, по которому прежде текла вода, а потом и до заброшенного источника, отослал лесник всех работников прочь, немножко сам разгреб землю и – глянь-ка! – на источнике сидела жаба, размером со сковороду. Отодвинул лесник ее, и тут же потекла вода, вскоре все колодцы были полны воды.

В его честь приготовил город большой пир и заплатили ему много денег.

После этого пошел лесник дальше, туда, где жила принцесса Сарагавская. Там узнал он о болезни принцессы, как и слышал от духа, и что ни один врач ей помочь не может, так что король пообещал тому, кто ее вылечит, отдать ее в жены. Оделся лесник в прекрасную одежду, пошел в крепость к королю, сказал, что пришел из далеких краев и хочет принцессе помочь. Король ответил, что уже потерял всякую надежду, но что согласен еще раз попытаться. Лесник сказал, что должен сходить за лекарством. Лесник пошел, накупил всяких лакомств и вернулся к принцессе. Дал ей первую порцию и посмотрел, в какую именно балку забит серебряный гвоздик. Утром следующего дня пришел снова к принцессе, дал ей опять немножко лекарства и при этом попытался вытащить гвоздик. Тот стал слегка двигаться. После обеда принцесса почувствовала, что ей уже легче. На третий день он пришел снова и после того, как принцесса приняла лекарство, подошел к балке, вытянул гвоздик целиком и незаметно сунул его в карман. В полдень принцесса была уже здорова настолько, что захотела пообедать, и король позвал лесника на большой обед. Назначили они день свадьбы, но лесник попросил, чтобы прежде мог он съездить домой.

Когда лесник приехал домой, то пришел снова в тот трактир, где потерял зрение, а тот чужеземец тоже там оказался. Начали они снова делиться всякими новостями, и лесник вспомнил, как лежал под виселицей, как нашел воду и как вернул зрение, и сказал, что теперь чужеземец должен поверить, что право все же остается правом на свете. Чужеземец очень удивился и сказал, что хочет верить.

После этого вернулся лесник к принцессе, и праздновали они свадьбу целую неделю. Чужеземец тем временем тоже решил пойти к виселице в надежде, что узнает что-то такое, что поможет ему тоже найти какую-нибудь принцессу и взять ее в жены. И когда минул год, чужеземец отправился туда. Услышал он, как пробило одиннадцать, а потом послышался шорох, потом другой, а вскоре и третий. Начали духи разговаривать, и первый сказал:

– Не иначе как нас кто-то в прошлом году подслушал, потому что все, что мы сделали, у нас не получилось. Давайте-ка прежде, чем говорить о своих делах, поищем тут хорошенько.

Стали они искать и нашли чужеземца. Разорвали его на три части и повесили эти части на три угла виселицы.

Когда старый король умер, выбрали лесника королем, и, если жив он еще, правит аж до сегодняшнего дня и заботится о том, чтобы в его королевстве право всегда оставалось правом.

Золотой клад

У зажиточного отца было три сына, которых он очень любил и правильно воспитывал. Старшие очень хорошо учились, но не было у них такого доброго сердца, как у младшего, Петра, который, по мнению людей, был глуповат, и братья над ним посмеивались. Старших во всей округе считали лучшими женихами, они смолodu умели себя вести в любом обществе. Всюду их уважали, каждый знал, что им не нужно гроши считать, ведь они – наследники отцовского золотого клада. Во всех семьях с девушками на выданье рады были видеть братьев, и каждая мать мечтала, чтобы они обратили внимание на ее дочь. Петру тоже никто камней на дорогу не бросал, но никто его и не замечал, не был он ничем примечателен. Он и сам знал, что не годится для светского общества, поэтому стал нелюдимым, чтобы отцу не пришлось его стыдиться. Уже долгие годы ждали старшие братья, что отец передаст им поместье с золотым кладом, а сам удалится на покой. Наконец в глубокой старости позвал отец сыновей к себе и сказал:

– Дети мои! Нельзя мне дальше заботиться о своем имуществе, хочу оставить все одному из вас, хотел бы, конечно, моих любимых сыновей одарить одинаково, но не могу делить золотое имущество. Даю вам три задания. Кто их исполнит лучше всего, тот и получит золото. В первом задании победит тот, кто принесет от своей девушки самый красивый платок.

Старшие весело ушли выполнять задание, им и в голову не пришло, что Петр может их обогнать, ведь он не был знаком ни с одной девушкой. Попросили они у своих невест самые красивые платки. Но ни одна не дала самый красивый, потому что думала, что ее подруга тоже не отдаст свой лучший платок. Петр, который о золоте отца прежде и не помышлял, грустно пошел за околицу, не зная, куда направиться. Впрочем, он немного утешился, когда услышал, как кто-то ласковым голосом позвал его по имени. Петр не мог отыскать, кто его позвал, посмотрел вокруг, но никого не увидел. Через мгновение он понял, что говорит с ним большая зеленая жаба. Стала она спрашивать о причине его грусти. Когда Петр все ей поведал, жаба сказала:

– Не горюй, есть у меня дочка, которая может подарить тебе самый красивый платок. Пойдем со мной.

Подвела его к какому-то лазу, залезли они внутрь и наконец оказались в прекрасной комнатке. Сказала жаба своей дочери, которая шила у окна:

– Я пообещала этому парню платок, дай ему свой самый красивый!

Та весело подвела его к шкафу, чтобы он выбрал красивейший. Но мать посоветовала дочке самой выбрать, потому что мужчины ничего в этом не понимают. Когда получил Петр самый красивый платок, поблагодарил жаб и весело отправился домой, где отец и братья уже ждали его. Но как же они перепугались, когда увидели, что платок Петра самый красивый. Отец же на это не обратил особого внимания и сказал:

– Дети мои! Ничего еще не решено, вас еще другое задание ждет: каждый должен принести домой драгоценный перстень.

Старшие братья помрачнели, да и Петр опечалился, что должен снова просить жительницу подземного мира. Но все же Петр осмелился и попросил ту о золотом перстне, который немедленно и получил. Странно было, что не жабу Петр в этот раз увидел, а старую женщину, которая прохаживалась по саду. Но он не стал особо вглядываться в нее, а поспешил домой, где его давно уже ждали. Весело показал он отцу и братьям перстень, не зная его цены. И в этот раз Петр победил, потому что перстень его был самым ценным. Братья уже думали, что для них все потеряно. Но отец сказал:

– Дети мои! Ничего еще не решено. Тот из вас получит золото, кто завтра приведет самую красивую и самую добрую невесту.

Полные радости отправились старшие братья к своим богатым невестам, уверенные в победе, зная, что Петр девушкам и в глаза смотреть не отваживался, а уж тем более говорить с ними и признаться в любви. Без всякой надежды пошел он за околицу, вспоминая о своей благодетельнице, но не мог же он осмелиться попросить ее о невесте. Медленно шел он по саду, когда вдруг услышал знакомый голос, спрашивавший его о причине грусти.

– Как же не быть мне грустным, – ответил он. – Вчера я думал, что уже добыл золотое наследство, но сейчас отец обещал его тому, кто завтра приведет самую красивую невесту. Вот братья меня высмеют, когда я приду один.

Жаба (в этот раз это снова была она) утешила его, пообещав помощь. Быстро привела Петра в свое жилище, где шутливо сказала дочери:

– Дважды ты уже помогла этому парню – платком и перстнем, но его отец хочет теперь увидеть его невесту. Столько надежды мы ему дали, неужели сейчас отпустим братьям на смех? Иди, дай ему руку для обручения!

Но жаба с улыбкой ответила:

– А ты уверена, что он хочет быть моим женихом?

После этих приветливых слов Петр оставил всякие страхи и сказал:

– Сердечно рад! Я все время думал о тебе, но не осмеливался о своем желании сказать.

Они быстро сговорились, и девушка пошла переодеваться в свадебный наряд. Через минуту вернулась она со своей матерью и превратилась в прекрасную, великолепно одетую невесту. Петр, недолго думая, привел ее к отцу, который был немало удивлен, что Петр обручился с такой девушкой. Вскоре вошли и другие братья с гордыми невестами. Теперь велел отец, чтобы каждый со своей невестой станцевал галоп. Вскоре у каждой красавицы слетела верхняя одежда, потому что она плохо держалась. На невесте Петра оказалась еще более красивая одежда, а две другие невесты стояли в повседневных платьях. Отец с удивлением сказал:

– Мы и раньше видели, что невеста Петра красивее всех, но не думал я, что под верхней одеждой у нее еще более великолепное платье! Что ж, Петру, против моего ожидания, счастье даровало золотое наследство.

Подошел отец к невесте Петра и поприветствовал ее как невестку. А поскольку отец знал, что старшие братья будут Петру завидовать и вредить, дал он им много денег, чтобы они купили себе поместья и сами вели хозяйство.

Жена водяного

Любят о водяном поговорить сорбы и о жене его рассказывают всякие байки. Иногда видели ее, как она прядет у ручья или у пруда, или отбеливает свои одежды, или расчесывает волосы. А то, бывало, придет, как и ее муж, на рынок. А обычай такой: когда водяной покупает жито и дорого за него платит, наступает всюду дороговизна. Когда же продает водяной его дешевле, чем другие, все дешевеет. Точно так же поступает его жена с маслом. На рынке ее узнают по мокрой кромке на юбке. Однажды была жена водяного роженицей, и рассказывают такую байку о ее родовых схватках:

Одна женщина как-то раз убирала траву поблизости от воды. Приблизилась к ней невероятно толстая жаба. Хоть и неприятно было женщине, но она забеспокоилась о жизни твари, боясь поранить ее серпом, и сказала:

– Прочь, жаба, ведь я буду твоя повивальная баба.

Через какое-то время, когда женщина совсем забыла о разговоре, пришел к ней некий человек, напомнил ее обещание, и попросил, чтобы она пошла с ним и помогла его жене при родах. С огромным волнением спрашивала женщина у дворян и духовенства совета и поучения, как ей поступить.

Получила она совет исполнить свое обещание. Тогда пошла она без опасений с этим человеком (а был это водяной). Когда пришла к тому месту, где познакомилась с жабой, разделил человек прутом воду на две половины, как некогда Моисей, и провел ее посуху в свое подводное хозяйство. Увидела женщина жену водяного в самых сильных родовых схватках. Со всей ловкостью и к удовольствию роженицы исполнила женщина свою работу, и вскоре на свет появилось здоровое дитя. В благодарность за помощь посоветовала ей роженица не просить за свою работу больше, чем ценится она обычно. Когда водяной принес женщине целую меру всяких денег и сказал, чтобы она взяла сколько хочет, не взяла она больше обычного. И это было к ее счастью и к злости водяного, потому что тот хотел ради собственной шалости скрутить женщине шею. А поскольку она не попросила лишнего, обязан был водяной без препон ее отпустить. Как и прежде, ударил он прутом по воде, которая разделилась, и вышла женщина посуху пешком, и вода быстро за ней соединилась. Что стало с младенцем, родившимся у водяного, женщина никогда не узнала.

Нижнелужицкие сказки

Красная Шапочка

Жила-была однажды маленькая хорошенькая девочка, которую все любили, но больше всех любила ее бабушка; не знала она, что бы милой внучке любя подарить. Однажды подарила бабушка ей чепчик из красного бархата, который так шел девочке, что ничего другого она носить не хотела, вот и прозвали ее «Красная Шапочка».

Однажды сказала мать Красной Шапочке:

– Вот тебе пирог и бутылка вина, отнеси это бабушке, совсем она больная и слабая, а это прибавит ей сил. Но будь добра, когда войдешь в избу, ничего там не разглядывай и не забудь сказать: «Доброе утро». Также будь осторожна и смотри внимательно по сторонам, не заблудись и не споткнись по дороге, а то упадешь и разобьешь бутылку, и больной бабушке нечем будет поддержать свои силы.

Красная Шапочка ответила:

– Я хорошо все исполню. – И в знак этого подала мамочке руку.

Бабушка жила в глубине леса, в получасе ходьбы от деревни. Когда Шапочка вошла в лес, повстречала она волка. Но она не знала, что это злой зверь, а потому и не боялась.

– Бог в помощь, Красная Шапочка, – сказал волк.

– Спаси Бог, волк!

– Куда так рано собралась, Красная Шапочка?

– К бабушке.

– Что у тебя в корзинке?

– Пирог и вино; вчера испекли, старая больная бабушка должна хорошенько наесться и набраться сил.

– А где живет твоя бабушка, Красная Шапочка?

– Еще добрые четверть часа ходьбы отсюда, там, в лесу, под тремя огромными дубами стоит ее дом, в глубине лесной чащи, его сразу узнаешь, – сказала Красная Шапочка.

Волк подумал: «Эта маленькая пухленькая девочка – лакомый кусочек, она повкуснее старухи будет, я должен действовать по-умному, чтобы поймать обеих».

Он еще немножко проводил Шапочку, а потом сказал:

– Шапочка, ты только посмотри, какие красивые повсюду цветы, почему ты их не замечаешь? Мне кажется, ты даже не слышишь, как мило поют птички. Идешь просто так, как шла бы в школу, а ведь в лесу так весело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.